

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

2
2023

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific magazines journals and other editions for publishing Ph.D. research findings.
Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political studies:

5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences)

5.5.4. International relations (political sciences)

5.6. Historical sciences:

5.6.1. Russian history (historical sciences)

5.6.2. World history (historical sciences)

5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research (historical sciences)

5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences)

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047

e-mail: panov.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политология:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки)

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: panov.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Cand. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnoovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- P. Ruggenthaler*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergejev*, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler*, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong*, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina*, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shtetzel-Marks*, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors

- V.I. Zhuravleva*, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, кандидат исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Ругенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

- В.И. Журавлева*, доктор исторических наук, профессор, РГГУ
Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ
А.С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история, историография, методология

- Isabella Ginor, Gideon Remez*
The impact of the Cuban Missile crisis on Soviet Middle Eastern policy.
How it led to the Six-Day War, 1967
[Влияние Кубинского ракетного кризиса
на ближневосточную политику Советского Союза:
что привело к Шестидневной войне 1967 г.] 12
- Илья А. Суздальцев*
Карибский кризис в оценках современных
англоязычных историков 23
- Александр С. Тихонов*
Российские военно-морские агенты в Германии
на рубеже XIX–XX вв. 34
- Юрий Ю. Колотаев*
Развитие политики Европейского союза по противодействию
дезинформации сквозь призму мультитейкхолдерного подхода 42

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

- Магомед А.-М. Кодзоев*
«Флешбэки» Карибского кризиса 1962 г.
в американско-кубинских отношениях 60 лет спустя 60
- Андрей Н. Комаров*
Канадско-американские отношения в 1957–1963 гг.:
этапы и история развития 70

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

- Михаил В. Тюркин*
Карибский кризис и Западная Германия: прелюдия
к «новой восточной политике» и «движению 1968 года» 83
- Сергей И. Белов*
Отражение Карибского кризиса в видеоиграх:
на примере Call of Duty: Black Ops 105

Книжная полка

Виктория И. Журавлева

Товарищи по оружию: история союзничества СССР,
США и Великобритании.

Рецензия на книги И.В. Быстровой: Поцелуй через океан:
«Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945)
(М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.),

Ленд-лиз для СССР: экономика, техника, люди (1941–1945 гг.)
(М.: Кучково поле, 2019. 480 с.),

Британский союзник: организация военно-экономических поставок
в СССР в 1941–1945 гг. (М.: Весь мир, 2022. 576 с.) 117

Илья А. Соков

Американские колледжи: история и современность.

Рецензия на книгу: *Кубышкин А.И.* Город и Мантня:

Американский университет в структуре гражданского общества.

СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 280 с. 126

Научная жизнь

Антон С. Панов

60 лет Карибскому кризису: уроки истории для современности:

Обзор международной конференции

(РГГУ, Москва, 20–21 октября 2022 г.) 134

Ignacio Liendo

Rethinking the postgraduate international
and Latin American studies in South America

[Переосмысление последипломных международных

и латиноамериканских исследований в Южной Америке] 140

CONTENTS

International Relations: History, Historiography, Methodology

Isabella Ginor, Gideon Remez

- The impact of the Cuban Missile crisis on Soviet Middle Eastern policy.
How it led to the Six-Day War, 1967 12

Ilya A. Suzdaltsev

- The Cuban Missile crisis in evaluations by contemporary
English-speaking historians 23

Alexander S. Tikhonov

- Russian naval agents in Germany at the turn
of the 19th – 20th centuries 34

Yury Yu. Kolotaev

- Evolution of the EU's policy of tackling disinformation.
A multistakeholder approach 42

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

Magomed A.-M. Kodzoev

- “Flashbacks” of the 1962 Cuban Missile crisis
in the U.S.-Cuban relations 60 years later 60

Andrei N. Komarov

- The relations between Canada and the USA in 1957–1963.
Stages and the history of development 70

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

Mikhail V. Tyurkin

- The Cuban Missile crisis and West Germany.
A prelude to the “New Ostpolitik” and the “1968 Movement” 83

Sergei I. Belov

- Reflection of the Caribbean crisis in video games.
On the example of *Call of Duty: Black Ops* 105

Bookshelf

Viktoria I. Zhuravleva

- Comrades-in-arms. The story of Soviet-American-British alliance.
Book Review: Bystrova I.V.: Potselui cherez okean: “Bol’shaya troika”
v svete lichnykh kontaktov (1941–1945)
[Kiss across the ocean. The “Big Three” in the light of personal contacts
(1941–1945)] (M.: ROSSPEN, 2011. 438 s.),
Lend-liz dlya SSSR: ekonomika, tekhnika, lyudi (1941–1945 gg.)
[Lend-Lease for the USSR. Economy, technology, people (1941–1945)]
(M.: Kuchkovo pole, 2019. 480 s.),
Britanskii soyuznik: organizatsiya voenno-ekonomicheskikh postavok
v SSSR v 1941–1945 gg.
[British ally. Organization of military-economic deliveries to the USSR
in 1941–1945] (M.: Ves’ mir, 2022. 576 s.) 117

Ilya A. Sokov

- American colleges. Past and present.
Book review: *Kubyshkin A.I.* Gorod i Mantiya:
Amerikanskii universitet v strukture grazhdanskogo obshchestva
[Town and Gown. The American university in the structure
of civil society]. Saint Petersburg: the Publishing House of A.I. Herzen
State Pedagogical University, 2021. 280 p. 126

Academic Life

Anton S. Panov

- 60 years of the Cuban Missile crisis. History lessons for the present.
Overview of the International Conference (RGGU, Moscow,
October 20–21, 2022) 134

Ignacio Liendo

- Rethinking the postgraduate international and Latin American studies
in South America 140

Международные отношения: история, историография, методология

УДК 327.37

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-12-22

The impact of the Cuban Missile crisis on Soviet Middle Eastern policy. How it led to the Six-Day War, 1967

Isabella Ginor

*Truman Institute, Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel,
remgin2000@yahoo.com*

Gideon Remez

*Truman Institute, Hebrew University of Jerusalem, Jerusalem, Israel,
remgin2000@yahoo.com*

Abstract. The widespread perception of the “Caribbean” crisis as a setback for the Soviet Union overlooks the major achievement that Moscow did score. This was Khrushchev’s success – which, unfortunately for his future in the Soviet leadership, he agreed to the Kennedys’ demand not to publicize – to gain the withdrawal of American Jupiter missiles from Turkey. But within three years, the joint French-Israeli development of nuclear weapons and missile delivery systems threatened to plug the gap that had thus been created in the ring of nuclear-armed western pacts that were the subject of perennial Soviet fears. Documents and memoirs that surfaced in the early years after the USSR’s collapse, cross-checked against US and Israeli sources, reveal this motivation for, and the hitherto unknown features of, the Soviets’ response when in late 1965 an authoritative informant confirmed that despite domestic political change and US pressure, Israel was about to cross the nuclear threshold. This added urgency to Moscow’s regional considerations in favor of supporting an Arab attack on Israel, and produced what was in several respects a mirror-image of the Cuban affair. A joint plan was developed with Egypt, to provoke an Israeli first strike that would legitimize Soviet military intervention to “aid the victims of aggression” and ensure Israel’s defeat. The provocations included overflights of Israel’s nuclear facility by advanced Soviet aircraft; the intervention was to include targeting of the facility by Soviet strategic bombers. This plan’s fiasco in the Six-Day War of June 1967 shaped the Middle East as well as Soviet policy there for decades to come, as an indirect but distinct consequence of the Cuban crisis.

© Ginor I., Remez G., 2023

Keywords: Cuban Missile crisis, Soviet-American Relations, Middle East, Suez-Sinai Campaign, Six-Day War, Ben-Gurion

For citation: Ginor, I. and Remez, G. (2023), "The impact of the Cuban Missile crisis on Soviet Middle Eastern policy. How it led to the Six-Day War, 1967", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 12–22, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-12-22

Влияние Кубинского ракетного кризиса на ближневосточную политику Советского Союза: что привело к Шестидневной войне 1967 г.

Изабелла Гинор

*Институт Трумэна, Еврейский университет в Иерусалиме,
Иерусалим, Израиль, remgin2000@yahoo.com*

Гидеон Ремез

*Институт Трумэна, Еврейский университет в Иерусалиме,
Иерусалим, Израиль, remgin2000@yahoo.com*

Аннотация. Широко распространенное восприятие Карибского кризиса как неудачи для Советского Союза умалчивает тот важный успех, который был достигнут Москвой. Победой Н.С. Хрущева стал вывод с территории Турции американских ракет «Юпитер». Поддавшись требованию Джона Кеннеди не предавать этот факт огласке, Хрущев тем самым решил судьбу своего будущего в советском руководстве. В течение трех последующих лет совместные французско-израильские разработки ядерного оружия и ракетных систем доставки стали явной угрозой восполнить пробел, образовавшийся из-за ряда договоров по ядерным вооружениям между западными странами. Эти разработки были предметом постоянных опасений со стороны Советского Союза. Документы и мемуары, которые появились в первые годы после распада СССР и которые подверглись перекрестной проверке путем их сопоставления с американскими и израильскими источниками, свидетельствуют о желании и о неведомых до этого момента особенностях реакции Советов, когда в конце 1965 г. авторитетный источник подтвердил, что, несмотря на изменения в политической жизни страны и давление США, Израиль был на пороге создания ядерного оружия. Это вызвало еще более настоятельную необходимость принятия Москвой решения по региональному вопросу в пользу поддержки арабского нападения на Израиль. И это привело к той ситуации, которую по целому ряду аспектов можно предста-

вить как зеркальное отображение Кубинского кризиса. С Египтом был разработан совместный план, чтобы спровоцировать Израиль атаковать первым, что могло бы легитимировать советское военное вторжение для «оказания помощи жертвам агрессии» и тем самым обеспечить поражение Израиля. Провокационные действия включали облеты израильского атомного объекта современными советскими самолетами; результатом вторжения должно было стать нацеливание на объект стратегических бомбардировщиков. Крах этого плана в Шестидневной войне в июне 1967 г. определил облик Ближнего Востока, а также политику Советского Союза на десятилетия вперед – и это было хотя и косвенным, но явным последствием Карибского кризиса.

Ключевые слова: Карибский кризис, советско-американские отношения, Ближний Восток, Суэцко-Синайская кампания, Шестидневная война, Бен-Гурион

Для цитирования: Ginor I., Remez G. The impact of the Cuban Missile crisis on Soviet Middle Eastern policy. How it led to the Six-Day War, 1967 // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 12–22. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-12-22

On 5 June 1967, the Soviet leadership initiated the first exchange of messages over the hotline between Washington and Moscow¹. The hotline had been installed less than five years before, following the Caribbean crisis (as it is known in Russian). This highlighted the analogous global magnitude of the Arab-Israeli Six-Day War, which began that day with Israel's preemptive air strike. As one of the participants in both events recorded at the time, in respect of the Soviet leadership's concern, "the Middle Eastern crisis [was] reminiscent of the Cuban one"². It famously posed the greatest risk since Cuba of superpower confrontation up to the potentiality of a nuclear duel. Less attention, however, has been paid to the substantive, and as we found, the linear causal connection between these two ostensibly unrelated arenas of the Cold War.

Our book *Foxbats over Dimona* showed that far from being "the war nobody wanted" as commonly held, the 1967 conflict was actually instigated by the USSR [Ginor, Remez 2007]. Moreover, the Soviet Union planned to launch a direct military intervention that would tip

¹The Washington–Moscow 'Hot-Line' exchange." Files in the Lyndon B. Johnson library. Austin. Texas.

²Diary of Soviet Deputy Foreign Minister Vladimir Semenov, entry for 7 June 1967, quoted in [Млечин 2005, с. 429].

the expected balance in favor of an Arab victory. One of the Soviet objectives, if not *the* main motive, was to prevent Israel from achieving nuclear weapons. The *timing* was certainly determined by authoritative intelligence that this was imminent.

Ironically, Israel's nuclear project had been stimulated by a previous Soviet move. The project was therefore aimed at the USSR no less than at the country's hostile Arab neighbors. Israel's founding leader David Ben-Gurion had contemplated such an ultimate deterrent against existential danger from Arab attack. But practical preparations began after nuclear threats by Soviet Premier Nikolay Bulganin in autumn 1956 were not effectively countered by the Eisenhower administration.

These threats were instrumental in forcing the humiliating retreat of Britain, France and Israel from their gains in the Suez-Sinai campaign. France too was thus drawn into developing its own nuclear *force de frappe* in cooperation with Israel.

A persuasive if not conclusive argument has been made whereby it was the success of Bulganin's extortion that emboldened Nikita Khrushchev to undertake the Cuban adventure in the first place [Васильев 1993, с. 47]. Even more convincing, and more relevant for us today, is the proximity of Khrushchev's Cuban move to the deployment of the US Air Force's intermediate-range Jupiter missiles in Turkey.

Their installation was begun by the Eisenhower administration in late 1961. But they became operational in July 1962 – the same month that Khrushchev approved Fidel Castro's request to deploy Soviet missiles in Cuba [Bernstein 1980]. In mid-October, the discovery by American U-2 flights of bases prepared for these missiles ignited the crisis.

It has long been argued that the Jupiters were already obsolete and of little military value, or that President John F. Kennedy had considered if not actually ordered their withdrawal – to be replaced by Polaris submarines – before the outbreak of the Cuban crisis. But the missiles' deployment in Turkey, as close to the southern USSR as Cuba is to the US south, was to begin with as much a political as a military exercise.

Domestically, the Americans were under pressure to close the "missile gap" with the USSR that was perceived after the first Sputnik launch in 1959. Toward their NATO partners, the Americans had to correct their perceived abandonment of European allies in the face of Soviet threats in the Suez affair. Turkey in particular, under both civilian and military governments, was as eager to have this shield as Cuba was to have Soviet protection after the Bay of Pigs invasion.

But it was precisely the Jupiters' antiquated features that intensified Soviet anxieties. Their propulsion by liquid fuel necessitated a long fueling process that made them worthless for a second strike, and thus exclusively a first-strike threat if any.

A potential exchange of Turkey for Cuba to resolve the crisis was under intense discussion from the outset both *within* both superpowers' governments and *between* them – though the very option of such an agreement was hotly denied³. It finally provided the exit ramp, which was delayed by the Kennedy brothers' insistence (both the president and his brother Robert, the US attorney-general who informally but decisively handled the negotiations), that the Turkish aspect of the deal not be publicized. This highlighted the political significance of the deal, and obviated any claim that it did not embody a major concession by the United States.

It is beyond the scope of this article to question Khrushchev's motives for acceding to the demand of secrecy. But the Soviets too denied the deal when Castro suspected that Cuba was being used as a bargaining chip to eliminate the threat from Turkey. This cemented perceptions, to this day, that the Soviet side had been the loser – which would contribute to Khrushchev's ouster soon after.

The deal was not only made but consummated, and the US missiles were quietly withdrawn within a few months – with no mention of any connection to the Cuban crisis⁴. Khrushchev's successors in the Soviet leadership comma however, shared his preoccupation with addressing the USSR's perennial phobia of being surrounded by nuclear-armed western-oriented alliances. Putin's Russia has just exemplified it again with its violent resistance to NATO's eastward expansion. Barely three years after Cuba enabled the Soviets to punch a Middle Eastern gap in this nuclear encirclement, the Israeli project threatened to plug it.

The complex political developments in Israel that resulted in Ben-Gurion's loss of power were effectively though covertly dominated by the nuclear issue, and especially US objections to the project. Whether Israel would continue toward a bomb under his successor Levi Eshkol (who was politically allied with the project's opponents), became a prime concern for Soviet intelligence in Israel.

It was only Soviet Foreign Ministry documents, which were published in the pre-Putin era, that revealed how the question was definitively answered for the Soviets. This was by a message from no less an

³Kennedy rejects Turkey deal, demands removal of Cuba missiles // UPI. 1962. 27 Oct.

⁴Polaris Sub takes up Mediterranean patrol: Jupiters became obsolete // The Sunday Star (Washington, DC). 1963. 31 March.

authority than Isser Harel, the legendary head of Israel's intelligence agency Mossad. He had been dismissed by Ben-Gurion and was briefly appointed an adviser to Eshkol. Through the leader of Israel's Communist Party, he notified the Soviet embassy that regardless of Israel's official statements, it was bent on developing *and acquiring* atomic weapons⁵.

The most charitable explanation of Harel's motivation for this extraordinary disclosure is that he was acting upon directions from Eshkol, as a deterrent against any Soviet-backed Arab assault. If so, it was badly miscalculated: far from deterring an attack, a nuclear weapon that has yet to be attained only invites preemptive action.

The effect of Harel's message on the Soviets was aggravated by reports that Israel had contracted to procure French missiles which might deliver a bomb into Soviet territory. A dispatch from the Soviet Ambassador in Tel Aviv attested to the perception in Moscow that this development amounted to a reversal of the Turkish benefit that had been salvaged from the Cuban setback. In early 1966, the ambassador, Dmitry Chuvakhin warned: "In ...plans for global nuclear strategy, Israel is slated to play the role of a certain missing link between NATO and CENTO"⁶.

The Israelis were well aware of the Soviets' preoccupation. As early as 1958, a minister presciently warned in cabinet, before being silenced by Ben Gurion: "If we ever decided to take any steps here toward creating atomic energy for purposes of war, I am very much afraid that Russia will have to want to eradicate us"⁷.

Now the decision had not only been taken but was communicated to the Soviets – who immediately undertook preventive action. This was initially by means of blandishments: Bulganin's successors revived a proposal he had made to declare the Middle East a nuclear-free zone, which Israel had decided to ignore. It was now accompanied with such sweeteners as enhanced cultural and scientific exchanges.

An idea was even floated that the USSR might mediate between the Arabs and Israel, that is assume an even-handed position in the conflict. Israel had barely time to digest this change before fierce Arab accusations of a pro-Israeli shift in Moscow caused its abrupt reversal in early 1966.

⁵Ближневосточный конфликт: Из документов Архива внешней политики Российской Федерации / Под ред. В.В. Наумкина. М.: Материк, 2003. Т. 2: 1957–1967. Док. 217. С. 487–489.

⁶Там же. Док. 220. С. 492.

⁷Minister of justice Pinhas Rozen. Transcripts of the meetings of the Eighth cabinet // Israel State Archive. 1958. No. 27/318. 2 Febr. P. 25, 26.

This occurred around a visit by Kosygin to Egypt, which was prepared by the same deputy foreign minister Vasily Kuznetsov, who had been the point man for negotiating the Cuban settlement. Again, he had to deal with a strategically important client who was not always as compliant as Moscow's east-European satellites. Egyptian President Gamal Abdel Nasser was as alarmed as the Soviets by the prospect of Israeli nuclear weapons, and he had openly threatened preemptive war to prevent it.

Nasser also pressed his Soviet patrons for countervailing weapons, which they were as reluctant to grant as they had been to give Castro control of the missiles in Cuba. Kosygin finessed this issue by promising Egypt – as he had to Cuba – a nuclear “umbrella”, that is a guarantee of commensurate response if Israel did attain such weapons and tried to use them.

But covertly, Nasser's open threats were replaced by joint military preparations. Simultaneously, measures were begun to provoke an Israeli response that might justify the launch of such an operation to aid the “victims of aggression”. A central feature was steadily intensifying Soviet accusations of an impending Israeli attack on the USSR's other ally, Syria.

An exceptionally declassified document from Israel's Atomic Energy Commission, dated 4 June 1966, states “the Soviet premier has just visited Nasser. It can be assumed that they discussed, among other things, how to prevent Israel from obtaining nuclear weapons, including Nasser's threat of preemptive war.” Why, the note goes on to ask, has the USSR chosen to attack Israel “about Syria, rather than nuclear weapons *which is their main concern?*”⁸

Our book details the particulars and timeline of the Soviet plan to intervene once Israel, faced with a series of unacceptable *casus belli*, would provide the anticipated aggression by shooting first. In this campaign, the nuclear issue was central as both a means and an end. As the American U-2 did in Cuba, overflights of Israel by a Soviet spy plane were the final impetus toward a crisis.

In May-June '67, this was the Soviets' advanced, yet-experimental and secret model that would later be known as MiG-25. It would get its NATO appellation, Foxbat, once the model was first exhibited to western observers at the Domodedovo air show – tellingly, just a month *after* the Six-Day War, once the model was presumably exposed by its use over Israel⁹. Based, among other sources, on the memoirs of

⁸Bendor Sh. Atomic Energy Commission to Yosef Tekoa, Foreign ministry, 6 June 1966 // Israel State Archive. Div. HZ. Box 4049. File 5.

⁹Anderson R.H. Soviet displays 7 new aircraft // New York Times. 1967. 10 July.

the pilot, we identified it as the craft that twice overflew Israel's nuclear complex at Dimona on 17 and 26 May 1967¹⁰.

But unlike the U-2's discovery of the missile bases in Cuba, neither the Soviets nor the Egyptians had to find out what and where the Israeli facility was. Maps captured by Israel in Sinai, 1967, showed that Dimona was marked as a target for Egyptian bombers before the overflights were made¹¹. We added the testimony of a Soviet air force general, whereby in the days preceding the war, his Tu-22s were issued this target's coordinates, after the planes were painted in Egyptian markings and flown to the USSR's nearest suitable base, Mozdok in the Caucasus [Ginor, Remez 2008]¹².

The Foxbat missions were thus unnecessary to detect the nuclear facility. They were meant both to reassure Egypt of the Soviets' commitment and to scare the Israelis into the desired first strike. As transcripts of Israeli leadership deliberations have shown, the latter mission was accomplished [Gluska 2007, pp. 128–130].

Meanwhile Turkey again displayed its eagerness for military reliance on NATO, which had necessitated the American demand that the Jupiter pullout be downplayed and its connection with the Cuban crisis be obscured. Besides the bombers, Soviet MiG-21 fighter squadrons had been positioned in Armenia, and as the war began overflight permission for them was requested from Turkey – which refused. A Turkish official rushed to inform the US Embassy¹³.

But the main reason that the Soviet intervention was almost entirely thwarted was the unexpected and devastating effect of Israel's opening air strike.

It destroyed not only the Arab air forces' aircraft but their bases' runways too, rendering them unusable to the Soviet craft for refueling. Neither the Tu-22 nor the MiG-21 had the range for the round trip.

¹⁰ Vybornov Alexander I.: Biography he provided for participation in the "Gathering of Eagles," Maxwell Air Force Base, Alabama, 1999. URL: <https://goefoundation.org/eagles/vybornov-aleksandr-i/> (Accessed 14 Jan. 2023). See also several interviews in the Russian media.

¹¹ Map reproduced in [Ginor, Remez 2007, p. 125].

¹² *Решетников В.В.* Что было – то было. М., 1995; republished: М.: Эксмо-Яуза, 2004. С. 460–463; Transcript of interview for *The Fifty Years War: Israel and the Arabs* (television documentary by Brian Lapping Associates, 1998); Liddell Hart Centre for Military Archives. L.: King's College. P. 7–9; Unedited video interview for Israel-Plus (Channel 9) Russian-language television. July 2002.

¹³ Department of State incoming telegrams 007482 and 008880 (8 and 9 June 1967), US Embassy Ankara to Secretary of State. Both documents kindly shared by Michael Oren.

After the Six-Day debacle, the Soviets' most pressing diplomatic challenge was to assuage concerns and rebut accusations among the USSR's clients worldwide – not least, Cuba. As the CIA reported: “Since the Middle East crisis the Castro regime has been very critical of the USSR for backing down from its commitments to aid its allies whenever Soviet action might result in a direct confrontation with the United States. The Cuban leaders [fear] the USSR will not come to the aid of Cuba in case of an attack”. That is, the Cubans' doubts were intensified about Soviet commitment to enforce Kennedy's better-known pledge not to repeat the Bay of Pigs invasion.

Kosygin hastened to Havana to placate these anxieties, which intensified existing tensions about spreading revolution in Latin America. In Cuba, as reported by the CIA, Kosygin offered the pretext that “the USSR had been prepared to aid [Egypt] in the struggle against Israel,” which was true enough. But this, he asserted falsely, had been prevented only by a message from Cairo “that [Egypt] intended to stop fighting within several days”¹⁴.

Whether or not this convinced Castro, Cuba – like Romania within the Warsaw Pact – did not follow the Soviet example of severing diplomatic relations with Israel on 10 June. Rather, it let its mission in Israel atrophy gradually until it was finally closed in 1973¹⁵.

It was then, at Soviet behest, that Cuba began its military interventions outside the Western Hemisphere by sending an armored brigade to reinforce a badly beaten Syria after the Yom Kippur War. These Cuban tankists actually saw combat against Israeli forces on the Golan Heights – an episode that awaits full research [Gleijeses 2002, pp. 226–227].

Лумепамыпа

Bernstein 1980 – *Bernstein B.J.* The Cuban Missile crisis. Trading the Jupiters in Turkey? // *Political Science Quarterly*. 1980. Vol. 95. No. 1. P. 97–125.

Ginor, Remez 2007 – *Ginor I., Remez G.* Foxbats over Dimona. The Soviets' nuclear gamble in the Six-Day War. New Haven: Yale University Press, 2007. 287 p.

Ginor, Remez 2008 – *Ginor I., Remez G.* The Six-Day War as a Soviet initiative. New evidence and methodological issues // *Middle East review of international affairs*. September 2008. Vol. 12. No. 3. URL: <https://www.worldsecuritynetwork.com/>

¹⁴ Central Intelligence agency Intelligence information cable 65699, 6 October 1967, CIA Office of National Estimates Special Memorandum 10–67, 21 November 1967, CIA FOIA Web site.

¹⁵ Cuba-Israel ties broken // *The Australian Jewish News*. 1973. 14 Sept.

- Russia/Isabella-Ginor-and-Gideon-Remez-/The-Six-Day-War-as-a-Soviet-Initiativ-New-Evidence-and-Methodological-Issues (Accessed 14 Jan. 2023).
- Gleijeses 2002 – *Gleijeses P.* Conflicting missions. Havana, Washington, and Africa, 1959–1976. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2002. 576 p.
- Gluska 2007 – *Gluska A.* The Israeli military and the origins of the 1967 War. Government, Armed Forces and defence policy 1963–1967. L.: Routledge, 2007. 352 p.
- Млечин 2005 – *Млечин Л.* Зачем Сталин создал Израиль? М.: Яуза; Эксмо, 2005. 478 с.
- Васильев 1993 – *Васильев А.М.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Наука, Изд. фирма «Вост. лит.», 1993. 397 с.

References

- Bernstein, B.J. (1980), “The Cuban Missile crisis. Trading the Jupiters in Turkey?”, *Political Science Quarterly*, vol. 95, no. 1, pp. 97–125.
- Ginor, I. and Remez, G. (2007), *Foxbats over Dimona. The Soviets’ nuclear gamble in the Six-Day War*, Yale University Press, New Haven, USA.
- Ginor, I. and Remez, G. (2008), “The Six-Day War as a Soviet initiative. New evidence and methodological issues”, in *Middle East review of international affairs*, vol. 12, no. 3, available at: <https://www.worldsecuritynetwork.com/Russia/Isabella-Ginor-and-Gideon-Remez-/The-Six-Day-War-as-a-Soviet-Initiativ-New-Evidence-and-Methodological-Issues> (Accessed 14 Jan. 2023).
- Gleijeses, P. (2002), *Conflicting missions. Havana, Washington, and Africa, 1959–1976*, University of North Carolina Press, Chapel Hill, USA.
- Gluska, A. (2007), *The Israeli military and the origins of the 1967 War. Government, Armed Forces and defence policy 1963–1967*, Routledge, London, UK.
- Mlechin, L. (2005), *Zachem Stalin sozdal Izrail?* [Why did Stalin create Israel?], Yauza, Eksmo, Moscow, Russia.
- Vasilyev, A. (1993), *Rossiia na Blizhnem i Srednem Vostoke: ot messianstva k pragmatizmu* [Russia in the Near and Middle East. From messianism to pragmatism], Nauka, Izdatel'skaya firma “Vostochnaya literature”, Moscow, Russia.

Information about the authors

Isabella Ginor, Truman Institute, Hebrew University of Jerusalem, Mt. Scopus Campus, Jerusalem, 9190501, Israel; remgin2000@yahoo.com

Gideon Remez, Truman Institute, Hebrew University of Jerusalem, Mt. Scopus Campus, Jerusalem, 9190501, Israel; remgin2000@yahoo.com

Информация об авторах

Изабелла Гинор, Институт Трумэна, Еврейский университет в Иерусалиме, Иерусалим, Израиль; Израиль, 9190501, Иерусалим, Кампус Маунт-Скопус; remgin2000@yahoo.com

Гидеон Ремез, Институт Трумэна, Еврейский университет в Иерусалиме, Иерусалим, Израиль; Израиль, 9190501, Иерусалим, Кампус Маунт-Скопус; remgin2000@yahoo.com

Карибский кризис в оценках современных англоязычных историков

Илья А. Суздальцев

Школа № 1381, Москва, Россия, ialoko90@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу современной англоязычной историографии Карибского кризиса 1962 г. В статье представлены мнения историков из США, Канады, Великобритании и Австралии. Выбор стран обусловлен тем, что там в последние десятилетия было опубликовано значительное количество работ, посвященных рассматриваемой проблеме. Проанализированы позиции «традиционалистов», критикующих действия Н.С. Хрущева, «ревизионистов», негативно оценивающих внешнюю политику США в этот период, которая, по их мнению, главным образом способствовала развязыванию кризиса. Также в статье освещаются ряд других вопросов, связанных с Карибским кризисом: участие в событиях Великобритании, Канады, Австралии; роль в разрешении конфликта Генерального секретаря ООН У Тана; необходимость расширения хронологических рамок кризиса; общественные настроения; анализируются рассекреченные магнитофонные записи ExComm (органа, состоявшего из правительственных должностных лиц, созданного для консультирования Дж. Кеннеди во время Карибского кризиса). Автор приходит к выводу, что дискуссия в отношении Карибского кризиса в историографии должна способствовать увеличению числа публикаций и решению ранее недостаточно изученных вопросов, связанных с конфликтом 60-летней давности, в том числе с противоположных позиций.

Ключевые слова: историография, «традиционалисты», «ревизионисты», холодная война, Хрущев, Кеннеди

Для цитирования: Суздальцев И.А. Карибский кризис в оценках современных англоязычных историков // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 23–33. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-23-33

The Cuban Missile crisis in evaluations by contemporary English-speaking historians

Ilya A. Suzdaltsev

School no. 1381, Moscow, Russia, ialoko90@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the present-day English-language historiography of the 1962 Caribbean Crisis. The article presents the opinions of the historians from the USA, Canada, Great Britain and Australia. The paper discusses the points of view of the “traditionalists” who criticize the actions of N.S. Khrushchev, and the “revisionists” who negatively assess the US foreign policy during that period – the policy that, in their opinion, mainly contributed to the unleashing of the crisis. The article also highlights a number of other issues related to the Caribbean Crisis: the participation in the events of Great Britain, Canada, Australia, the role of UN Secretary General U Thant in resolving the conflict, the need to expand the chronological framework of the crisis. The author comes to the conclusion that the discussion of the Caribbean Crisis in historiography should encourage an increase in the number of publications and inspire the solution of the previously insufficiently studied issues related to the conflict that happened 60 years ago.

Keywords: historiography, “traditionalists”, “revisionists”, Cold War, Khrushchev, Kennedy

For citation: Suzdaltsev, I.A. (2023), “The Cuban Missile crisis in evaluations by contemporary English-speaking historians”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 23–33, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-23-33

Введение

В 2022 г. исполнилось 60 лет Карибскому кризису – самому, по мнению большинства историков, напряженному моменту холодной войны. Его изучение всегда оставалось одной из актуальных задач в англоязычной историографии, а с открытием российских архивов в 1990-е гг. у историков появился новый стимул разобраться в требующих переосмысления либо ранее недостаточно изученных вопросах конфликта.

Среди англоязычных исследователей Карибского кризиса сложилось два основных направления: традиционалистское и ревизионистское. «Традиционалисты» считали действия советского руководства, в частности Н.С. Хрущева, авантюристскими, противопоставляя их поведению американского президента Дж. Кен-

неди, благодаря рассудительности которого удалось избежать критических последствий [Schlesinger 1965]. «Ревизионистам» же чаще всего была свойственна критика внешней политики США, в том числе за агрессивные гегемонистские намерения в отношении Кубы, а действия Хрущева на Кубе, как правило, оценивались как необходимые для защиты ее интересов [Bernstein 1980, pp. 97–125; Bernstein 1976, pp. 12–21].

Отсутствие публикаций на русском языке, в которых была бы проанализирована современная англоязычная историография, обусловила цель исследования; для уточнения вопроса о взглядах на Карибский кризис на Западе было изучено порядка ста публикаций, посвященных этому событию, опубликованных в последние десятилетия.

Оценки действий Н.С. Хрущева и Дж. Кеннеди во время Карибского кризиса

Современные историки чаще всего придерживаются традиционалистской парадигмы. Например, М. Деш (США) обвиняет Хрущева в развязывании кризиса, так как, по его мнению, конфликт начался из-за стремления СССР увеличить свой ядерный потенциал против Соединенных Штатов [Desch 1991, p. 317]. М. Уивер (США) называет действия Хрущева провокацией с целью оспорить факт стратегического военного превосходства США над СССР [Weaver 2013, p. 140]. Ряд историков считает, что Кеннеди одержал ошеломляющую дипломатическую победу [Weaver 2013, p. 180; Reeves 1993, pp. 411, 425; Reeves 1991, pp. 391–392], отмечается его тактическая и политическая грамотность и мудрость [Roberts 2012, p. xvi]. Л. Скотт (Великобритания) называет политику Хрущева авантюристской, при этом все же отмечает, что эскалации конфликта удалось избежать из-за разумных действий как Кеннеди, так и советского руководителя [Scott 1999, pp. 12, 178]. По мнению С. Радченко (Великобритания), решение отправить ракеты на Кубу – инициатива исключительно Хрущева, а не «коллективного руководства» СССР [Radchenko 2015, pp. 197–198]. Р. Макманус (США) считает, что важную роль в разрешении кризиса сыграли публичные выступления Кеннеди, которые, по мнению историка, показали советской стороне решительность президента, в том числе после этого они согласились провести демонтаж ракет на Кубе [McManus 2017, pp. 138, 146].

Однако в достаточном количестве представлены публикации, в которых исследователи критикуют Кеннеди и американское руко-

водство как за развязывание кризиса, так и за поведение в период его эскалации. Например, Дж. Хершберг (США) приходит к выводу, что, учитывая высокую вероятность американской интервенции на Кубу, советские ракеты предотвратили опасное развитие Карибского кризиса [Hershberg 1992, p. 266]. Ю. Вельдес (Великобритания) считает, что политика Кеннеди была чрезмерно агрессивна, так как развертывание Советским Союзом ядерных ракет на Кубе не представляло очевидной угрозы для Соединенных Штатов [Weldes 1991, p. 7]. М. Уайт (Великобритания), Р. Гартофф (США) и Ш. Стерн (США) также отмечают, что Хрущев не собирался использовать эти ракеты как угрозу безопасности Соединенных Штатов [Garthoff 1998, p. 50]; они должны были обеспечить осажденного кубинского союзника возможностью сдерживания тайных или явных атак США [White 1996, p. 2]. По мнению Стерна, существенную долю ответственности за Карибский кризис несет именно американская сторона [Stern 2012, pp. 2, 155]. Также историк обвиняет Кеннеди в искажении реальных исторических фактов, отмечая, что тот звонил бывшим президентам Д. Эйзенхауэру, Г. Трумэну и Г. Гуверу и лгал им, говоря, что удалось разрешить конфликт без встречных условий со стороны СССР [Stern 2015, p. 206]. Л. Хиллстром (США) подчеркивает мудрость Хрущева в разрешении кризиса, однако, не соглашаясь с Вельдес, пишет, что оружие, выпущенное с Кубы, могло бы достичь практически любого города на континентальной части Соединенных Штатов; точно так же, как американские ракеты в Турции, Западной Германии и Великобритании могли бы нанести удар по Советскому Союзу [Hillstrom 2015, pp. 38, 74]. По мнению британского исследователя М. Сандерсона, действия Хрущева хотя и были очень рискованными, не были такими иррациональными, как казалось на первый взгляд, без учета американской агрессии в отношении Кубы в 1961 г. [Sanderson 2018, p. 280]. Дипломатическую мудрость как Кеннеди, так и Хрущева, помимо Л. Скотта (см. выше), отмечает еще ряд современных исследователей [Bernstein 1992, p. 56; Lebow 1992, p. 181].

Иные аспекты Карибского кризиса, изучаемые современными историками

Также историками изучаются некоторые аспекты Карибского кризиса. Например, ряд ученых отмечает, что нельзя игнорировать тот факт, что Куба имела в этом конфликте свои интересы – нанести упреждающий удар, зная о намерениях США свергнуть правительство Кастро [Brenner 1992b, p. 188; Garthoff 1992, p. 43;

Laffey, Weldes 2008, p. 556]. Высказываются предположения об изначальных планах Кеннеди в конфликте сверхдержав. Р. Лебау (США) придерживается мнения, что Кеннеди был против вооруженных методов решения конфликта, так как опасался снижения поддержки избирателей на предстоящих выборах в Конгресс [Lebow 1990, p. 479]; поэтому, как считает Б. Бернштейн (США), он был изначально готов пойти на компромисс [Bernstein 1992, p. 57]. О несоответствии публичных высказываний Кеннеди с его частной риторикой, согласно которой характер американо-советских отношений был гораздо более основанным на сотрудничестве, пишет Б. Марфлит (США) [Marfleet 2000, p. 547]. Ж. Прессман (США) отмечает, что Кеннеди выступил с заявлениями, чтобы не выглядеть слабым перед Конгрессом и американским народом, и теперь должен был сдержать свое обещание действовать, чтобы укрепить свой авторитет [Pressman 2001, p. 82]. М. Уайт (см. выше) пишет, что президент США склонялся к варианту военных действий против Кубы, однако, во многом благодаря министру обороны Р. Макнамаре и генеральному прокурору Р. Кеннеди, изменил свое решение [White 1992, p. 46].

В 1993 г. была опубликована монография С. Сагана (США) «Пределы безопасности», в которой историк утверждает, что войны удалось избежать благодаря индивидуальному здравому смыслу и везению, и приводит в подтверждение своей версии ряд событий, одно из которых произошло 27 октября, когда эсминцы США сбросили учебные глубинные бомбы на советскую атомную подводную лодку Б-59. Командиры подводной лодки, потерявшие связь с Москвой, имели все основания ответить ядерной торпедой. Однако благодаря заместителю командира подводной лодки В.А. Архипову запуск торпеды не состоялся [Sagan 1993, pp. 99–100, 135–138].

Л. Скотт в монографии, посвященной взаимоотношениям Кеннеди и премьер-министра Британии Г. Макмиллана, отмечает, что последний долгое время старался способствовать развитию конфликта и настаивал на военном вмешательстве на Кубу [Scott 1999, p. 57]. Канадский премьер-министр Дж. Дифенбейкер, по мнению ряда историков, наоборот, несмотря на требования Кеннеди повысить уровень боевой готовности вооруженных сил, отказывался это сделать [Bow 2009, pp. 51–52; Lennox 2009, p. 50; Urban 2015, p. 262]; это могло ускорить падение его правительства, считает М. Урбан (Канада) [Urban 2015, p. 257]. Австралия, по мнению Л. Стэнли и Ф. Дири (Австралия), хоть и выразила публично поддержку Кеннеди, в том числе поддержав американскую резолюцию в ООН, не планировала организовывать каких-либо практических действий [Stanley, Deery 2013, p. 195].

Ряд публикаций основан на обнародованных магнитофонных записях заседаний ExComm. Упомянутый выше Ш. Стерн замечает, что стенограммы гораздо менее точны, чем могли бы быть, множество ошибок транскрипции искажают содержание обсуждений [Stern 2000a, pp. 586–587]. В более поздней монографии историк все же пришел к ряду выводов на основании этих записей: например, он пишет, что Кеннеди часто практически в одиночку противостоял воинственным советам ExComm в течение тех исторических 13 дней [Stern 2005b, p. 217]. Д. Гибсон (США) считает, что Кеннеди, наоборот, не знал, что делать, и поступал в соответствии с рекомендациями исполкома [Gibson 2012, p. 6].

Канадские историки У. Дорн и Р. Пок отмечают, что серьезный вклад в урегулирование кризиса внес Генеральный секретарь ООН У Тан, который выдвинул предложение о невмешательстве, ставшее центральным элементом окончательного урегулирования, а также летал на Кубу, чтобы договориться с Кастро [Dorn, Pauk 2009, pp. 262, 290]. Американские исследователи У. Экер и К. Джек считают, что необходимо расширить хронологические рамки кризиса, который, по их мнению, начался в мае 1960 г., когда под Свердловском сбили американский самолет-разведчик U-2, а также включил в себя неудачную операцию в бухте Кочинос [Esker, Jack 2012, p. 17]. Ф. Бреннер (США) придерживается мнения, что кризис продолжался до 20 ноября, пока от Хрущева не было получено согласия на вывод с Кубы бомбардировщиков Ил-28 [Brenner 1992a, p. 282].

Заключение

Таким образом, современными англоязычными историками изучаются различные аспекты Карибского кризиса: рассматриваются и оцениваются действия Хрущева и Кеннеди, затрагиваются вопросы интересов Кубы, а также стран-союзников США в конфликте, историки продолжают изучать магнитофонные записи заседаний ExComm и приходят к различным выводам вплоть до противоположных по ряду рассматриваемых вопросов. Это говорит о том, что даже спустя 60 лет и после, казалось бы, детального рассмотрения этой темы в предыдущие десятилетия она по-прежнему остается актуальной, что скорее всего должно повлечь за собой волну новых публикаций о Карибском кризисе.

Литература

- Bernstein 1976 – *Bernstein B.J.* The week we almost went to war // *Bulletin of Atomic Scientists*. 1976. Vol. 32. P. 12–21.
- Bernstein 1980 – *Bernstein B.J.* The Cuban Missile crisis. Trading the Jupiters in Turkey? // *Political Science Quarterly*. 1980. Vol. 95. No. 1. P. 97–125.
- Bernstein 1992 – *Bernstein B.J.* Reconsidering the Missile crisis. Dealing with the problems of the American Jupiters in Turkey // *The Cuban Missile crisis revisited* / Ed. by J.A. Nathan. N.Y.: St. Martin's Press, 1992. P. 55–130.
- Bow 2009 – *Bow B.J.* The politics of linkage. Power, interdependence, and ideas in Canada–US relations. Vancouver: University of British Columbia Press, 2009. 232 p.
- Brenner 1992a – *Brenner Ph.* The Kennedy–Khrushchev letters. An overview // *The Cuban Missile crisis revisited* / Ed. by J.A. Nathan. N.Y.: St. Martin's Press, 1992. P. 281–296.
- Brenner 1992b – *Brenner Ph.* Thirteen months. Cuba's perspective on the Missile crisis // *The Cuban Missile crisis revisited* / Ed. by J.A. Nathan. N.Y.: St. Martin's Press, 1992. P. 187–218.
- Desch 1991 – *Desch M.C.* “That deep mud in Cuba”. The strategic threat and U.S. planning for a conventional response during the Missile crisis // *Security Studies*. 1991. Vol. 1. No. 2. P. 317–351.
- Dorn, Pauk 2009 – *Dorn A.W., Pauk R.* *Unsung mediator. U Thant and the Cuban Missile crisis* // *Diplomatic History*. 2009. Vol. 33. No. 2. P. 261–292.
- Ecker, Jack 2012 – *Ecker W.B., Jack K.V.* *Blue moon over Cuba. JFK's Cuban Missile hunters*. Oxford: Osprey Publishing, 2012. 320 p.
- Garthoff 1992 – *Garthoff R.L.* The Cuban Missile crisis. An overview // *The Cuban Missile crisis revisited* / Ed. by J.A. Nathan. N.Y.: St. Martin's Press, 1992. P. 41–54.
- Garthoff 1998 – *Garthoff R.L.* *US Intelligence in the Cuban Missile Crisis* // James G. Blight and David A. Welch (eds). *Intelligence and Cuban Missile Crisis*. London: Cass, 1998. P. 18–63.
- Gibson 2012 – *Gibson D.R.* *Talk at the brink. Deliberation and decision during the Cuban Missile crisis*. Princeton: Princeton University Press, 2012. 256 p.
- Hershberg 1992 – *Hershberg J.G.* Before “The Missiles of October”. Did Kennedy plan a military strike against Cuba? // *The Cuban Missile crisis revisited* / Ed. by J.A. Nathan. N.Y.: St. Martin's Press, 1992. P. 237–280.
- Hillstrom 2015 – *Hillstrom L.C.* *The Cuban Missile crisis (defining moments)*. Detroit: Omnigraphics, 2015. 240 p.
- Laffey, Weldes 2008 – *Laffey M., Weldes J.* Decolonizing the Cuban Missile crisis // *International Studies Quarterly*. 2008. Vol. 52. P. 555–577.
- Lebow 1990 – *Lebow R.N.* Domestic politics and the Cuban Missile crisis. The traditional and revisionist interpretations reevaluated // *Diplomatic History*. 1990. Vol. 14. P. 471–492.

- Lebow 1992 – *Lebow R.N.* The traditional and revisionist interpretations reevaluated. Why was Cuba a crisis? // The Cuban Missile crisis revisited / Ed. by J.A. Nathan. N.Y.: St. Martin's Press, 1992. P. 161–186.
- Lennox 2009 – *Lennox P.* At home and abroad. The Canada US relationship and Canada's place in the world. Vancouver: UBC Press, 2009. 192 p.
- Marfleet 2000 – *Marfleet B.G.* The operational code of John F. Kennedy during the Cuban Missile crisis. A comparison of public and private rhetoric // Political Psychology. 2000. Vol. 21. No. 3. P. 545–558.
- McManus 2017 – *McManus R.W.* Statements of resolve. Achieving coercive credibility in international conflict. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 241 p.
- Pressman 2001 – *Pressman J.* September statements, October missiles, November elections. Domestic politics, foreign policy making, and the Cuban Missile crisis // Security Studies. 2001. Vol. 10. No. 3. P. 80–114.
- Radchenko 2015 – *Radchenko S.* On hedgehogs and passions. History, hearsay, and hotchpotch in the writing of the Cuban Missile crisis // The Cuban Missile crisis. A critical reappraisal / Ed. by L. Scott, R.G. Hughes. L.: Routledge, 2015. P. 183–203.
- Reeves 1991 – *Reeves T.C.* A question of character. A life of John F. Kennedy. N.Y.: Free Press, 1991. 510 p.
- Reeves 1993 – *Reeves R.* President Kennedy. Profile of power. N.Y.: Simon and Schuster, 1993. 800 p.
- Roberts 2012 – *Roberts P.* Cuban Missile crisis. The essential reference guide. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2012. 278 p.
- Sagan 1993 – *Sagan S.D.* The limits of safety. Organisations, accidents, and nuclear weapons. Princeton: Princeton University Press, 1993. 286 p.
- Sanderson 2018 – *Sanderson M.* Secret service in the Cold War. An SIS officer from Philby to the Cuban Missile crisis and the Balkans. Barnsley: Frontline Books, 2018. 288 p.
- Schlesinger 1965 – *Schlesinger A.M.* A thousand days. John F. Kennedy in the White House. Boston: Houghton Mifflin, 1965. 1120 p.
- Scott 1999 – *Scott L.V.* Macmillan, Kennedy and the Cuban Missile crisis. Political, military and intelligence aspects. Basingstoke: Springer, 1999. 251 p.
- Stanley, Deery 2013 – *Stanley L., Deery P.* The Menzies government, the American alliance and the Cuban Missile crisis // Australian Journal of Politics and History. 2013. Vol. 59. P. 178–195.
- Stern 2000 – *Stern S.M.* Source material. The 1997 published transcripts of the JFK Cuban Missile crisis tapes. Too good to be true? // Presidential Studies Quarterly. 2000. Vol. 30. No. 3. P. 586–593.
- Stern 2005 – *Stern S.M.* The week the world stood still. Inside the secret Cuban Missile crisis. Stanford: Stanford University Press, 2005. 256 p.
- Stern 2012 – *Stern S.M.* The Cuban Missile crisis in American memory. Myths versus reality. Stanford: Stanford University Press, 2012. 208 p.

- Stern 2015 – *Stern S.M.* Beyond the smoke and mirrors. The real JFK White House Cuban Missile crisis // *The Cuban Missile crisis. A critical reappraisal* / Ed. by L. Scott, R.G. Hughes. L.: Routledge, 2015. P. 204–224.
- Urban 2015 – *Urban M.C.* A fearful asymmetry. Diefenbaker, the Canadian military and trust during the Cuban Missile crisis // *Canadian Foreign Policy Journal*. 2015. Vol. 21. No. 3. P. 257–271.
- Weaver 2013 – *Weaver M.E.* The relationship between diplomacy and military force. An example from the Cuban Missile crisis // *Diplomatic History*. 2013. Vol. 38. No. 1. P. 137–181.
- Weldes 1999 – *Weldes J.* Constructing national interests. The United States and the Cuban Missile crisis. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. Vol. 12. 316 p.
- White 1992 – *White M.J.* Belligerent beginnings. John F. Kennedy on the opening day of the Cuban Missile crisis // *Journal of Strategic Studies*. 1992. Vol. 15. No. 1. P. 30–49.
- White 1996 – *White M.J.* The Cuban Missile crisis. Basingstoke: Springer, 1996. 291 p.

References

- Bernstein, B.J. (1976), “The week we almost went to war”, *Bulletin of Atomic Scientists*, vol. 32, pp. 12–21.
- Bernstein, B.J. (1980), “The Cuban Missile crisis. Trading the Jupiters in Turkey?“, *Political Science Quarter*, vol. 95, no. 1, pp. 97–125.
- Bernstein, B.J. (1992), “Reconsidering the Missile crisis. Dealing with the problems of the American Jupiters in Turkey”, in Nathan, J.A. (ed.), *The Cuban Missile crisis revisited*, St. Martin’s Press, New York, USA, pp. 55–130.
- Bow, B.J. (2009), *The politics of linkage. Power, interdependence, and ideas in Canada–US relations*, University of British Columbia Press, Vancouver, Canada.
- Brenner, Ph. (1992), “The Kennedy–Khrushchev letters. An overview”, in Nathan, J.A. (ed.), *The Cuban Missile crisis revisited*, St. Martin’s Press, New York, USA, pp. 281–296.
- Brenner, Ph. (1992), “Thirteen months. Cuba’s perspective on the Missile crisis”, in Nathan, J.A. (ed.), *The Cuban Missile crisis revisited*, St. Martin’s Press, New York, USA, pp. 187–218.
- Desch, M.C. (1991), “‘That deep mud in Cuba’. The strategic threat and U.S. planning for a conventional response during the Missile crisis”, *Security Studies*, vol. 1, no. 2, pp. 317–351.
- Dorn, A.W. and Pauk, R. (2009), “Unsung mediator. U Thant and the Cuban Missile crisis”, *Diplomatic History*, vol. 33, no. 2, pp. 261–292.
- Ecker, W.B. and Jack, K.V. (2012), *Blue moon over Cuba. JFK’s Cuban Missile hunters*, Osprey Publishing, Oxford, UK.
- Garthoff, R.L. (1992), “The Cuban Missile crisis. An overview”, in Nathan, J.A. (ed.), *The Cuban Missile crisis revisited*, St. Martin’s Press, New York, USA, pp. 41–54.

- Garthoff, R.L. (1998), "US Intelligence in the Cuban Missile Crisis", James G. Blight and David A. Welch (eds), *Intelligence and Cuban Missile Crisis*. Cass, London, UK, pp. 18–63.
- Gibson, D.R. (2012), *Talk at the brink. Deliberation and decision during the Cuban Missile crisis*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Hershberg, J.G. (1992), "Before 'The Missiles of October'. Did Kennedy plan a military strike against Cuba?", in Nathan, J.A. (ed.), *The Cuban Missile crisis revisited*, St. Martin's Press, New York, USA, pp. 237–280.
- Hillstrom, L.C. (2015), *The Cuban Missile crisis (defining moments)*, Omnigraphics, Detroit, USA.
- Laffey, M. and Weldes, J. (2008), "Decolonizing the Cuban Missile crisis", *International Studies Quarterly*, vol. 52, pp. 555–577.
- Lebow, R.N. (1990), "Domestic politics and the Cuban Missile crisis. The traditional and revisionist interpretations reevaluated", *Diplomatic History*, vol. 14, pp. 471–492.
- Lebow, R.N. (1992), "The traditional and revisionist interpretations reevaluated. Why was Cuba a crisis?", in Nathan, J.A. (ed.), *The Cuban Missile crisis revisited*, St. Martin's Press, New York, USA, pp. 161–186.
- Lennox, P. (2009), *At home and abroad. The Canada US relationship and Canada's place in the world*, UBC Press, Vancouver, Canada.
- Marfleet, B.G. (2000), "The operational code of John F. Kennedy during the Cuban Missile crisis. A comparison of public and private rhetoric", *Political Psychology*, vol. 21, no. 3, pp. 545–558.
- McManus, R.W. (2017), *Statements of resolve. Achieving coercive credibility in international conflict*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Pressman, J. (2001), "September statements, October missiles, November elections. Domestic politics, foreign policy making, and the Cuban Missile crisis", *Security Studies*, vol. 10, no. 3, pp. 80–114.
- Radchenko, S. (2015), "On hedgehogs and passions. History, hearsay, and hotchpotch in the writing of the Cuban Missile crisis", in Scott, L. and Hughes, R.G. (eds.), *The Cuban Missile crisis. A critical reappraisal*, Routledge, London, UK, pp. 183–203.
- Reeves, T.C. (1991), *A question of character. A life of John F. Kennedy*, Free Press, New York, USA.
- Reeves, R. (1993), *President Kennedy. Profile of power*, Simon and Schuster, New York, USA.
- Roberts, P. (2012), *Cuban Missile crisis. The essential reference guide*, ABC-CLIO, Santa Barbara, USA.
- Sagan, S.D. (1993), *The limits of safety. Organisations, accidents, and nuclear weapons*, Princeton University Press, Princeton, USA.
- Sanderson, M. (2018), *Secret service in the Cold War. An SIS officer from Philby to the Cuban Missile crisis and the Balkans*, Frontline Books, Barnsley, UK.
- Schlesinger, A.M. (1965), *A thousand days. John F. Kennedy in the White House*, Houghton Mifflin, Boston, USA.

- Scott, L.V. (1999), *Macmillan, Kennedy and the Cuban Missile crisis. Political, military and intelligence aspects*, Springer, Basingstoke, UK.
- Stanley, L. and Deery, P. (2003), "The Menzies government, the American alliance and the Cuban Missile crisis", *Australian Journal of Politics and History*, vol. 59, pp. 178–195.
- Stern, S.M. (2000), "Source material. The 1997 published transcripts of the JFK Cuban Missile crisis tapes. Too good to be true?", *Presidential Studies Quarterly*, vol. 30, no. 3, pp. 586–593.
- Stern, S.M. (2005), *The week the world stood still. Inside the secret Cuban Missile crisis*, Stanford University Press, Stanford, USA.
- Stern, S.M. (2012), *The Cuban Missile crisis in American memory. Myths versus reality*, Stanford University Press, Stanford, USA.
- Stern, S.M. (2015), "Beyond the smoke and mirrors. The real JFK White House Cuban Missile crisis", in Scott, L. and Hughes, R.G. (eds.), *The Cuban Missile crisis. A critical reappraisal*, Routledge, London, UK, pp. 204–224.
- Urban, M.C. (2015), "A fearful asymmetry. Diefenbaker, the Canadian military and trust during the Cuban missile crisis", *Canadian Foreign Policy Journal*, vol. 21, no. 3, pp. 257–271.
- Weaver, M.E. (2013), "The relationship between diplomacy and military force. An example from the Cuban Missile crisis", *Diplomatic History*, vol. 38, no. 1, pp. 137–181.
- Weldes, J. (1999), *Constructing national interests. The United States and the Cuban Missile crisis*, vol. 12, University of Minnesota Press, Minneapolis, USA.
- White, M.J. (1992), "Belligerent beginnings. John F. Kennedy on the opening day of the Cuban Missile crisis", *Journal of Strategic Studies*, vol. 15, no. 1, pp. 30–49.
- White, M.J. (1996), *The Cuban Missile crisis*, Springer, Basingstoke, UK.

Информация об авторе

Илья А. Суздальцев, кандидат исторических наук, школа № 1381, Москва, Россия; 129346, Россия, Москва, ул. Коминтерна, д. 52; ialoko90@mail.ru

Information about the author

Ilya A. Suzdaltsev, Cand. of Sci. (History), school no. 1381, Moscow, Russia; bld. 52, Komintern St., Moscow, Russia, 129346; ialoko90@mail.ru

УДК 327(470+430)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-34-41

Российские военно-морские агенты в Германии на рубеже XIX–XX вв.

Александр С. Тихонов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, sashati99@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению становления и развития института российских военно-морских агентов в Германии на рубеже XIX–XX вв. и его влиянию на русско-германские отношения в военно-морской сфере. Были выявлены изменения в подходе к назначению российских военно-морских атташе в Германии, что прямым образом сказалось на качестве и эффективности работы российских военно-морских агентов. Источниковую базу исследования составляют документы Главного морского штаба и личного фонда адмирала Ф.В. Дубасова из коллекции Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ). Автор приходит к выводу, что российские военно-морские агенты в Германии на рубеже XIX–XX вв. получили представительские функции в ущерб своей основной деятельности, что существенным образом сказалось на качестве работы российских военно-морских агентов.

Ключевые слова: Германская империя, Российская империя, военно-морской флот, военно-морские агенты (атташе), русско-германские отношения

Для цитирования: Тихонов А.С. Российские военно-морские агенты в Германии на рубеже XIX–XX вв. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 34–41. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-34-41

Russian naval agents in Germany at the turn of the 19th – 20th centuries

Alexander S. Tikhonov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
sashati99@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the study of the formation and development of the institute of Russian naval agents in Germany at the turn of the 19th – 20th centuries and its influence on the Russian-German relations in the

© Тихонов А.С., 2023

naval sphere. Changes were identified in the approach to the appointment of Russian naval attachés in Germany, and that adjustment directly affected the quality and effectiveness of the work of Russian naval agents. The source base of the study includes the documents of the Main Naval Staff and the personal fund of Admiral F.V. Dubasov from the collection of the Russian State Archives of the Navy (RGA VMF). The author comes to the conclusion that the Russian naval agents in Germany at the turn of the 19th – 20th centuries acquired representative functions to the detriment of their main activities, which significantly affected the quality of work of the Russian naval agents.

Keywords: German Empire, Russian Empire, navy, naval agents (attachés), Russian-German relations

For citation: Tikhonov, A.S. (2023), “Russian naval agents in Germany at the turn of the 19th – 20th centuries”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 34–41, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-34-41

Развитие германского военно-морского флота в последней четверти XIX в. постоянно находилось в поле зрения ведущих морских держав, в круг которых входила и Российская империя. Несмотря на относительную слабость молодого германского флота, его военно-политическое значение возрастало с каждым годом по мере развития германской экономики и увеличения внешнеполитического влияния Германии в мире. В связи с этим информация, предоставленная российскими военно-морскими агентами в Германии, имела исключительную ценность для руководства русского Морского министерства и непосредственно военно-политического руководства страны.

Изменение принципов работы российских военно-морских агентов в Германии на рубеже XIX–XX вв. представляет особую ценность в рамках изучения русско-германских отношений в военно-морской сфере. Информация, поступающая руководству русского Морского министерства в годы разработки и принятия первого и второго законов о флоте 1898 и 1900 гг., позволяет более полно оценить достоверность поступающей информации и степень ее влияния на принятие решений российским военно-политическим руководством.

Проблема взаимодействия России и Германии в ходе осуществления их морской политики в силу различных причин не получила должного освещения в отечественной и зарубежной историографии и представлена лишь работами С.П. Шилова и С.Н. Синегубова [Синегубов, Шилев 2016]. В то же время работа российских военно-морских агентов в Германии освещена лишь

частично в рамках изучения института военных и морских агентов России за рубежом. Прежде всего эта проблематика была освещена в работах Е.Ю. Сергеева и А.А. Улуяна [Сергеев, Улуян 1999], а также в исследованиях А.Ю. Емелина [Емелин 2007] и В.Н. Белозера [Белозер 2008].

Основными источниками стали рапорты военно-морских агентов в Германии, представленные в фондах Российского государственного архива военно-морского флота (РГА ВМФ): фонде № 9 (адмирал Дубасов Федор Васильевич) и фонде № 417 (Главный морской штаб).

Целью данной статьи является изучение становления и развития института российских военно-морских агентов в Германии в период активного военно-морского строительства обеих империй на основе доступных мне источников и литературы. Привлечение новых архивных источников позволит восполнить ряд пробелов в отечественной историографии, а также взглянуть на развитие русско-германских отношений по-новому, через призму контактов российских военно-морских атташе с германской элитой и лично кайзером.

Должность военно-морского агента в Германии была учреждена указом императора Александра II в 1876 г., спустя 5 лет после образования германского флота, однако фактически первый российский военно-морской атташе начал свою работу уже в январе 1874 г. Примечательно то, что инициатором создания данной должности стал первый военно-морской агент в Германии капитан-лейтенант Н.А. Невахович, который в марте 1873 г. представил руководству Морского ведомства записку, в которой обосновывалась необходимость наличия в Германии русского морского агента в связи с усилением германского флота на Балтике [Емелин 2007, с. 40–41].

Стоит отметить, что на первом этапе должность военно-морского агента в Германии была достаточно престижной и обещала быстрый карьерный рост в будущем. На момент своего назначения на должность морского атташе Н.А. Невахович и его преемник А.М. Доможиров уже носили чин капитан-лейтенанта, и их дальнейшее повышение проходило достаточно быстро. Полученный в ходе работы в Германии опыт, а также знание современной военно-морской техники вкупе с высоким авторитетом позволили вышеназванным офицерам к концу XIX в. добиться чина контр-адмирала русского флота.

Пришедший им на смену Ф.В. Дубасов на момент своего назначения в мае 1892 г.¹ уже имел чин капитана 1-го ранга и к моменту

¹Высочайшие приказы по Морскому ведомству // Морской сборник. 1892. № 7: Официальный отдел. С. 1.

своей отставки с должности морского атташе в Германии получил чин контр-адмирала и вскоре возглавил Тихоокеанскую эскадру. Однако после перевода Ф.В. Дубасова на другую должность, очевидно, ценность военно-морского агента в Германии в глазах русского Морского министерства сильно упала.

Последовавшие назначения лейтенантов Э.Э. Кетлера, А.К. Полиса и князя А.А. Долгорукова показали, что руководство русским Морским ведомством считает Германию второстепенной морской державой, поскольку военно-морские атташе во всех ведущих морских державах на рубеже XIX–XX вв. имели чины капитанов 2-го и 1-го ранга [Емелин 2007, с. 60].

Как считает А.Ю. Емелин, начиная с лейтенанта Э.Э. Кетлера военно-морские агенты в Германии исполняли больше представительскую роль, нежели роль морского агента [Емелин 2007, с. 64]. Этому способствовало происхождение новых военно-морских агентов. Так, лейтенант Э.Э. Кетлер был этническим немцем, А.К. Полис являлся уроженцем Брюсселя, а А.А. Долгоруков в свою очередь был представителем древнего княжеского рода.

Впрочем, у данной практики имелись и свои плюсы, поскольку происхождение новых военно-морских атташе позволяло наладить контакты с германскими морскими офицерами, а также германской элитой, включая кайзера Вильгельма II. К примеру, лейтенант Э.Э. Кетлер находился в постоянном контакте с главой Морского кабинета при кайзере Зенденом-Бибраном², а также начальником центрального управления Имперского морского министерства капитаном 2-го ранга Полем³. Это позволяло оперативно решать возникающие конфликты между российским и германским военно-морскими ведомствами.

В частности именно благодаря действиям лейтенанта Э.Э. Кетлера удалось разрешить конфликт вокруг непредоставления ежегодной сметы российского флота германскому военно-морскому атташе в Петербурге капитан-лейтенанту Калау фон Хофе⁴.

Личные встречи российских военно-морских агентов с кайзером Вильгельмом II играли особую роль в налаживании контактов между двумя монархиями. В силу пересечения интересов обоих государств в Восточной Азии темами для личных бесед становились военно-политические вопросы, касающиеся военно-морского сотрудничества двух империй на Дальнем Востоке.

²РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 1473. Л. 327–328, 422–423, 5726–572в.

³Там же. Л. 102–103, 105–107, 128–129, 143.

⁴Там же. Л. 102–107, 143.

Так, например, в ходе работы лейтенанта Э.Э. Кетлера на своем посту с 1895 по 1898 г. он имел три личные беседы с кайзером, две из которых проходили в январе и апреле 1898 г. и были посвящены дальневосточным вопросам⁵. Преемнику Э.Э. Кетлера лейтенанту А.К. Полису удалось еще больше сблизиться с германским императором Вильгельмом II. В 1899 г. он провел три беседы с германским императором, в которых так или иначе был затронут вопрос взаимоотношений двух империй в Восточной Азии⁶. А уже в ходе китайского кризиса Вильгельм II провел минимум две личные встречи в мае и августе 1900 г. с русским морским атташе капитаном 2-го ранга Полисом⁷, где он впервые заговорил о братстве русского и германского оружия в Китае⁸.

Благодаря личным контактам с кайзером Вильгельмом II А.К. Полис зачастую выполнял особые поручения российского императора, такие как организация личных встреч двух императоров на маневрах германского флота в Данциге в сентябре 1901 г.⁹ и в ходе смотра кораблей русского Балтийского флота в Ревеле в августе 1902 г. [Vogel 1973, S. 112].

Таким образом, А.К. Полис сыграл значительную роль в налаживании русско-германских отношений на рубеже XIX–XX вв., являясь по факту «дипломатом в погонах», а не военно-морским агентом, как того предписывали инструкции русского Морского ведомства. Во многом это было связано с независимой ролью российских военно-морских агентов при иностранных посольствах, поскольку они никак не отчитывались перед русскими посланниками за рубежом, подчиняясь напрямую Военно-морскому ученому отделу Главного морского штаба [Белозер 2008, с. 75].

Впрочем, несмотря на изменение статуса военно-морского агента в Германии, в ведении новых морских атташе оставался широкий круг вопросов, требующих тщательного освещения. Особенно это стало актуально с принятием в Германии первого и второго законов о флоте и последовавшим за ним лавинообразным увеличением германского флота.

Одним из серьезных последствий видоизменения роли российских военно-морских агентов в Германии стало серьезное падение качества их работы и в особенности отсутствие какого бы то ни было анализа законодательной базы германского военно-морского

⁵ Там же. Л. 534–536, 5736–574г.

⁶ Там же. Д. 1924. Л. 22–23, 137–138, 213–214.

⁷ Там же. Д. 1925. Л. 56, 114.

⁸ Там же. Л. 114.

⁹ Там же. Д. 2401. Л. 4.

строительства и его влияния на соотношение сил в акватории Балтийского моря.

Примечательно, что аналитические функции российских военно-морских агентов был вынужден исполнять российский посол в Берлине граф Остен-Сакен. В частности в декабре 1897 г. он подготовил анализ проекта первого закона о флоте 1898 г. с внутриполитической и военно-морской точек зрения¹⁰. В свою очередь, лейтенант Э.Э. Кетлер делал основной упор на описание ключевых положений нового закона о флоте¹¹, а также отправлял в Петербург стенограммы заседаний Рейхстага для самостоятельного анализа¹².

Не лучшим образом освещалось лейтенантом А.К. Полисом принятие второго закона о флоте в 1900 г. Он сделал упор на описание основных положений нового закона о флоте¹³, а также на распределение бюджета до конца действия закона¹⁴, однако при этом в ежемесячных сводках новостей¹⁵, происшедших на германском флоте, появляются первые попытки провести анализ событий, но его анализ не носил системного характера.

Во многом отсутствие аналитической работы объясняется принципом подбора кандидатур на должность военно-морских агентов в Германии. На примере капитана 1-го ранга Ф.В. Дубасова видно, что при подборе кандидатуры руководствовались выбором грамотного морского офицера, интересующегося военно-техническими новинками и умеющим вести аналитическую работу. В частности Ф.В. Дубасов в 1880-х гг. опубликовал несколько статей о тактике миноносков и миноносной войне¹⁶, а также подготовил для управляющего Морским министерством И.А. Шестакова аналитическую записку «Какой нужен флот России», высоко оцененную руководством Морского ведомства¹⁷.

Ф.В. Дубасов оправдал возложенные на него ожидания и в ходе своей работы получил высокую оценку своей аналитиче-

¹⁰ Там же. Д. 1507. Л. 30–32.

¹¹ Там же. Д. 1473. Л. 554–558.

¹² Там же. Л. 565.

¹³ Там же. Д. 1507. Л. 62–64.

¹⁴ Там же. Л. 65.

¹⁵ Там же. Д. 1925. Л. 20, 33, 53, 82, 112, 194, 206, 214, 311, 315, 391.

¹⁶ *Дубасов Ф.* Тактика миноносков // Морской сборник. 1885. № 5: Неофициальный отдел. С. 75–101; *Он же.* Тактика миноносков // Морской сборник. 1885. № 12: Неофициальный отдел. С. 109–144; *Он же.* О миноносной войне // Морской сборник. 1888. № 5: Неофициальный отдел. С. 1–31.

¹⁷ РГА ВМФ. Ф. 9. Оп. 1. Д. 655. Л. 1–14.

ской работы со стороны управляющего Морским министерством Н.М. Чихачева¹⁸ и позднее был награжден орденом Св. Владимира 3-й степени с припиской: «...в воздаяние отлично-усердной и ревностной службы»¹⁹.

В свою очередь, на примере аттестации лейтенанта князя А.А. Долгорукова, проведенной начальником Главного морского штаба З.П. Рождественским, наглядно показан принцип, которым руководствовалось русское Морское министерство при выборе его кандидатуры. В аттестации отмечалось, что князь А.А. Долгоруков «как агент непригоден для добывания сведений, но очень на месте в отношении представительности» [Емелин 2007, с. 64].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. трансформируется институт российских военно-морских агентов в Германии в сторону наделения их дипломатическим функционалом в военно-политических вопросах, связанных с взаимодействием России и Германии в Восточной Азии. При этом принятие первого и второго законов о флоте 1898 и 1900 гг. ставит новые задачи перед российскими морскими атташе, которые они, однако, не могут исполнять в силу отсутствия необходимых навыков и опыта. Все это существенным образом снижает качество работы военно-морских атташе и сказывается на полноте информации, поступающей российскому военно-политическому руководству в годы принятия Германией первого и второго законов о флоте.

Литература

- Белозер 2008 – *Белозер В.Н.* Военно-морская разведка России: история создания, становления и развития: 1696–1917: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 384 с.
- Емелин 2007 – *Емелин А.Ю.* Военно-морские агенты России: эволюция института, его задач и методов: 1856–1918: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 264 с.
- Сергеев, Улуния 1999 – *Сергеев Е.Ю., Улуния А.А.* Не подлежить оглашению: Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах: 1900–1914 гг. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 1999. 419 с.
- Синегубов, Шилов 2016 – *Синегубов С.Н., Шилов С.П.* Кайзеровская Германия – Великобритания – Россия: Альтернативы и реалии военно-морских взаимоотношений в 1897–1906 гг. СПб., 2016. 320 с.
- Vogel 1973 – *Vogel B.* Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern Weltpolitik unter Buelow 1900–1906. Dusseldorf: Bertelsmann Universitätsverlag, 1973. 335 S.

¹⁸ Там же. Ф. 417. Оп. 1. Д. 987. Л. 87.

¹⁹ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 624. Л. 1.

References

- Belozer, V.N. (2008), *Voyenno-morskaya razvedka Rossii: istoriya sozdaniya, stanovleniya i razvitiya: 1696–1917* [Naval intelligence of Russia. The history of creation, formation and development: 1696–1917], Ph.D. Thesis, Moscow, Russia.
- Emelin, A.Yu. (2007), *Voyenno-morskiye agenty Rossii: evolyutsiya instituta, yego zadach i metodov: 1856–1918* [Naval agents of Russia. The evolution of the institute, its tasks and methods: 1856–1918], Ph.D. Thesis, Saint Petersburg, Russia.
- Sergeev, E.Yu. and Ulunyan, A.A. (1999), *Ne podlezhit oglasheniyu: Voyennyye agenty Rossiyskoi imperii v Evrope i na Balkanakh: 1900–1914 gg.* [Not subject to disclosure. Military agents of the Russian Empire in Europe and the Balkans. 1900–1914], Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Sinegubov, S.N. and Shilov, S.P. (2016), *Kaizerovskaya Germaniya – Velikobritaniya – Rossiya: Al'ternativy i realii voyenno-morskikh vzaimootnoshenii v 1897–1906 gg.* [Imperial Germany – Great Britain – Russia. Alternatives and realities of naval relations in 1897–1906], Saint Petersburg, Russia.
- Vogel, B. (1973), *Deutsche Russlandpolitik. Das Scheitern der deutschen Weltpolitik unter Bülow 1900–1906*, Bertelsmann Universitätsverlag, Düsseldorf, Germany.

Информация об авторе

Александр С. Тихонов, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; sashati99@mail.ru

Information about the author

Alexander S. Tikhonov, post-graduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; sashati99@mail.ru

Развитие политики Европейского союза по противодействию дезинформации сквозь призму мультистейкхолдерного подхода

Юрий Ю. Колотаев

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, yury.kolataev@mail.ru*

Аннотация. Развитие цифрового информационного пространства привело к возникновению угрозы онлайн-дезинформации. Различные акторы стремятся найти способы решения этой проблемы. В данной статье рассмотрен опыт Европейского союза (ЕС), предпринимающего действия по снижению влияния дезинформации на страны-члены. Эти действия основываются на идеях сотрудничества институтов ЕС с гражданским обществом и онлайн-платформами. Цель исследования – оценка вовлеченности различных причастных акторов (стейкхолдеров) в процесс решения проблемы дезинформации через систематизацию имеющихся программ и стратегий, отражающих подход ЕС и его отдельных институтов. Исследование основано на системном изучении эволюции политики ЕС, а также мультистейкхолдерном подходе при рассмотрении процесса борьбы с дезинформацией. В действиях ЕС были выявлены тенденция на закрепление отдельными институтами угрозы исключительно за внешними акторами, повышенный акцент на самоуправляемость платформ, а также отсутствие четких механизмов контроля за реализацией принятых планов. Параллельно негативное влияние дезинформации начинает признаваться в смежных сферах и политиках ЕС (кибербезопасность, образование и др.). Обозначенные в статье трудности и перспективы ЕС в борьбе с дезинформацией позволяют выделить важный для других акторов опыт, а также установить стратегическое видение ЕС по решению информационных вызовов.

Ключевые слова: Европейский союз, дезинформация, фейковые новости, онлайн-платформы, социальные сети, мультистейкхолдеризм

Для цитирования: Колотаев Ю.Ю. Развитие политики Европейского союза по противодействию дезинформации сквозь призму мультистейкхолдерного подхода // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 42–59. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-42-59

Evolution of the EU's policy of tackling disinformation. A multistakeholder approach

Yury Yu. Kolotaev

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
yury.kolotaev@mail.ru*

Abstract. The ongoing transformation of the digital space has modified the threat of online disinformation. Various actors search for the ways to mitigate its negative impact. This article examines the counter disinformation actions of the European Union. These actions rely on the cooperation of the EU institutions with civil society and online platforms. The goal of this study is to assess the involvement of various stakeholders in the process of countering disinformation through the analysis of the existing EU programs and strategies. The article studies the evolution of the EU's policy and is based on a multistakeholder analysis of the disinformation-countering process. The study revealed the EU's strong reliance on civil society and platforms, as well as a lack of transparent mechanisms to monitor the implementation of the adopted plans and strategies. The EU externalizes the threat and places excessive emphasis on the self-control of platforms. Yet, the negative impact of disinformation on society becomes recognized in the related EU policies (cybersecurity, education, etc.). This article illustrates important experience and indicates the EU's strategic vision in tackling disinformation.

Keywords: European Union, disinformation, fake news, online platforms, social media, multistakeholderism

For citation: Kolotaev, Yu.Yu. (2023), "Evolution of the EU's policy of tackling disinformation. A multistakeholder approach", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 42–59, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-42-59

Введение

На протяжении последнего десятилетия в политике Европейского союза (ЕС) большее внимание со стороны управляющих институтов стали получать проблемы онлайн-дезинформации и фейковых новостей, являющихся следствием актуальных цифровых трансформаций и параллельно происходящих политических конфронтаций на национальном и международном уровнях. Источники подобных угроз находятся как в цифровой структуре информационного пространства, так и в самом обществе. С одной стороны, новые информационные каналы позволяют ретранслиро-

вать любую информацию (включая ложную) в беспрецедентном масштабе [Braun, Dodge 2018; Shu 2020]. Массовость и повторяемость информации становятся важными факторами для принятия общественностью неправдоподобных сведений. С другой стороны, в общественных отношениях происходит подрыв доверия к «традиционным» источникам информации и институтам [Чугров 2017]. Связано это с колоссальным избытием информационных каналов (с различными идейными установками) и общим снижением доверия в обществе к государству и науке [Braun, Dodge 2018]. Эти условия и стимулируют массовое распространение дезинформации. В цифровом пространстве она становится качественно другой, более точечной, ситуативной и алгоритмически оптимизированной под разные аудитории.

В силу создания угрозы стабильности политического процесса ЕС нацелен на устранение информационных угроз внутри сообщества. При этом особое значение на современном этапе «цифрового» нормотворчества имеют не только институты ЕС, но и платформы, а также гражданское общество стран ЕС, образующие вместе круг стейкхолдеров (т. е. различных вовлеченных акторов и заинтересованных сторон, представляющих интересы широкого спектра общественных групп: от СМИ и научных кругов до цифровых корпораций и управленческих структур). Они включены в процесс борьбы с дезинформацией, что отражено в основных действующих стратегических документах ЕС в цифровой сфере¹.

Целью данной статьи является оценка деятельности стейкхолдеров в процессе борьбы с дезинформацией при помощи систематизации имеющихся на момент начала 2022 г. программ и стратегий, разработанных ЕС. В рамках исследования проводится сознательное ограничение исследуемого периода началом 2022 г., так как основной акцент сделан на приспособлении ЕС к последствиям распространения дезинформации в период пандемии COVID-19, также характеризующейся как инфодемия (комбинация слов «информация» и «эпидемия», означающая быстрое и социально значимое распространение как точной, так и неточной информации о чем-либо, например о болезни) и сформированным

¹ European Commission. 2020. Communication Shaping Europe's Digital Future COM/2020/67 Final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A52020DC0067> (дата обращения 3 сентября 2022); European Commission. 2021. Communication 2030 Digital Compass: the European way for the Digital Decade COM/2021/118 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A52021DC0118> (дата обращения 3 сентября 2022).

под ее воздействием механизмам. Последующие события (с начала 2022 г.) требуют самостоятельного изучения.

Ключевой задачей статьи выступает выявление характерных черт и проблем политики ЕС по противодействию дезинформации. Особый акцент делается на взаимодействии множественных стейкхолдеров, в силу чего методологической основой исследования выступает мультистейкхолдерный подход (от англ. *multistakeholderism*) [Antonova 2011; Raymond, DeNardis 2015] к изучению европейской политики.

Мультистейкхолдеризм отражает новую, развивающуюся форму комплексного управления для разных институтов, в которой предполагается участие множества возможных категорий заинтересованных сторон частного и публичного характера. Их конфигурация зависит от решения конкретных вопросов, в силу чего мультистейкхолдеризм носит общий характер и может применяться к различным формам управления. В контексте борьбы с дезинформацией такими стейкхолдерами выступают государства, международные организации, онлайн-платформы, журналисты, ученые, пользователи и фактчекеры – специалисты по проверке достоверности сведений. Мультистейкхолдерная модель позволяет установить координацию усилий этих акторов с учетом их интересов.

Ключевыми элементами мультистейкхолдеризма выступают: общность проблемы (метапроблемы), коллективные знания и опыт, взаимозависимые сетевые структуры, а также совместное управление [Antonova 2011]. Они позволяют установить основные свойства рассматриваемой сетевой проблемы через призму сторон, прямо или косвенно вовлеченных в противодействие дезинформации, а также распределению их потенциала и влияния. В рамках статьи все стейкхолдеры поделены на три группы: властные структуры (государства и органы ЕС), бизнес (онлайн-платформы) и гражданское общество (пользователи, исследователи, образовательные организации и т. д.). Применение мультистейкхолдерного подхода при анализе дезинформации позволяет привнести новизну в имеющиеся исследования проблем дезинформации в ЕС [Nenadić 2019; Romanova, Sokolov, Kolotaev 2020; Pitruzzella, Pollicino 2020] и сделать акцент на принципах построения управленческого процесса.

Особое внимание уделяется системным характеристикам и ограничениям, проявляющимся в попытках ЕС выстроить взаимодействие со стейкхолдерами. Опыт ЕС в этой области на данный момент представляет собой единственный пример многоуровневого взаимодействия (государств, наднациональных институтов и платформ) в рамках преимущественно добровольных практик для

решения проблемы цифровой дезинформации. Основой анализа и эмпирическим материалом исследования выступают коммюнике, программы и кодексы практик, принятые институтами ЕС в процессе разработки политики противодействия дезинформации.

Истоки политики ЕС по противодействию дезинформации

Начальный этап развития в ЕС политики противодействия дезинформации отражен в публикациях, связанных с концепцией стрессоустойчивости ЕС [Romanova, Sokolov, Kolotaev 2020], и в работах, посвященных общеевропейскому опыту борьбы с фейковыми новостями [Nenadić 2019; Durach, Bârgăoanu, Nastasiu 2020]. В них выделяется взаимодействие разных институтов ЕС в этом процессе и рассматривается сформировавшаяся «архитектура» борьбы с дезинформацией, включающая в себя элементы адаптивности и патернализма. С точки зрения системных свойств и задействованных стейкхолдеров, адаптивность подразумевает использование внутренних ресурсов системы для приспособления к угрозе через эволюцию, а патернализм делает акцент на ограждающих мерах с опорой не на гражданское общество, а на государственные институты. Обе эти характеристики особенно важны при оценке воплощаемых мер.

Для раннего этапа развития нового направления деятельности ЕС характерно последовательное изменение в терминологическом аппарате. В период с 2015 по 2018 г. происходит движение от изначального понятия «*гибридных угроз*» (комбинация традиционных и неклассических методов информационного воздействия)² к популяризировавшемуся в 2016 г. понятию «*фейковые новости*» и далее к более привычной со времен холодной войны «*дезинформации*». При этом появление аспектов мультитейкхолдеризма в политике ЕС практически не свойственно периоду применения термина «*гибридные угрозы*». Вовлечение бизнеса и гражданских институтов в борьбу с дезинформацией происходит по мере прояснения терминологических границ.

Интерес ЕС к новой угрозе стал проявляться в связи с усложняющейся международной информационной повесткой (прежде

²European Commission. 2016. Joint communication Joint Framework on countering hybrid threats a European Union response JOIN/2016/018final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52016JC0018> (дата обращения 3 сентября 2022).

всего обострением отношений с Россией)³ и глобальным ростом ложного и вредоносного контента в Интернете [D'Ancona 2017]. Одним из первых документов ЕС в этой области становится общая программа по противодействию гибридным угрозам⁴. В ней указывается, что ключевой формой гибридных угроз являются дезинформационные кампании с использованием социальных сетей. В этом контексте онлайн-платформы рассматриваются преимущественно как инструменты влияния.

Однако появление новых руководящих документов меняет восприятие платформ, делая их не только площадкой влияния, но и стейкхолдером, несущим часть ответственности. Уже в 2017 г. ЕК издает дорожную карту по фейкам и дезинформации⁵, артикулирующую политическую сторону обозначенных проблем и стремящуюся вовлечь стейкхолдеров (медиа, платформы и исследователей) в разработку новых инициатив. В 2018 г. ЕК создает группу экспертов высокого уровня по фейковым новостям и онлайн-дезинформации, включающую представителей гражданского общества и бизнеса. Результатом работы группы становится доклад, в котором «дезинформация» выступает центральным термином⁶. *Дезинформация*, как определено в документе, «включает все формы ложной, неточной или вводящей в заблуждение информации, разработанной, представленной и продвигаемой с целью умышленного причинения вреда или получения прибыли»⁷. Это определение закрепится в первых стратегических документах ЕС, посвященных дезинформации, и будет в дальнейшем доработано, вытеснив тем самым другие понятия.

В этот период в контексте начала формирования политики ЕС по борьбе с дезинформацией особую роль играет Балтийский

³European Council conclusions, 19–20 March 2015. Official website of the Council of the EU and the European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2015/03/20/conclusions-european-council/> (дата обращения 11 июля 2021).

⁴European Commission. 2016...

⁵European Commission. 2017. CNECT PLAN/2017/1783 Communication on fake news and online misinformation Ares(2017)5489364. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=PI_COM%3AAres%282017%295489364 (дата обращения 3 сентября 2022).

⁶European Commission. 2018. A multi-dimensional approach to disinformation: Report of the independent High Level group on fake news and online disinformation. Luxembourg: Publications Office of the European Union. URL: <https://data.europa.eu/doi/10.2759/739290> (дата обращения 3 сентября 2022).

⁷Ibid.

регион. Причина связана с близостью этой части ЕС к России, которой с момента ухудшения двусторонних отношений ЕС систематически приписывает информационное вмешательство во внутренние дела стран-членов (прежде всего восточноевропейских). На приграничные зоны была направлена одна из первых инициатив против гибридного вмешательства – созданная в 2015 г. Восточная оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям (StratCom)⁸, отражающая патерналистское начало европейской стратегии в регионе. Контекст информационного противостояния ЕС и России в дальнейшем лишь закрепился в рамках политики ЕС в сфере дезинформации.

Таким образом, на начальном этапе формирования политики по борьбе с дезинформацией можно выделить три ключевые характеристики: 1) закрепление в европейском дискурсе «дезинформации» в качестве основного понятия политики ЕС; 2) формирование в Балтийском регионе очага информационных противоречий; 3) слабая степень включения различных стейкхолдеров в управленческий процесс, за исключением функций. Благодаря этим предпосылкам и растущему глобальному интересу к фейкам в сети в ЕС началось развитие собственного инструментария по противодействию дезинформации, создавшего новые форматы взаимодействия со стейкхолдерами.

Основные принципы борьбы ЕС с дезинформацией

Начатые в 2015–2016 гг. инициативы различных институтов ЕС послужили основой для последующего развития полноценной программы по противодействию дезинформации, которая получила свое юридическое воплощение в 2018 г. в рамках трех ключевых документов, принятых в преддверии выборов в Европейский парламент 2019 г.:

- Кодекс практик по противодействию дезинформации (далее – Кодекс)⁹;

⁸Questions and answers about the East StratCom task force. EEAS homepage. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/2116/questions-and-answers-about-east-stratcom-task-force_en (дата обращения 20 августа 2022).

⁹Code of practice on disinformation. Official website of the European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/code-practice-disinformation> (дата обращения 15 июля 2022).

- План по противодействию дезинформации (далее – План)¹⁰;
- коммюнике «Борьба с дезинформацией в Интернете: европейский подход» (далее – Коммюнике)¹¹.

Все перечисленные документы делают особый акцент на взаимодействии с гражданами и открытости. Вместе они составляют трехступенчатый конструкт из принципов, мер и совместных действий с различными акторами, ключевыми из которых выступают онлайн-платформы. В рамках Коммюнике фиксируется идея о соответствии действий по борьбе с дезинформацией «демократичности» и определяются *прозрачность, разнообразие, достоверность и инклюзивность* в качестве базовых принципов. Коммюнике послужило основой для принятого в конце 2018 г. Плана, в котором обозначенные принципы были преобразованы в ключевые столпы деятельности ЕС, в частности «мобилизация частного сектора» и «повышение социальной стрессоустойчивости». Идея «демократичности» борьбы с дезинформацией заставила ЕС обратиться на нормативном уровне к бизнесу и гражданскому обществу, чтобы обеспечить репрезентативность разрабатываемого инструментария.

При этом расширение инструментария не заставило ЕС отказаться от уже существующих патерналистских механизмов, а лишь дополнило их адаптивными. Были определены такие меры, как *усиление оперативных групп по стратегическим коммуникациям* (первой подобной группой выступает Восточная StratCom), создание *системы быстрого оповещения* о происходящих дезинформационных кампаниях и реализация *Кодекса*. Дополнительно выделялось поощрение, в том числе и финансовое, взаимодействия гражданского общества, СМИ и фактчекеров. Следовательно, центральные инициативы ЕС были направлены сразу на нескольких стейкхолдеров, связанных с борьбой против дезинформации.

Особое значение из всех предложенных мер в Планах имеет Кодекс. Он был подписан платформами и социальными сетями за несколько месяцев до Плана и стал его составной частью. Кодекс является одним из первых в своем роде случаев, при котором цифровая отрасль на добровольной основе согласовала набор стандартов саморегуляции для борьбы с дезинформацией, включая по-

¹⁰ European Commission. 2018. Joint communication *Action Plan Against Disinformation* Join/2018/36 Final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:52018JC0036> (дата обращения 15 июля 2022).

¹¹ European Commission. 2018. Communication *Tackling Online Disinformation: A European Approach* COM/2018/236 Final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52018DC0236> (дата обращения 15 июля 2022).

вышение прозрачности политической рекламы, борьбу с фейковыми аккаунтами, включение пользователей в процесс модерации и др. В результате в рамках Кодекса удалось наметить некоторые практические элементы адаптивного мультитейкхолдеризма.

Указанные в Кодексе, а также в Плане меры образовали комплексную политику, особая роль в которой отводится добровольному взаимодействию, просвещению и «демократичности», что подчеркивает нормативную обусловленность действий. Подобная политика носит долгосрочный характер, а также указывает на передачу части функций бизнесу и гражданскому обществу. Вместе с тем первые несколько лет действия Плана продемонстрировали целый перечень уязвимостей и ошибок, многие из которых были отмечены в докладе Европейской счетной палаты¹². Наиболее существенными проблемами стали: отсутствие четкой координации различных органов ЕС и правил мониторинга, потенциальное нарушение принципов нейтральности, отсутствие единой стратегии медиаграмотности, а также неиспользование всех ресурсов, предусмотренных Планом. При этом большая часть критики также может быть адресована и Кодексу, сместившего внимание в контексте управленческих полномочий на платформы и не имеющего четких процедур отчетности или наложения санкций за неисполнение взятых на себя обязательств.

Важно отметить, что последовавшие в 2020–2021 гг. прения и обсуждения политики ЕС в рамках крупных европейских конференций, посвященных новым законодательным инициативам в этой области, свидетельствуют о сохранении обозначенных ограничений¹³. Это сказалось и на формировании закона о цифровых услугах¹⁴, ставшего последней и новейшей инициативой в сфере борьбы с дезинформацией.

¹² European Court of Auditors. 2021. *Special Report 09/2021: Disinformation affecting the EU: tackled but not tamed*. – Official website of the European Court of Auditors. URL: <https://www.eca.europa.eu/en/Pages/DocItem.aspx?did=58682> (дата обращения 20 августа 2022).

¹³ Speech of Vice-President V. Jourová at the EU DisinfoLab Annual Conference. European Commission website, 27.10.2021. URL: https://web.archive.org/web/20220307170206/https://ec.europa.eu/commission/commissioners/2019-2024/jourova/announcements/speech-vice-president-jourova-eu-disinfo-lab-annual-conference_en (дата обращения 24 марта 2023).

¹⁴ European Commission. 2020. Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council *On a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) and Amending Directive 2000/31/EC COM/2020/825 Final*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=COM%3A2020%3A825%3AFIN> (дата обращения 20 августа 2022).

Несмотря на названные противоречия, к 2020 г. в соответствии с Планом был определен основной круг институтов ЕС, занимающихся борьбой с дезинформацией. Ключевыми сторонами в процессе борьбы с дезинформацией выступили сразу несколько Генеральных директоров ЕК (DG CNECT, DG COMM, DG JUST), а также оперативные группы по стратегическим коммуникациям (StratCom), формируемые в нескольких новых регионах. При этом структура постепенно дополняется новыми органами. В 2020 г. были образованы *Европейский центр мониторинга цифровых медиа (EDMO)* и *Специальный комитет по иностранному вмешательству* во все демократические процессы в ЕС, включая дезинформацию (INGE), основанный в рамках Европейского парламента. С точки зрения мультистейкхолдеризма, можно отметить плюрализм акторов не только в вертикальном отношении (регулятор – бизнес – гражданское общество), но и горизонтальном, выраженном в увеличении числа европейских институтов и структурных подразделений, имеющих полномочия в борьбе с дезинформацией.

В рамках сформированной политики ЕС, помимо многосторонности, значимой чертой в борьбе с дезинформацией стала и экстернализация угрозы (т. е. ее закрепление исключительно за внешними акторами). Несмотря на то что формально в перечисленных выше документах фиксируется универсальный характер дезинформации, выраженный в ее способности быть угрозой и внешнего, и внутреннего характера, фактические действия и дискурс политиков смещают акцент на иностранное влияние. В Плане и Коммюнике Россия систематически указывается как один из ключевых источников влияния, что отсылает к изначальным предпосылкам образования стратегии ЕС по борьбе с дезинформацией. Основным примером противодействия «российской угрозе» остается деятельность StratCom, находящаяся под патронажем со стороны Европейской службы внешних связей.

Подобные действия в меньшей степени отражают идеи мультистейкхолдеризма и адаптивности. Они также свидетельствуют о том, что, несмотря на единство целей и стратегии ЕС, различные институты и стейкхолдеры могут реализовывать практики, соответствующие противоположным управленческим логикам. Отчасти эти опасения были выражены и в докладе Европейской счетной палаты, ссылавшейся на несогласованность отдельных мер, хотя приоритеты, обозначенные в Плане, сами устанавливают сосуществование оградительных и адаптивных мер в европейской практике.

При этом следует отметить, что в политике ЕС на момент 2020 г. наблюдалась диспропорция между фактической и фор-

мальной стороной предпринимаемых действий. Активные меры самих институтов ЕС были сосредоточены либо на консолидации и поддержке позиции стейкхолдеров, либо на создании экстерналистского нарратива через StratCom. Другие направления противодействия дезинформации во многом оставались за рамками публичного освещения или носили формальный, нереализованный характер (к примеру, система быстрого реагирования). Все фактические практики, такие как организация модерации соцсетей, разоблачение фейков, организация семинаров и исследований по медиаграмотности, оставались в руках частных стейкхолдеров (платформ, фактчекеров, исследователей). В этой плоскости ЕС оказывал покровительство и в отдельных случаях финансовую поддержку, но его реальное влияние было сосредоточено в выработке стратегического видения.

Таким образом, ЕС сформировал на момент начала 2020-х гг. комплексное представление как об угрозе дезинформации, так и о методах противодействия ей путем вовлечения различных стейкхолдеров. Вместе с тем в самой политике ЕС наблюдаются нерешенные управленческие проблемы, а также противоречивые акценты на экстернализации угрозы (выраженной в стигматизации внешних акторов) при подчеркнутом демократизме процесса борьбы с дезинформацией.

Новые очертания политики ЕС по борьбе с дезинформацией

Рассмотренные проблемы приобрели новые контуры с началом 2020 г. Пандемия COVID-19 продемонстрировала, что дезинформация может носить «неполитический» характер, приводя тем не менее к серьезным социальным последствиям [Das, Ahmed 2021]. Дезинформация, связанная со сферой здравоохранения, в полной мере проиллюстрировала как скорость распространения недостоверного контента, так и то, что он может распространяться пользователями ненамеренно.

В связи с этим к июню 2020 г. Европейская комиссия выпустила документ под названием «Совместные коммюнике по противодействию дезинформации о COVID-19»¹⁵, подчеркнувший необходи-

¹⁵ European Commission. 2020. Joint communication *Tackling COVID-19 Disinformation – Getting the Facts Right*. Join/2020/8 Final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020JC0008> (дата обращения 10 сентября 2022).

мость бороться не только с вирусом, но и с дезинформацией. Однако этот документ не внес кардинальных изменений в политику ЕС, за исключением институционализации гражданского общества в рамках мультистейкхолдерного видения. Он дополнил существовавший План предложениями по кооперации с третьими странами, а также завершил процесс создания EDMO для координации действий исследователей и фактчекеров. В документе повторно обозначена опасность внешних источников дезинформации. Но если ранее в таких документах упоминалась только Россия, то начиная с 2020 г. в них фигурирует и Китай, что было вызвано системным переосмыслением ЕС роли Китая при формировании ответа на вызовы, связанные с пандемией [Sakwa 2021, с. 13–14].

Следует отметить, что рост дезинформации во время пандемии стал значительным вызовом для ЕС, частично провалившего публичную коммуникацию на этапе распространения COVID-19. Разработанные ранее механизмы не смогли в полной мере сдержать общество от вызовов инфодемии, в силу чего социальную адаптацию к новым условиям стремились обеспечить частные стейкхолдеры, прежде всего фактчекеры¹⁶. Их деятельность концентрировалась на разоблачении мифов о коронавирусной инфекции и информационной повестки вокруг нее, при этом реагирование фактчекеров опережало действия ЕС. Поэтому ЕС в Совместном коммюнике¹⁷ и подчеркнул важность развития и институционализации гражданских инициатив.

Помимо пандемии на политику ЕС повлияла и принятая в начале 2020 г. новая цифровая стратегия ЕС¹⁸. Основной акцент был сделан на вопросах цифровой трансформации и создании общества, в котором европейские ценности, этические правила и другие нормы должны применяться в цифровом пространстве в той же степени, что и в реальной жизни. Базируясь на этих установках, к концу 2020 г. ЕС выпустил два новых плана:

¹⁶ Infodemic COVID-19 In Europe: A Visual Analysis Of Disinformation / A Fact-Checking Report by AFP, CORRECTIV, Pagella Politica/Facta, Maldita.es and Full Fact. URL: <https://covidinfodemicurope.com> (дата обращения 12 марта 2023).

¹⁷ European Commission. 2020. Joint communication *Tackling COVID-19 Disinformation – Getting the Facts Right* Join/2020/8 Final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020JC0008> (дата обращения 10 сентября 2022).

¹⁸ European Commission. 2020. Communication *Shaping Europe's Digital Future* COM/2020/67 Final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A52020DC0067> (дата обращения 3 сентября 2022).

- Медиа и аудиовизуальный план действий¹⁹;
- План действий европейской демократии²⁰.

Первый из двух документов косвенно затрагивает проблему дезинформации, делая особую ставку на развитие медиаграмотности, приводя к включению стейкхолдеров, связанных с образованием, в систему противодействия дезинформации. В то же время второй документ делает противодействие дезинформации приоритетом в области обеспечения защиты демократических институтов.

Анализ плана действий европейской демократии показывает два важных для ЕС приоритета в борьбе с дезинформацией. В контексте противодействия внешней дезинформации обозначается стремление к синергии для совместного дипломатического ответа ЕС на злонамеренные кибердействия. В качестве второго приоритета предлагается усовершенствование существующего Кодекса практик по противодействию дезинформации. Основной упор повторно делается на кооперацию с платформами и гражданским обществом. При этом в рамках плана предусматривается и возможность введения санкций, что повторно указывает на комбинацию адаптивной и патерналистской логики в действиях ЕС.

Укрепление Кодекса практик также указало на обновление управленческой логики. Начиная с 2020 г. речь идет о включении Кодекса, как и всего комплекса мер по борьбе с дезинформацией, в содержание нового закона о цифровых услугах²¹. Этот закон, согласованный уже к середине 2022 г. (но еще не вступивший в силу), указал на смену логики саморегуляции на практику совместного регулирования (co-regulation). Практическим следствием такого решения становится юридическая обязательность предпринимаемых мер, заменяющая гибкие практики по модерации и степени ответственности платформ.

¹⁹ European Commission. 2020. Communication *Europe's Media in the Digital Decade: An Action Plan to Support Recovery and Transformation* COM/2020/784 Final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0784><https://covidinfodemic.europa.com> (дата обращения 11 сентября 2022).

²⁰ European Commission. 2020. Communication *On the European Democracy Action Plan* COM/2020/790 Final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0790><https://covidinfodemic.europa.com> (дата обращения 11 сентября 2022).

²¹ European Commission. 2020. Proposal for a regulation of the European Parliament and of the Council *On a Single Market for Digital Services (Digital Services Act) and Amending Directive 2000/31/EC* COM/2020/825 Final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=COM%3A2020%3A825%3AFIN> (дата обращения 20 августа 2022).

Смена практик сигнализировала более активное вмешательство институтов ЕС в противодействие дезинформации, выходящее за рамки отведенной ранее роли консолидации частных инициатив. При этом подобная смена не означает отказа от мультистейкхолдерного регулирования, а скорее указывает на реконфигурацию влияния в контексте взаимоотношений онлайн-платформ и самого ЕС. Важно учитывать и сменившийся политический контекст принятия нового закона (острая конфронтация с Россией на фоне обострения кризиса на Украине). Он спровоцировал повторный рост патернализма, выраженный в реализации блокировки отдельных СМИ, а также форсировании самой законодательной инициативы. В сложившейся ситуации, помимо инициатив EDMO и других фактчекеров, именно Кодекс остается основным проявлением мультистейкхолдеризма в политике ЕС, при этом реализация закона ставит вопрос о дальнейших принципах работы Кодекса.

На сегодняшний день достигнутый прогресс в политике ЕС в области дезинформации ведет к проникновению этого направления деятельности в смежные сферы политики ЕС. Так «дезинформация» стала составной частью Стратегии кибербезопасности ЕС²², Плана действий в области цифрового образования²³, а также Стратегии Союза Безопасности ЕС²⁴. Все три документа выходят за рамки обозначенной политики ЕС, но подчеркивают включение дезинформации в общую повестку. При сохранении подобной тенденции борьба с дезинформацией будет сразу являться составной частью политики Союза безопасности ЕС, сферы кибербезопасности, сферы цифрового образования, и самое главное – стратегии по формированию цифрового будущего ЕС, включающей защиту демократии ЕС.

Однако несмотря на новые тенденции, политика ЕС сохраняет в себе серьезные противоречия. Помимо рекомендательного или

²² European Commission. 2020. Joint communication *The EU's Cybersecurity Strategy for the Digital Decade* Join/2020/18 Final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=JOIN:2020:18:FIN><https://covidinfodemicurope.com> (дата обращения 12 сентября 2022).

²³ European Commission. 2020. Communication *Digital Education Action Plan 2021-2027 Resetting Education and Training for the Digital Age* COM/2020/624 Final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0624><https://covidinfodemicurope.com> (дата обращения 11 сентября 2022).

²⁴ European Commission. 2020. Communication *On the EU Security Union Strategy* COM/2020/605 Final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020DC0605> (дата обращения 11 сентября 2022).

целесообразного характера основных мер, они по-прежнему в меньшей степени затрагивают проблемы, связанные с созданием и воспроизведением дезинформации изнутри сообщества. Акцент на внешних акторах воплощает противодействие на ограниченном спектре. Это ведет к сохранению экстерналистской парадигмы и искаженному восприятию проблемы со стороны ЕС, последствия которого частично были продемонстрированы на примере коронавирусной инфодемии.

Важно также отметить и другие проблемы. Сохраняется озабоченность несовершенством проводимой политики, в особенности в вопросах языкового распределения предпринимаемых мер (иначе говоря, их англоцентричность)²⁵. Кроме того, сложившаяся уже на момент перед принятием нового закона о цифровых услугах модель самоуправления с акцентом на работе платформ указала на угрозы, выраженные в избыточном влиянии соцсетей. Увеличение ответственности платформ перемещает основные рычаги модерации в их руки. При этом созданные платформами алгоритмы (выдачи контента и модерации) зачастую способны усиливать влияние дезинформации. По этой причине избыточная саморегуляция и доминирующее положение одного стейкхолдера влечет потенциальное увеличение количества противоречий.

Таким образом, достигнутый прогресс в политике ЕС в области дезинформации сохраняет множество неоднозначных моментов. Политике ЕС присущи приверженность изначальным установкам, ориентированность на внешние проявления дезинформации, размытость ответственности, опора на платформы, а также сильная нормативная обусловленность. Однако логика мультистейкхолдеризма, принятая ЕС, требует соблюдения баланса ответственности между обществом, бизнесом и институтами ЕС.

Заключение

Анализ существующих практик и планов ЕС показал, что борьба с дезинформацией имеет тенденцию к постоянной эволюции, что проявляется в расширении сфер, на которые распространяются меры и в которых артикулируется новая угроза. Стратегическое видение, которому следуют институты ЕС, основано на принци-

²⁵ European Economic and Social Committee. 2021. Opinion on *Communication ... on Strengthening the Code of Practice on Disinformation* COM/2021/262 final. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021AE3677> (дата обращения 11 сентября 2022).

пах, принятых в Планах по противодействию дезинформации ЕК и Кодексе практик. В ближайшее время это видение будет трансформировано и дополнено посредством нового закона о цифровых услугах, а также расширено включением борьбы с дезинформацией в План действий европейской демократии, подчеркивающий нормативную составляющую борьбы с дезинформацией.

Противодействие дезинформации, которое осуществляет ЕС, основывается на использовании гибких инструментов, связанных с мультистейкхолдерным подходом к процессу принятия решений и управления. Проявляется он через кооперацию институтов ЕС с онлайн-платформами и гражданским обществом. Большая часть имеющихся мер рассчитана на долгосрочную перспективу. Вместе с тем существует множество противоречий, мешающих такому подходу быть в полной мере эффективным. Решение этих противоречий заложено с точки зрения ЕС в принятии нового общеевропейского закона о цифровых услугах, заменяющего практики саморегуляции принципами совместного регулирования. Вместе с тем реализация подобных инициатив в перспективе может столкнуться с противодействием со стороны цифровых платформ, открытых к адаптивному регулированию в большей степени, чем к патерналистским практикам. Это обстоятельство заставляет ЕС следовать по пути сотрудничества с глобальными игроками, которое, однако, может быть видоизменено под воздействием новых регулятивных ограничений в рамках дальнейшего развития политики ЕС.

Литература

- Чургов 2017 – *Чургов С.В.* Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. Политические исследования. 2017. Т. 2. С. 42–59. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04.
- Antonova 2011 – *Antonova S.* “Capacity-building” in global Internet governance: The long-term outcomes of “multistakeholderism” // Regulation & Governance. 2011. Vol. 5. No. 4. P. 425–445. DOI: 10.1111/j.1748-5991.2011.01117.x.
- Braun, Dodge 2018 – *Braun K., Dodge J.* Critical policy studies and the politics of post-truth politics // Critical Policy Studies. Vol. 12. No. 1. P. 1–2. DOI: 10.1080/19460171.2018.1444498.
- D’Ancona 2017 – *D’Ancona M.* Post truth. L.: Ebury Press, 2017. 176 p.
- Das, Ahmed 2021 – *Das R., Ahmed W.* Rethinking fake news. Disinformation and ideology during the time of COVID-19 Global Pandemic // IIM Kozhikode Society & Management Review. 2021. Vol. 11. No. 1. P. 146–159. DOI: 10.1177/22779752211027382.

- Durach, Bârgăoanu, Nastasiu 2020 – *Durach F., Bârgăoanu A., Nastasiu C.* Tackling disinformation. EU regulation of the digital space // *Romanian Journal of European Affairs*. 2020. Vol. 20. P. 5–20.
- Nenadić 2019 – *Nenadić I.* Unpacking the “European approach” to tackling challenges of disinformation and political manipulation // *Internet Policy Review*. 2019. Vol. 8. No. 4, DOI: 10.14763/2019.4.1436.
- Pitruzzella, Pollicino 2020 – *Pitruzzella G., Pollicino O.* Disinformation and hate speech. Milano: Bocconi University Press, 2020. 174 p.
- Raymond, DeNardis 2015 – *Raymond M., DeNardis L.* Multistakeholderism. Anatomy of an inchoate global institution // *International Theory*. 2015. Vol. 7. No. 3. P. 572–616. DOI: 10.1017/S1752971915000081.
- Romanova, Sokolov, Kolotaev 2020 – *Romanova T., Sokolov N., Kolotaev Yu.* Disinformation (fake news, propaganda) as a threat to resilience. Approaches used in the EU and its member state Lithuania // *Baltic region*. 2020. Vol. 12. No. 1. P. 53–67. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-4.
- Sakwa 2021 – *Sakwa R.* The pandemic, Russia and the West // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 14. № 1. С. 3–19. DOI: 10.21638/spbu06.2021.101.
- Shu 2020 – *Shu K., Bhattacharjee A., Alatawi F. etc.* Combating disinformation in a social media age / K. Shu, A. Bhattacharjee, F. Alatawi, T. Nazer, K. Ding, M. Karami, H. Liu // *WIRES Data Mining and Knowledge Discovery*. 2020. Vol. 10. No. 6. DOI: 10.1002/widm.1385.

References

- Antonova, S. (2011), “ ‘Capacity-building’ in global Internet governance. The long-term outcomes of ‘multistakeholderism’ ”, *Regulation & Governance*, vol. 5, no. 4, pp. 425–445. DOI: 10.1111/j.1748-5991.2011.01117.x.
- Braun, K. and Dodge, J. (2018), “Critical policy studies and the politics of post-truth politics”, *Critical Policy Studies*, vol. 12, no. 1, pp. 1–2. DOI: 10.1080/19460171.2018.1444498.
- Chugrov, S.V. (2017), “Post-truth. Transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy?”, *Polis. Politicheskie issledovaniya*, vol. 2, pp. 42–59, DOI: 10.17976/jpps/2017.02.04.
- D’Ancona, M. (2017), *Post truth*, Ebury Press, London, UK.
- Das, R. and Ahmed, W. (2021), “Rethinking fake news. Disinformation and ideology during the time of COVID-19 Global Pandemic”, *IIM Kozhikode Society & Management Review*, vol. 11, no. 1, pp. 146–159. DOI: 10.1177/22779752211027382.
- Durach, F., Bârgăoanu, A. and Nastasiu, C. (2020), “Tackling disinformation. EU regulation of the digital space”, *Romanian Journal of European Affairs*, vol. 20, pp. 5–20.

- Nenadić, I. (2019), “Unpacking the ‘European approach’ to tackling challenges of disinformation and political manipulation”, *Internet Policy Review*, vol. 8, no. 4, DOI: 10.14763/2019.4.1436.
- Pitruzzella, G. and Pollicino, O. (2020), *Disinformation and hate speech*, Bocconi University Press, Milano, Italy.
- Raymond, M. and DeNardis, L. (2015), “Multistakeholderism. Anatomy of an inchoate global institution”, *International Theory*, vol. 7, no. 3, pp. 572–616, DOI: 10.1017/S1752971915000081.
- Romanova, T., Sokolov, N. and Kolotaev, Yu. (2020), “Disinformation (fake news, propaganda) as a threat to resilience. Approaches used in the EU and its member state Lithuania”, *Baltic region*, vol. 12, no. 1, pp. 53–67, DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-4.
- Sakwa, R. (2021), “The pandemic, Russia and the West”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 14, no. 1, pp. 3–19, DOI: 10.21638/spbu06.2021.101.
- Sharikov, P. and Stepanova, N. (2019). US, Europe and Russia Approaches to the Problem of the Information Policy, *Sovremennaya Evropa*, vol. 88, no. 2, pp. 73–83. DOI: 10.15211/soveurope220197383.
- Shu, K., Bhattacharjee, A., Alatawi, F., Nazer, T., Ding, K., Karami, M. and Liu, H. (2020), “Combating disinformation in a social media age”, *WIREs Data Mining and Knowledge Discovery*, vol. 10, no. 6, DOI: 10.1002/widm.1385.

Информация об авторе

Юрий Ю. Колотаев, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; yury.kolotaev@mail.ru

Information about the author

Yury Yu. Kolotaev, postgraduate student, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; bld. 1/3, Smolny St., Saint Petersburg, Russia, 191060; yury.kolotaev@mail.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327(73+729.1)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-60-69

«Флешбэки» Карибского кризиса 1962 г.
в американско-кубинских отношениях 60 лет спустя

Магомед А.-М. Кодзоев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия;*

*Институт Латинской Америки РАН, Москва, Россия,
zakon2bona@mail.ru*

Аннотация. В работе проанализировано влияние Карибского кризиса на современные американско-кубинские отношения. Безусловно масштаб и историческое значение этого события столь велики, что не оставить свой след и не повлиять на все дальнейшее развитие конфликта между США и Кубой оно попросту не могло. Однако при более пристальном внимании влияние ракетного кризиса 1962 г. отражается далеко не в тех аспектах, о которых обычно принято говорить, а в более фундаментальных (пусть и не самых долговечных) проявлениях. В очень общих чертах главное наследие Карибского кризиса проявляется в иррациональном, труднообъяснимом стремлении большей части американского истеблишмента, которых принято называть неоконсерваторами (или ястребами), ужесточить санкционную политику против Острова Свободы, хотя нормализация американско-кубинских отношений диктуется, казалось бы, здравым смыслом. Перейдя к полной нормализации и позволив наладить регулярные торговые-экономические связи, проявив великодушие и добрую волю, США оказались бы в более выгодном положении. Вводя раз за разом жесткие экономические санкции, не приводящие к разрешению конфликта, но пагубно сказывающиеся на уровне жизни простых граждан, Вашингтон ставит себя в весьма невыгодное положение.

Ключевые слова: Карибский кризис, Куба, США, ядерная держава, конфликт, СССР, международные отношения

Для цитирования: Кодзоев М.А.-М. «Флешбэки» Карибского кризиса 1962 г. в американско-кубинских отношениях 60 лет спустя // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 60–69. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-60-69

© Кодзоев М.А.-М., 2023

“Flashbacks” of the 1962 Cuban Missile crisis in the U.S.-Cuban relations 60 years later

Magomed A.-M. Kodzoev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, zakon2bona@mail.ru*

Abstract. The paper analyzes the impact of the Cuban Missile crisis on today's US-Cuban relations. Of course, the scale and historical significance of this event is so great that it simply could not have failed to leave its mark and to affect the further development of the conflict between the United States and Cuba. However, with a more explicit focus, the impact of the 1962 Missile crisis is reflected not in those aspects that are conventionally talked about, but in more fundamental (albeit short-lived) manifestations. In very general terms, the main legacy of the Caribbean crisis is manifested in the irrational, difficult-to-explain desire of a large part of the American establishment, commonly referred to as the neoconservatives (“hawks”), to tighten the sanctions policy against the Island, although the normalization of the US-Cuban relations is dictated by seeming common sense. Moving to full normalization and allowing the setting up of regular trade and economic ties, showing generosity and goodwill, the United States would find itself in a much better position. By repeatedly imposing harsh economic sanctions that do not lead to a resolution of the conflict, but have a detrimental effect on the standard of living of ordinary citizens, Washington exposes itself in a very unsightly light.

Keywords: Cuban Missile crisis, Cuba, USA, nuclear power, conflict, USSR, international relations

For citation: Kodzoev, M.A.-M. (2023), “ ‘Flashbacks’ of the 1962 Cuban Missile crisis in the U.S.-Cuban relations 60 years later”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 60–69, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-60-69

Введение

История Карибского кризиса 1962 г., равно как и американо-кубинский конфликт в целом, традиционно пользуется неизменным интересом и в академической среде, и среди практикующих дипломатов. Его уроки до сих пор остаются актуальными и хорошо применимыми в глобальной политике и в противостоянии современных сверхдержав. Ядерный паритет, доктрина сдерживания и гарантированного взаимного уничтожения, игра с нулевой сум-

мой, нераспространение ядерного оружия, идея его сокращения или наращивания – все это было лейтмотивом международных отношений второй половины XX в. Разумеется, любой опыт взаимодействия или противостояния на этом уровне должен быть исследован в наиболее полной мере (насколько это возможно) и усвоен руководителями современных ядерных держав. В моменты наибольшего напряжения он должен играть ключевую роль в разрядке международной атмосферы и переходе к мирному разрешению межгосударственных противоречий, и можно смело говорить о том, что сегодня, когда в Восточной Европе идет полномасштабная «горячая» война, в которой в той или иной степени задействован практически весь состав «ядерного клуба», человечество в очередной раз столкнулось с такой необходимостью.

Теме Карибского кризиса посвящено огромное число научных и научно-популярных работ. Среди академической литературы можно выделить фундаментальный труд Серго Анастасовича Микояна, который, будучи сыном министра иностранных дел СССР Анастаса Ивановича Микояна, был непосредственным очевидцем многих исторических событий и имел доступ к практически исчерпывающему количеству материалов, связанных с ними [Микоян 2006]. С нового ракурса и с анализом как советских, так и американских архивных материалов рассмотрели кризис россиянин Александр Фурсенко и американский исследователь Тимоти Нафтали [Фурсенко, Нафтали 2001]. Третьим важнейшим исследованием, посвященным теме Карибского кризиса, является работа Грэма Аллисона и Филипа Зеликова «Квинтэссенция решения», в которой на уже имеющихся материалах осуществлено важнейшее теоретическое переосмысление этого события сквозь призму конфликтологии [Аллисон, Зеликов 2012]. Эти авторы ставили перед собой цели – не столько исторические, сколько политологические, – которые близки по своему смыслу целям данной статьи.

Главная задача данного исследования – обозначить научную проблему, ее исследовательский ракурс и выявить основные проявления влияния Карибского кризиса на современное состояние американо-кубинских отношений. Если его эмоциональное воздействие на конфликт двух государств на каком-то историческом этапе имело определяющее значение, то можно с некоторой долей уверенности говорить о том, что его декомпрессия – по крайней мере частичная – является исторической неизбежностью, так же, как и редукция любых психоэмоциональных факторов в истории человечества. Это должно кардинальным образом поменять исследовательский подход к поставленной проблеме и определить долгосрочные тренды в американо-кубинских отношениях.

Триггеры кризиса

Ровно 60 лет прошло с тех судьбоносных дней, когда над миром нависла угроза полного уничтожения всего живого в результате войны между двумя крупнейшими ядерными державами. С тех пор много воды утекло, полностью изменился характер международных отношений, одной из держав-участниц этого конфликта – СССР – уже не стало, а политическая карта мира претерпела значительные изменения. Мы сегодня гораздо лучше понимаем, каким был бы исход Карибского кризиса, если бы в решающий момент руководители двух сверхдержав не приняли решение остановить это безумие и выйти на наиболее приемлемые в сложившихся обстоятельствах договорные позиции. Скорее всего, человечество не пережило бы октябрь 1962 г.

Но в те дни эта простая истина мало кому была понятна, и даже Ф. Кастро критиковал осторожные действия Н.С. Хрущева, утверждая, что Соединенные Штаты были готовы уступить территории Гуантанамо, занятые базой ВМС США, если бы советский лидер настоял на этом и занял более агрессивную позицию на переговорах¹. Если это так, то одним из важных последствий кризиса, сказывающихся на современных американо-кубинских отношениях, является проблема Гуантанамо. Причем в современных условиях существование чудовищного концлагеря на территории этой базы делает более выгодным положение Гаваны и говорит далеко не в пользу американской демократии, ведь очевидно, что территории, занятые под нее, фактически незаконно удерживаются северным соседом. Это делает более явственным для мировой общественности негативный аспект американо-кубинского конфликта: США выглядят сильными угнетателями, а Куба – жертвой империи.

Но далеко не факт, что сам тезис о возможной готовности Дж. Кеннеди уступить Гуантанамо Кубе является верным. При всей своей удивительной проницательности и прекрасных аналитических способностях Фидель мог ошибаться на этот счет. Не следует недооценивать то значение, которое американское руководство придавало и придает до сих пор наличию действующих военных баз в центральноамериканском и карибском пространстве, ведь этот субрегион некоторые даже называют «мягким подбрюшьем» США, где им попросту необходимо, если можно так сказать, «держат марку» и ни в коем случае не допускать ослабления своих позиций. Поэтому американские базы расположены не только на Кубе, но

¹ *Кастро Ф., Рамоне И.* Фидель Кастро: Моя жизнь: Биография на два голоса. М.: РИПОЛ классик, 2009. С. 307.

и в Гондурасе, Сальвадоре, Коста-Рике, на острове Аруба, до недавнего времени были в Панаме, Колумбии. Скорее всего, Ф. Кастро, не понимая до конца логику империалистических сверхдержав и то, чем именно они руководствуются в своих внешнеполитических решениях, не мог осознать также и мотивы США и то, насколько им было бы важно не уступить Кубе в данном вопросе. Поэтому, скорее всего, база Гуантанамо – это феномен *suī generis*, лежащий вне Карибского кризиса, и вряд ли США по собственной воле согласятся когда-либо отсюда уйти.

Дуализм конфликта

Однако Карибский кризис оставил-таки свой след в истории американо-кубинских отношений. Для того чтобы понять степень его воздействия на двусторонний американо-кубинский конфликт, т. е. степень аберрации естественной эволюции конфликта США и Кубы в результате вмешательства в него третьей стороны, необходимо сначала сказать, каким было бы это самое естественное развитие, не вмешайся в него Советский Союз. Ведь он возник и на первых этапах развивался без участия Москвы, а появился он и вовсе до возникновения СССР на карте мира.

США давно считали Кубу лакомым кусочком, который с самого начала стремились заполучить в свои руки. Куба, само географическое расположение которой позволяло ей считаться «ключом к Новому Свету», объективным образом была склонна к тому, чтобы «соскользнуть» в сферу политического и торгово-экономического влияния Вашингтона, а Соединенные Штаты, хорошо понимая положение дел, всегда были заинтересованы во включении Кубы в свой состав. В середине XIX в. сразу две администрации Белого дома пытались выкупить ее у Испании, а в 1854 г. американский посол в иберийской стране П. Суле даже выпустил так называемый «Меморандум Остенде», в котором угрожал силой забрать остров, если король не пожелает его продать. Как результат, на пороге XIX и XX столетий они смогли на практике реализовать свои замыслы, фактически подчинив своему владычеству Остров Свободы².

С другой стороны, национальное самосознание, которое стало получать окончательное свое оформление на Кубе еще в первой чет-

²How The United States regarded the question of seizing Cuba in 1822: Letter from John Quincy Adams // The New York Times. 1863. Oct. 17. URL: <https://www.nytimes.com/1863/10/17/archives/how-the-united-states-regarded-the-question-of-seizing-cuba-in.html> (дата обращения 21 июня 2018).

верти XIX в., всегда подталкивало кубинское общество к борьбе за подлинную свободу. На этой базе Ф. Кастро построил свою борьбу против диктатуры Ф. Батисты и, конечно, смог получить безоговорочную поддержку населения. Именно в те годы – во время Революции 1959 г. и сразу после нее – кубинское общество было наиболее радикально настроено в поддержку революционеров и против империализма США. Уже только в XXI в. правительство Р. Кастро стало всерьез переживать о том, что число членов компартии снижается, но в дни Карибского кризиса «барбудас» пользовались невероятной поддержкой в обществе. Они были твердо настроены на то, чтобы времена вассального положения Кубы ушли в прошлое и более не возвращались. Другой вопрос, вокруг которого до сих пор немало споров, что из этого вышло позже; поэтому не будем углубляться в эту тему.

В исторической ретроспективе действительно важно то, что кажущееся прямое и косвенное влияние Карибского кризиса на современные американско-кубинские отношения на деле оказывается вовсе не наследием времен «холодной войны», а логическим продолжением отдельного кейса в международных отношениях, который к «холодной войне» имеет лишь весьма опосредованное отношение. Таким образом, можно представить две, если можно так выразиться, ипостаси или версии Карибского кризиса: одна будет явлением «холодной войны», коей ее обычно и представляют; другую необходимо рассматривать в контексте «чисто» американско-кубинского конфликта, уходящего корнями в XIX век, как логический результат этого длительного исторического процесса. Такое раздвоение в истории отразилось в виде критического недопонимания, случившегося между Ф. Кастро и Н.С. Хрущевым, которые, кажется, с самого начала и до самого конца говорили о двух совершенно разных вещах и событиях. Именно поэтому, когда эмиссары СССР маршал С.С. Бирюзов и Ш.Р. Рашидов предложили Ф. Кастро разместить баллистические ракеты на Кубе, тот не сразу понял, в каких целях это предлагается сделать. В первую очередь, он – по его же воспоминаниям – спросил, делается ли это для защиты Кубы или в интересах всего мирового социализма. Здесь проходит водораздел между одним пониманием и другим: с одной стороны, конфликт Кубы и США, с другой – биполярный американско-советский конфликт³.

Конечно, мы с уверенностью говорим, что, если бы не Советский Союз, скорее всего, США оккупировали бы Кубу, а революционеров ждала незавидная участь. То, что кубинская революция

³ *Кастро Ф., Рамоне И.* Указ. соч. С. 302.

смогла преодолеть враждебные потуги Вашингтона, безусловно, можно назвать наследием Карибского кризиса, так как СССР в те годы воспрепятствовал немедленному вторжению США на остров, но в более частных вещах едва ли этот кризис имеет решающее значение в сегодняшних американо-кубинских отношениях. Американо-кубинский конфликт будто бы застыл на некоторое время в состоянии 1959 г., когда администрация Эйзенхауэра не совсем понимала, как быть с победившими революционерами. Парадоксальным образом до сих пор по данному вопросу в политических элитах США нет единства мнений.

Сразу после Карибского кризиса произошла некоторая разрядка, и в дальнейшем угрозы прямого вторжения и насильственного решения кубинской проблемы более всерьез не возникали ни во время «холодной войны», ни после ее окончания. Собственно, сегодня мы также наблюдаем за тем, как Соединенные Штаты даже не думают о каком-либо военном решении кубинского вопроса, хотя очевидно, что интерес Вашингтона к соседней стране несколько не снизился. Напротив, почти каждая администрация сталкивается с необходимостью предложить то или иное решение многолетнего конфликта. В том, что на режим Кастро необходимо тем или иным способом воздействовать, уверены как сторонники жесткого, так и сторонники мягкого пути. Тем не менее никто не предлагает военного решения.

Когда в Белом доме принимали решение о подготовке вторжения в Плая Хирон в апреле 1961 г. и о реализации плана «Мангуст» позже в том же году и когда разрабатывался план прямого вторжения вооруженных сил США на Кубу в 1962 г., они в первую очередь руководствовались тем, что остров стал оплотом советской угрозы. Необходимость сдерживания коммунизма на Западном полушарии подстегивала их военную решимость. С другой стороны, они боялись того, что при реализации планов вторжения возможно прямое столкновение с СССР, что стало сдерживающим обстоятельством. Взаимно сократив эти два фактора, мы получаем «чистый» американо-кубинский конфликт, свободный от вмешательства третьей стороны. Но даже в этом случае американцы, скорее всего, оккупировали бы Кубу, так как объективно история их отношений двигалась именно к такому исходу. Но США не вернулись к военному решению кубинского вопроса даже после того, как Советский Союз прекратил свое существование, возникает вопрос – почему? Очевидно, что между 1962 и 1992 гг. произошло нечто такое, что заставило Вашингтон значительно изменить свой подход к кубинской проблеме. Скорее всего, это был Карибский кризис.

Было бы наивным считать, что такая страна, как США, свято соблюдает условия компромисса октября 1962 г. и в знак верного

сти данному слову не пошла на самые жесткие меры. Обычно в реальной политике подобным сантиментам нет места, поэтому при необходимости Вашингтон мог бы нарушить свое слово, как делал неоднократно, и под предлогом экспорта демократии захватить остров. Однако этого не происходит по причине того, что не решенная в 1962 г. «проблема» Кубы трансформировалась, как сказал советник Дж. Буша-старшего Б. Скоукрофт, из внешней во внутреннюю. В действительности США давно не воспринимают Кубу как истинную угрозу своим внешнеполитическим интересам и не очень спешат принимать наиболее жесткие меры в отношении островной страны. Однако от идеи постепенного, медленного вхождения острова в сферу влияния Соединенных Штатов они нисколько не отказались, а лишь утвердились в своей решимости.

Заключение

Свой наиболее отчетливый след Карибский кризис оставил в политической культуре республиканской и демократической части американского политического истеблишмента. Эффект от его воздействия в обоих случаях был зеркальным: республиканцы в исконном виде унаследовали риторику «холодной войны» и все еще настаивают на жесткой санкционной политике и принятии всевозможных жестких мер по противодействию Кубе; а демократы, наоборот, пришли к своеобразному психологическому отрицанию и призывают к нормализации отношений и мягкому решению конфликта. Тот факт, что и то, и другое представляет собой наследие Карибского кризиса, подтверждается тем, что республиканцы продолжают утверждать, что Куба представляет угрозу национальным интересам США, хотя это давно не так, а первым сторонником нормализации американо-кубинских отношений в элитах США был брат Дж. Кеннеди сенатор Э. Кеннеди. Возможно, действия сенатора были вызваны чувством вины за то, что произошло в октябре 1962 г., впрочем, мы об этом уже вряд ли узнаем.

Наконец, уместно будет вспомнить о том, что существует две ипостаси или два варианта Карибского кризиса – как часть «холодной войны» и как часть собственно американо-кубинского конфликта. Те, кто продолжают видеть в нем осколок биполярного противостояния с СССР, настаивают на жесткой политике, а те, кто придерживаются (возможно, совершенно интуитивно и бессознательно) чисто американо-кубинской версии конфликта, возвращаются к исконным прагматическим интересам американского бизнеса на острове, к примеру, отстаивая право американского

производителя свободно торговать на одиннадцатимиллионном рынке Кубы. Адепты последнего пути утверждают, что сотрудничать с Кубой выгоднее, чем конфликтовать, тем более что сам Остров Свободы не возражает при условии уважения его суверенитета.

Результаты Карибского кризиса, пожалуй, в большей степени отразились на американско-советском, чем на американско-кубинском конфликте. Кубе в наследство от него досталось искаженное восприятие сути американско-кубинских отношений в представлении наиболее консервативной части истеблишмента США, что выливается в изнуряющие санкционные кампании со стороны сверхдержавы, время от времени обостряющиеся с приходом к власти в Белом доме президента-республиканца.

Литература

- Аллисон, Зеликов 2012 – Аллисон Г., Зеликов Ф. Квинтэссенция решения: На примере Карибского кризиса 1962 года: Пер. с англ. / Под ред. С. Сараджяна, Н. Абдуллаева; предисл. А.А. Кокошина. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 528 с.
- Микоян 2006 – Микоян С.А. Анатомия Карибского кризиса. М.: Academia, 2006. 1072 с.
- Фурсенко, Нафтали 2001 – Фурсенко А.А., Нафтали Т. Адская игра: Секретная история Карибского кризиса 1958–1964. М.: Гей Итэрум, 2001. 560 с.

References

- Allison, G. and Zelikov, F. (2012), *Kvintessentsiya resheniya: Na primere Karibskogo krizisa 1962 goda* [The quintessence of the solution. On the example of the 1962 Caribbean crisis], URSS: Knizhnyi dom "LIBROKOM", Moscow, Russia.
- Fursenko, A.A. and Naftali, T. (2001), *Adskaya igra. Sekretnaya istoriya Karibskogo krizisa 1958–1964* [A hellish game. The secret history of the Caribbean crisis 1958–1964], Geya Iterum, Moscow, Russia.
- Mikoyan, S.A. (2006), *Anatomiya Karibskogo krizisa* [Anatomy of the Caribbean crisis], Academia, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Магомед А.-М. Кодзоев, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6;

Институт Латинской Америки РАН, Москва, Россия; 115035, Россия, Москва, ул. Большая Ордынка, д. 21/16; zakon2bona@mail.ru

Information about author

Magomed A.-M. Kodzoev, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 21/16, Bol'shaya Ordynka St., Moscow, Russia, 115035; zakon2bona@mail.ru

УДК 327(73+71)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-70-82

Канадско-американские отношения в 1957–1963 гг.: этапы и история развития

Андрей Н. Комаров

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ruslan10@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются канадско-американские отношения в премьерство Дж. Дифенбейкера в 1957–1963 гг. На основе анализа соответствующей источниковой и историографической базы автор статьи приходит к выводу о том, что личная неприязнь и взаимное непонимание между президентом США Дж. Кеннеди и премьер-министром Канады Дж. Дифенбейкером формировали характер канадско-американских отношений в 1961–1963 гг. Автор считает, что антиамериканизм Дж. Дифенбейкера в 1961–1963 гг. не имел под собой четкой идеологической основы и явился следствием ряда факторов, и прежде всего популизма премьер-министра Канады, а также плохих личных отношений с президентом США Дж. Кеннеди. Напротив, по мнению автора, в период 1957–1960 гг. антиамериканизм отсутствовал во внешнеполитических взглядах Дж. Дифенбейкера, и именно поэтому последний выступил сторонником тесного военного сотрудничества с США, что было реализовано в 1958 г. в заключении соглашения НОРАД. С точки зрения автора, канадско-американские отношения в 1957–1963 гг. прошли серьезную трансформацию – от консенсуса с Д. Эйзенхауэром до полного отсутствия понимания с Дж. Кеннеди. Последний не сумел найти необходимый подход к Дж. Дифенбейкеру. В свою очередь, руководствуясь во многом негативными эмоциями по отношению к Дж. Кеннеди, в период Карибского кризиса Дж. Дифенбейкер не сделал ничего, чтобы выполнить свои союзнические обязательства по отношению к США. Автор подчеркивает, что в ухудшении канадско-американских отношений в 1961–1963 гг. виноваты обе стороны.

Ключевые слова: Дж. Дифенбейкер, Дж. Кеннеди, Д. Эйзенхауэр, ухудшение, консенсус, Карибский кризис, парламентские выборы

Для цитирования: Комаров А.Н. Канадско-американские отношения в 1957–1963 гг.: этапы и история развития // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 70–82. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-70-82

© Комаров А.Н., 2023

The relations
between Canada and the USA in 1957–1963.
Stages and the history of development

Andrei N. Komarov
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, ruslan10@inbox.ru*

Abstract. The article discusses the relationship between Canada and the USA during Prime Minister John Diefenbaker's premiership in 1957–1963. Based on the analysis of the relevant source and historiographical background, the author of the article comes to the conclusion that personal hostility and mutual misunderstanding between John Kennedy and John Diefenbaker shaped the nature of the relationship between Canada and the USA in 1961–1963. The author believes that Diefenbaker's anti-Americanism in 1961–1963 did not have a clear ideological background, and was the result of a number of factors, and, above all, the populism of the Prime Minister of Canada, as well as his poor personal relations with John Kennedy. On the contrary, according to the author, in the 1957–1960 period, anti-Americanism was missing in the foreign policy strategy of Diefenbaker, and that is why the latter advocated a close military cooperation with the United States, which was implemented in 1958 through the conclusion of the NORAD agreement. From the author's point of view, the relations between Canada and the USA in 1957–1963 underwent a serious transformation – from the consensus with Eisenhower to the complete lack of understanding with Kennedy. The latter failed to find a necessary approach to Diefenbaker who, guided by negative emotions towards Kennedy during the Caribbean crisis, did nothing to fulfill his allied obligations with regard to the United States. The author emphasizes that both sides are to blame for the deterioration of the relations between Canada and the USA in 1961–1963.

Keywords: J. Diefenbaker, J. Kennedy, D. Eisenhower, deterioration, consensus, Caribbean crisis, parliamentary elections

For citation: Komarov, A.N. (2023), "The relations between Canada and the USA in 1957–1963. Stages and the history of development", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 70–82, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-70-82

Введение

Карибский кризис 1962 г. не только самым прямым образом повлиял на контекст взаимоотношений США и Канады в начале 1960-х гг., но и фактически разрушил политическую карьеру премьер-министра Канады Дж. Дифенбейкера. Необходимо отметить,

что премьер-министр Канады Дж. Дифенбейкер (1957–1963) является одной из значимых личностей в канадской истории. Именно с ним связано возвращение консерваторов к власти в общенациональном масштабе в 1957 и 1958 гг. после ухода в отставку последнего консервативного правительства Р. Беннета в 1935 г. В этой связи Дж. Дифенбейкера можно сравнить с Брайном Малруни, который привел Прогрессивно-консервативную партию к власти в 1984 г., и С. Харпером, победившим на парламентских выборах 2006 г.

Внешняя политика Д. Дифенбейкера получила освещение в работах С.Ф. Молочкова [Молочков 2000]. Данная проблематика была также затронута в трудах О.С. Сороко-Цюпа [Сороко-Цюпа 1985]. В канадской историографии этому периоду посвящена содержательная монография Л. Ледюка, Дж. Памметта, Дж. Маккензи, А. Тюркотта [LeDuc 2010]. В этой связи автор данной статьи не ставит своей целью освещение предвыборных кампаний Дж. Дифенбейкера и основных аспектов его внутри- и внешнеполитической деятельности, что было неоднократно сделано до него в историографии. Автор видит свою задачу в том, чтобы показать, как канадско-американские отношения 1957–1963 гг. способствовали закату политической карьеры Дж. Дифенбейкера. Причем события Карибского кризиса 1962 г., в понимании автора статьи, явились лишь кульминацией сложных канадско-американских отношений той эпохи. Именно поэтому, по замыслу автора статьи, необходимо не только дать анализ непосредственного влияния Карибского кризиса на канадско-американское военное сотрудничество, но и проследить в целом динамику отношений двух государств в 1957–1963 гг., в период нахождения у власти Дж. Дифенбейкера. Важной особенностью методологии данной статьи является междисциплинарный подход, соединяющий исторические события данной эпохи с особенностями международных отношений.

Этапы и история развития

В 1957 г. на парламентских выборах в Канаде победила Прогрессивно-консервативная партия во главе с Дж. Дифенбейкером, получив парламентское меньшинство. Этому предшествовал выбор Дж. Дифенбейкера лидером партии на партийной конвенции партии, которая проходила с 12 по 14 сентября 1956 г., о чем последний упомянул в своих мемуарах¹. В ходе избирательной кампании

¹ *Diefenbaker J.* One Canada: Memoirs of the Right Honourable John G. Diefenbaker. The Crusading years 1895–1956. Toronto: Macmillan of Canada, 1975.

1957 г. Дж. Дифенбейкер опередил своего основного конкурента, лидера Либеральной партии и действующего премьер-министра Канады Л. Де Сен-Лорана благодаря своей харизме и яркому выступлению в ходе телевизионной кампании 1957 г. Этому изначально способствовал ряд факторов.

Во-первых, как отмечает канадский историк Дж. Мюррей Бек, с самого начала избирательная кампания Дж. Дифенбейкера превратилась в политическое шоу одного политика перед избирателями во многом благодаря трансляции его яркого выступления на телевидении [Beck 1968, p. 264]. Впервые в 1957 г. в Канаде телевидение транслировало избирательные кампании лидеров партий, а также их дебаты. И в этой связи Дж. Дифенбейкер был в более выигрышном положении, чем его оппонент – Л. Сен-Лоран. Если последний произносил свои речи исключительно по бумаге, то Дж. Дифенбейкер своими яркими выступлениями на телевидении демонстрировал, что у либералов есть значимая альтернатива в виде консерваторов.

Во-вторых, Дж. Дифенбейкер выбрал роль справедливого и беспристрастного судьи внутренней и внешней политики С. Лорана, критикуя последнего как за рост безработицы, так и за ухудшение канадско-британских отношений. Стоит заметить, что внешнеполитический аспект играл весьма значимую роль в предвыборных выступлениях Дж. Дифенбейкера.

В то же время необходимо подчеркнуть, что уже в ходе избирательных кампаний лидера консерваторов в 1957 и 1958 гг. проявился ряд противоречивых тенденций, касающихся его внешнеполитических постулатов.

С одной стороны, Дж. Дифенбейкер понимал необходимость формирования самостоятельной внешней политики Канады, что было очевидным после принятия Вестминстерского статута 1931 г. и той важной роли, которую сыграла Канада в составе антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны.

С другой стороны, Дж. Дифенбейкер, родившись в конце XIX в., ностальгировал по традициям Британской колониальной империи и прочным связям с англосаксонским миром. Осознавая, что Британская колониальная империя распалась и осталась в прошлом, Дж. Дифенбейкер тем не менее выступал за существенное усиление торгово-экономических связей с Великобританией и содружеством наций в целом.

В то же время Дж. Дифенбейкер в целом отчетливо осознавал необходимость интенсивного канадско-американского военного сотрудничества в условиях продолжающейся холодной войны и тем самым выступал за тесный военный союз с США. В этой связи стоит отметить, что личные симпатии и антипатии Джона

Дифенбейкера к Дуайту Эйзенхауэру и Джону Кеннеди во многом определяли его внешнеполитический курс по отношению к США в 1957–1963 гг. Все вышеупомянутые тенденции сочетались во внешнеполитической концепции Дж. Дифенбейкера и проявлялись в большей или меньшей степени в различные годы его премьерства. Важно и то, что его внешнеполитические взгляды проходили определенную трансформацию – от дружбы и взаимного понимания по ряду вопросов с Д. Эйзенхауэром до резкого неприятия и отсутствия консенсуса с Дж. Кеннеди. Внешнеполитические взгляды Дж. Дифенбейкера, направленные на военный союз с США, находили широкое понимание в канадском обществе в 1957 и 1958 гг. Именно поэтому стоит согласиться с канадским историком Дж. Мортонем, который отмечал, что парламентские выборы 1958 г. превратились, по сути дела, в референдум о доверии одному человеку – Дж. Дифенбейкеру [Morton 1983, p. 224]. Последний одержал блестящую победу на национальном уровне, получив парламентское большинство. После прихода к власти Дж. Дифенбейкера защита североамериканского континента от возможного советского ядерного удара была главным приоритетом в сфере внешней политики правительства консерваторов. В этой связи в 1958 г. между Канадой и США было подписано соглашение НОРАД, означавшее аэрокосмическую оборону Северной Америки. Дополнением к соглашению НОРАД явилось обязательство Канады за несколько лет наладить производство нового сверхзвукового истребителя Avco-Argow CF-105. Однако опасаясь, что цены на комплектующие для производства военного самолета вырастут, а расходы на данный проект превысят запланированный бюджет, Дж. Дифенбейкер 20 февраля 1959 г. принял решение его отменить. Как отмечал в этой связи историк Дж. Мортон, из-за решения премьер-министра в один день четырнадцать тысяч инженеров, ученых и высококвалифицированных работников остались без работы и средств к существованию [Morton 1983, p. 229]. В свою очередь, по мнению канадского историка Дж. Мюррей Бека, аннулицией данного проекта канадская сторона, по сути дела, перечеркнула свое сотрудничество с США в рамках НОРАД [Beck 1968, p. 265]. Таким образом, в канадской историографии критически рассматривается решение Дж. Дифенбейкера об отмене проекта по производству нового сверхзвукового истребителя Avco-Argow CF-105, и в целом оно характеризуется как нарушение союзнических обязательств по отношению к США.

В этой связи необходимо отметить, что принятое Дж. Дифенбейкером решение свидетельствовало о начавшемся первом этапе ухудшения канадско-американских отношений, который мы мо-

жем датировать с 1959 по 1961 г. В то же время завершающий свое президентство Д. Эйзенхауэр не стал предавать скандальной огласке решение Дж. Дифенбейкера и сделал вид, что он с пониманием относится к нему.

Однако второй этап канадско-американских отношений, имевший место с 1961 по 1963 г., символизировал еще большее ухудшение взаимоотношений двух североамериканских государств. Начало этого периода связано с первыми месяцами президентства Дж. Кеннеди, а его завершение – с проигрышем Дж. Дифенбейкером парламентских выборов 1963 г. В 2011 г., в связи с пятидесятилетием встречи Дж. Кеннеди и Дж. Дифенбейкера, канадская пресса возвратилась к канадско-американским отношениям этой эпохи и напомнила об аудиозаписях воспоминаний Жаклин Кеннеди, которая вместе с Джоном Кеннеди присутствовала на двухдневной встрече в мае 1961 г. в Канаде с Дж. Дифенбейкером и его супругой². В своих воспоминаниях Жаклин Кеннеди свидетельствовала о том неприятном осадке, который оставила у нее встреча с премьер-министром Канады. Супруга Джона Кеннеди прямо указала на то, что у нее остались болезненные воспоминания о встрече с Дж. Дифенбейкером, которого она сочла неприятным и старомодным человеком. В свою очередь, последний был крайне недоволен тем давлением, которое оказывал на него Дж. Кеннеди в целях усиления канадско-американского военного сотрудничества. Вместо возможного прочного военного союза и дружеских отношений между лидерами двух государств возникла взаимная неприязнь. Именно об этом свидетельствует канадский историк Дж. Мортон, который подчеркивает, что непонимание, возникшее между Дж. Кеннеди и Дж. Дифенбейкером, и определяло весь характер канадско-американских отношений в 1961–1963 гг. [Morton 1983, p. 230]. Анализируя канадскую прессу, посвященную 50-летию завершения нахождения Дж. Дифенбейкера у власти, можно обнаружить немало интересного материала, посвященного истокам непонимания между Дж. Кеннеди и Дж. Дифенбейкером. В частности в сентябре 2014 г. в журнале «Маклинз» канадским политологом Дж. Бойко был выделен ряд причин, определивших плохие личные отношения между Дж. Кеннеди и Дж. Дифенбейкером³. Среди прочих, автор

²Jackie Kennedy called Diefenbaker meeting 'painful' // CBC News. 2011. Sep. 14. URL: <https://www.cbc.ca/news/world/jackie-kennedy-called-diefenbaker-meeting-painful-1.1109903> (дата обращения 7 января 2023).

³Boyko J. 10 reasons why 'Dief the Chief' and JFK hated each other // Maclean's. 2014. Sep. 4. URL: <https://www.macleans.ca/society/10-reasons-why-dief-the-chief-and-jfk-hated-each-other/> (дата обращения 7 января 2023).

выделяет, во-первых, изначальное ментальное непонимание между Дж. Дифенбейкером, использовавшим популизм в своей предвыборной риторике, и Дж. Кеннеди, позиционировавшим себя президентом современного типа; во-вторых, задержку американским президентом письменного ответа на поздравления Дж. Дифенбейкера, связанные с победой Дж. Кеннеди на президентских выборах 1960 г. Не дождавшись ответа на свои поздравления, Дж. Дифенбейкер вынужден был сделать запрос послу Канады в США о получении Дж. Кеннеди направленного ему письма. Только после этого Дж. Кеннеди поблагодарил за поздравления Дж. Дифенбейкера, но тем не менее последний посчитал, что им и Канадой самым серьезным образом пренебрегли. В-третьих, премьер-министр Канады был неприятно удивлен, когда Дж. Кеннеди неоднократно искажил его имя при произношении. В частности дважды Дж. Кеннеди назвал премьер-министра Канады Дифенбоккером на немецкий манер. Возможно, в этом и не было злого умысла со стороны Дж. Кеннеди, однако это вызвало обиду у Дж. Дифенбейкера. В-четвертых, во время встречи в мае 1961 г. в Оттаве Дж. Кеннеди случайно оставил секретную записку для своих советников в кабинете канадского премьер-министра. В ней была проведена мысль о том, что на Дж. Дифенбейкера следует оказывать постоянное давление с целью усиления канадско-американского военного сотрудничества. Узнав о наличии такой записки, Дж. Дифенбейкер отреагировал самым отрицательным образом. Все это, безусловно, не создавало позитивного импульса для улучшения канадско-американских отношений, а, наоборот, формировало крайне негативный и эмоциональный фон для их дальнейшего развития.

С августа 1961 г. и до парламентских выборов 1963 г. канадско-американские отношения развивались исключительно по нисходящей линии, по сути дела, пережив самый настоящий упадок в период Карибского кризиса.

Третьего августа 1961 г. Дж. Дифенбейкер получил от Дж. Кеннеди письмо, в котором последний настаивал на усилении канадско-американского военного сотрудничества в рамках НОРАД, а также на возможном размещении ядерного оружия на территории Канады. Дж. Кеннеди надеялся, что Дж. Дифенбейкер разъяснит детально канадской общественности необходимость последнего [Gurney 2009, p. 55]. Премьер-министр Канады в ответном письме американскому президенту пообещал довести до сведения канадской общественности и основных политических партий страны его мнение о необходимости размещения ядерного оружия, однако до декабря 1961 г. это сделано не было. Тридцатого декабря 1961 г. посол США в Канаде докладывал в государственный департамент

США, что прогрессивные консерваторы во главе с Дж. Дифенбейкером не выполнили взятые на себя обязательства и не убедили канадскую общественность в необходимости размещения ядерного оружия в Канаде [Gurney 2009, p. 58]. Посол приходил к выводу о том, что данный вопрос, скорее всего, не разрешится до парламентских выборов, которые, по его мнению, будут в ближайшем будущем. В США возлагали большие надежды на победу на парламентских выборах основного конкурента Дж. Дифенбейкера – лидера Либеральной партии Л. Пирсона, который был согласен на размещение ядерного оружия в Канаде [Gurney 2009, p. 60].

Тринадцатого апреля 1962 г. Дж. Кеннеди в своем письме Дж. Дифенбейкеру с сожалением констатировал, что позиции США и Канады по данному вопросу различаются. Дж. Кеннеди призвал Дж. Дифенбейкера заключить двусторонний договор о размещении ядерного оружия в Канаде. Реакция Дж. Дифенбейкера на это обращение 29 апреля 1962 г. была крайне отрицательной, тем более что накануне он узнал о 45-минутной встрече в Белом доме президента США с Л. Пирсоном [Gurney 2009, p. 78]. Дж. Кеннеди посчитал, что Л. Пирсон будет более стоворчивым в плане размещения ядерного оружия в Канаде. Далее события наступившего Карибского кризиса способствовали самому настоящему упадку канадско-американских отношений.

В период Карибского кризиса Дж. Дифенбейкер получает специальное письмо от Дж. Кеннеди, в котором последний рассказывает об обнаружении советских ракет и призывает канадского премьер-министра к совместной координации действий [Robinson 1989]. В частности Дж. Кеннеди ожидал от Дж. Дифенбейкера публичной поддержки его действий по военно-морской блокаде Кубы, а также выступления с осуждением действий СССР в канадском парламенте. Значительная часть канадской политической оппозиции поддерживала взгляды Дж. Кеннеди, и в том числе будущий премьер-министр от Либеральной партии Л. Пирсон, который позвонил Дж. Дифенбейкеру и попросил его сделать публичное заявление относительно событий Карибского кризиса. В ответ Дж. Дифенбейкер сделал замечание о том, что сведения о наличии советских ракет на Кубе, полученные от президента США, необходимо прежде всего проверить. Более того, в своем телефонном разговоре 23 октября 1962 г. Дж. Дифенбейкер упрекнул Дж. Кеннеди в том, что он предпринимает действия по разрешению Карибского кризиса, не посоветовавшись предварительно с ним [Gurney 2009, p. 89]. Эти действия американской стороны и, в частности, самого Дж. Кеннеди премьер-министр Канады рассматривал как личное оскорбление по отношению к себе.

В свою очередь, политический истеблишмент США во главе с Дж. Кеннеди был глубоко разочарован в сотрудничестве с Дж. Дифенбейкером в период Карибского кризиса. Премьер-министр Канады, будучи единственным союзником по системе НОРАД, не оказал США в тяжелой геополитической обстановке желаемой масштабной поддержки. Резкое ухудшение канадско-американского военного сотрудничества в период Карибского кризиса, проявление союзнических обязательств по НОРАД только на бумаге, а не на деле, – все это привело к оттоку электоральной поддержки консерваторов во главе с Дж. Дифенбейкером на парламентских выборах 1962 и 1963 гг. В совокупности с экономическим спадом в стране в 1962 г. это поставило вопрос о дальнейших перспективах пребывания консерваторов у власти. Значительная часть канадского общества не поддерживала осложнение отношений с США в период премьерства Дж. Дифенбейкера.

Первым негативным сигналом, прозвучавшим для консерваторов, явились результаты парламентских выборов июня 1962 г., когда Прогрессивно-консервативная партия со своим лидером потеряла парламентское большинство и получила только 116 мест в палате общин в сравнении с 205 местами, которыми она владела по итогам парламентских выборов 1958 г. В свою очередь, 99 мест в палате общин, полученные Либеральной партией во главе с Л. Пирсоном, наводили на мысль о том, что правительство консерваторов долго у власти не удержится. И именно этот тяжелый прогноз был реализован по итогам досрочных парламентских выборов апреля 1963 г., когда консерваторы во главе с Дж. Дифенбейкером потерпели тяжелое поражение, получив только 95 мест в палате общин. Они уступили Либеральной партии во главе с Л. Пирсоном, которая приобрела 128 мест в палате общин [Saywell 1964, p. 26].

Период с июня 1962 по апрель 1963 г. характеризовался очередным ухудшением канадско-американского военного сотрудничества и, как следствие, грандиозным непрекращающимся скандалом. Взамен отмененного в 1959 г. проекта по производству нового сверхзвукового истребителя Avco-Argow CF-105 администрация Дж. Кеннеди попросила правительство Дж. Дифенбейкера разместить на канадской территории сверхзвуковые воздушно-реактивные ракеты большой дальности класса «земля – воздух» «Бомарк», которые могли использоваться с атомными боеголовками. Предварительно согласившись, правительство Дж. Дифенбейкера тем не менее отказалось от размещения ядерных боеголовок на территории Канады. Это вызвало как раскол в собственной партии, так и дало козыри либералам во главе с Л. Пирсоном, которые выступили за их ввоз в страну. При подготовке к парламентским выборам 1963 г.

Дж. Дифенбейкер решил, несмотря на раскол в собственной партии, придерживаться прежней линии антиамериканизма. Несмотря на то что несколько министров его кабинета предупредили его, что они также уйдут в отставку, Дж. Дифенбейкер сделал ряд заявлений антиамериканского характера. В частности он заявил о том, что Канада не марионетка, которую можно заставить разместить ядерное оружие и, помимо этого, Канада участвовала в двух мировых войнах значительно дольше, чем другая нация [Beck 1968, p. 264]. Тем самым Дж. Дифенбейкер намекал на то, что США присоединились к странам Антанты только в 1917 г., а к государствам антигитлеровской коалиции лишь в 1941 г. В канадской историографии эти выступления Дж. Дифенбейкера получили осуждение, поскольку значительная часть канадского общества выступала за улучшение отношений с США [Beck 1968, p. 264]. В результате Дж. Дифенбейкер проиграл парламентские выборы 1963 г., что ознаменовалось победой Либеральной партии во главе с Л. Пирсоном.

Заключение

К каким же выводам можно прийти по результатам написанной статьи? Что повлияло на характер канадско-американских отношений в 1957–1963 гг.?

Во-первых, личная неприязнь и взаимное непонимание между президентом США Дж. Кеннеди и премьер-министром Канады Дж. Дифенбейкером определяли весь характер канадско-американских отношений в 1961–1963 гг. Ряд негативных факторов личного характера способствовал тому, что канадско-американское военное сотрудничество в полной мере не было реализовано в столь сложный для двух государств период. Это дало основание президенту США Дж. Кеннеди обвинить канадскую сторону в невыполнении союзнических обязательств в рамках НОРАД в период Карибского кризиса и сразу после него. В свою очередь, обиды Дж. Дифенбейкера, направленные в сторону Дж. Кеннеди, позволили канадскому премьер-министру отказать США в комплексной поддержке в разгар Карибского кризиса. Дж. Дифенбейкер не только не нашел возможности для выступления с общенациональной речью в поддержку США, а, наоборот, высказал свое сомнение по поводу нахождения советских ракет на Кубе. Потребовав проведения дополнительной проверки этого факта, он отказал, по сути дела, в союзнической поддержке США.

Во-вторых, необходимо отметить, что такие факторы, как двукратное искажение Дж. Кеннеди фамилии премьер-министра Канады

ды, найденная записка президента США о давлении на Дж. Дифенбейкера с целью убедить последнего в необходимости размещения ядерного оружия в Канаде, задержка американским президентом письменного ответа на поздравления Дж. Дифенбейкера, связанные с победой Дж. Кеннеди на президентских выборах 1960 г., формировали крайне негативный фон для общения двух политиков. Немаловажную роль в этой связи сыграла и встреча Дж. Дифенбейкера и Дж. Кеннеди в мае 1961 г. в Оттаве, о которой Жаклин Кеннеди свидетельствовала исключительно в негативных тонах.

В-третьих, на основании существующей переписки Дж. Дифенбейкера и Дж. Кеннеди можно свидетельствовать о том, что канадско-американские отношения в 1961–1963 гг. развивались исключительно по наклонной плоскости с резким ухудшением в период Карибского кризиса.

В-четвертых, следует отметить, что антиамериканизм Дж. Дифенбейкера в 1961–1963 гг. не имел под собой четкой идеологической основы. Он был скорее следствием ряда факторов, и прежде всего популизма премьер-министра Канады, а также плохих личных отношений с президентом США Дж. Кеннеди. Кроме того, Дж. Дифенбейкер был вынужден считаться с мнением министров своего правительства, например Говарда Грина, который выступал против размещения ядерного оружия на территории Канады. Немаловажную роль в этой связи играло стремление Дж. Дифенбейкера продемонстрировать самостоятельную внешнюю политику Канады, отличную от американской. Именно в этом контексте следует понимать идею Дж. Дифенбейкера об усилении торгово-экономического сотрудничества с Великобританией и Содружеством наций в целом.

В-пятых, в период 1957–1960 гг. антиамериканизм отсутствовал во внешнеполитических взглядах Дж. Дифенбейкера. Напротив, последний выступил сторонником тесного военного сотрудничества с США, что было реализовано в 1958 г. в заключении соглашения НОРАД между двумя государствами. Между Д. Эйзенхауэром и Дж. Дифенбейкером присутствовал консенсус. Президент США надеялся на углубление дальнейшего военного сотрудничества в рамках НОРАД и поэтому не подверг серьезной критике отмену премьер-министром Канады в 1959 г. проекта по производству нового сверхзвукового истребителя Avro-Argrow CF-105. Дж. Дифенбейкер, в свою очередь, до конца президентства Д. Эйзенхауэра сохранял с последним самые хорошие отношения.

В-шестых, необходимо отметить, что канадско-американские отношения в 1957–1963 гг. прошли серьезную эволюцию – от взаимного понимания по ряду вопросов с Д. Эйзенхауэром до полного

отсутствия консенсуса с Дж. Кеннеди. Кто виноват в ухудшении канадско-американских отношений в 1961–1963 гг.? Безусловно, оба политика. Я далек в этом отношении от идеализации Дж. Кеннеди и демонизации Дж. Дифенбейкера. Президент США не сумел найти необходимый подход к Дж. Дифенбейкеру, пытаясь оказать постоянное давление на последнего в целях размещения ядерного оружия в Канаде. Дж. Дифенбейкер, в свою очередь, не смог контролировать свои негативные эмоции по отношению к Дж. Кеннеди. Они возобладали у него над здравым смыслом. В критический для обоих государств момент Карибского кризиса Дж. Дифенбейкер, по сути дела, не сделал ничего, чтобы выполнить свои союзнические обязательства по отношению к США.

Литература

- Молочков 2000 – *Молочков С.Ф.* Внешняя политика Канады: факторы, особенности, проблемы // США и Канада: Экономика, политика, культура. 2000. № 10. С. 59–75.
- Сороко-Цюпа 1985 – *Сороко-Цюпа О.С.* История Канады. М.: Высшая школа, 1985. 304 с
- Beck 1968 – *Beck Murray J.* Pendulum of power. Canada's federal elections. Ontario: Prentice Hall of Canada, 1968. 442 p.
- Gurney 2009 – *Gurney M.* Leaders in conflict. Diefenbaker, Kennedy, and Canada's response to the Cuban Missile crisis. Theses and dissertations (comprehensive). Ontario: Wilfrid Laurier University, 2009. 118 p.
- LeDuc 2010 – *LeDuc L., Pammet J.H., McKenzie J., Turcotte A.* Dynasties and interludes. Past and present in Canadian electoral politics. Toronto: Dundurn Press, 2010. 584 p.
- Morton 1983 – *Morton D.* A short history of Canada. Edmonton: Hurtig Publishers Ltd, 1983. 295 p.
- Robinson 1989 – *Robinson B.* Diefenbaker's world. A populist in *foreign affairs*. Toronto: University of Toronto Press, 1989. 351 p.
- Saywell, 1964 – *Saywell J.* Canadian annual review for 1963. Toronto: University of Toronto Press, 1964.

References

- Beck Murray, J. (1968), *Pendulum of power. Canada's federal elections*, Prentice Hall of Canada, Ontario, Canada.
- Gurney, M. (2009), *Leaders in conflict. Diefenbaker, Kennedy, and Canada's response to the Cuban Missile crisis. Theses and dissertations (comprehensive)*, Wilfrid Laurier University, Ontario, Canada.

- LeDuc, L., Pammet, J.H., McKenzie, J. and Turcotte, A. (2010), *Dynasties and interludes. Past and present in Canadian electoral politics*, Dundurn Press, Toronto, Canada.
- Molochkov, S.F. (2000), "Canada's foreign policy. Factors, features, problems", *SSHА i Kanada: Ekonomika, politika, kultura*, no. 10, pp. 59–75.
- Morton, D. (1983), *A short history of Canada*, Hurtig Publishers, Edmonton, Canada.
- Robinson, B. (1989), *Diefenbaker's world. A populist in foreign affairs*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Saywell, J. (1964), *Canadian annual review for 1963*, University of Toronto Press, Toronto, Canada.
- Soroko-Tsyupa, O.S. (1985), *Istoriya Kanady* [History of Canada], Visshaya shkola, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Андрей Н. Комаров, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; ruslan10@inbox.ru

Information about the author

Andrei N. Komarov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; ruslan10@inbox.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 327.54

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-83-104

Карибский кризис и Западная Германия: прелюдия к «новой восточной политике» и «движению 1968 года»

Михаил В. Тюркин

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия,
mtyurkin@hse.ru*

Аннотация. Статья посвящена влиянию Карибского кризиса на внутреннюю и внешнюю политику, а также на трансформацию политической культуры ФРГ в 1960-е гг. Она основана на широком круге источников, включая материалы в немецкой прессе, а также акты разведки BND и стенограммы переговоров между канцлером К. Аденауэром и представителями США во время острой фазы конфликта вокруг Кубы (опубликованы в 2012 г.). Автор рассматривает взаимосвязь между Карибским кризисом и «делом журнала Der Spiegel» внутри ФРГ и приходит к выводу, что эти события, развиваясь параллельно, стали важным фактором поляризации политических элит в Западной Германии. В то время как «партия холодной войны» вокруг К. Аденауэра стремилась к эскалации напряженности и предотвращению сближения между Москвой и Вашингтоном, «партия разрядки» ратовала за новое позиционирование ФРГ на мировой арене как посредника между Востоком и Западом. Таким образом, Карибский кризис стал поворотным моментом в выработке «новой восточной политики», которую Бонн реализовал в 1970-е гг. при канцлере В. Брандте. Кроме того, автор приходит к заключению, что «кубинский шок» следует рассматривать как пролог к «движению 1968 года», которое привело к «новому основанию ФРГ» на началах леволиберальной идеологии и критического отношения к нацистскому прошлому.

Ключевые слова: Карибский кризис, дело журнала Der Spiegel, Германия, Аденауэр, Брандт, международные отношения, политическая культура, движение 1968 года

Для цитирования: Тюркин М.В. Карибский кризис и Западная Германия: прелюдия к «новой восточной политике» и «движению 1968 года» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 83–104. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-83-104

© Тюркин М.В., 2023

The Cuban Missile crisis and West Germany.
A prelude to the “New Ostpolitik”
and the “1968 Movement”

Mikhail V. Tyurkin,

HSE University, Saint Petersburg, Russia, mtyurkin@hse.ru

Abstract. This article analyzes the impact of the Cuban missile crisis on the domestic and foreign policy, as well as on the transformation of the German political culture in the 1960's. The research is based on a wide range of sources, including the German press publications, as well as the BND intelligence reports and transcripts of the negotiations between Chancellor K. Adenauer and the U.S. representatives during the acute phase of the conflict over Cuba (the reports and transcripts were published in 2012). The author examines the correlation between the Cuban missile crisis and the Spiegel affair in Germany and comes to the conclusion that both conflicts, developing in parallel, became a major factor in the political elites' polarization in West Germany. Whereas the “Cold War party” around K. Adenauer sought to escalate tensions and prevent rapprochement between Moscow and Washington, the “detente party” advocated a new positioning of Germany on the world stage as an intermediary between East and West. Therefore, the Cuban missile crisis became the turning point in the development of a “new Eastern policy”, which Bonn implemented in the 1970's under Chancellor W. Brandt. Furthermore, the author draws the conclusion that the “Cuban shock” should be considered as a prologue to the “1968 movement”, which resulted in the “new foundation of the Federal Republic” on the principles of left-liberal ideology and critical attitude to the Nazi past.

Keywords: Cuban missile crisis, Spiegel affair, Germany, Adenauer, Brandt, international relations, political culture, 1968 movement

For citation: Tyurkin, M.V. (2023), “The Cuban Missile crisis and West Germany. A prelude to the ‘New Ostpolitik’ and the ‘1968 Movement’”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 83–104, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-83-104

Введение

Настоящая статья представляет собой попытку осмысления Карибского кризиса как важной вехи в политической и социальной истории ФРГ в 1950–1960-е гг. Эта тема до сих пор остается на периферии интересов как российских, так и зарубежных исследователей. И это несмотря на обширную литературу, посвященную

событиями осени 1962 г. как апогея холодной войны, когда человечество балансировало на грани «ядерной пропасти».

Из-под пера отечественных авторов вышло немало фундаментальных трудов, в которых анализируются причины, ход, последствия и значение Карибского кризиса для международной политики в целом и для отношений в треугольнике СССР – США – Куба в частности. Среди них стоит выделить монографию С.А. Микояна «Анатомия Карибского кризиса» [Микоян 2006], до сих пор не превзойденную с точки зрения разнообразия затронутых в ней проблем, или книгу Д.Т. Язова «Карибский кризис: 50 лет спустя» [Язов 2015], отличающуюся глубиной проработки темы и взвешенными оценками.

Отдельного упоминания заслуживают и исследования, посвященные конкретным аспектам конфликта вокруг Острова свободы. Например, книга Ф.И. Ладыгина и В.И. Лоты «ГРУ и Карибский кризис. Секретная хроника опасной конфронтации [Ладыгин, Лота 2012]» уделяет внимание такому важному сюжету, как тайное соперничество и контакты между разведками сверхдержав. Или в качестве другого примера приведем исследование Д.Е. Горовцева «Эволюция советско-американских отношений и Карибский кризис 1962 года» [Горовцев 1996].

На этом фоне наблюдается некоторый дефицит работ, посвященных участию в событиях вокруг Острова свободы тех стран, которые не относятся к треугольнику СССР – США – Куба. Одно из редких исключений – монография Н.Л. Корсаковой «Французская дипломатия и Кубинский кризис» [Корсакова 2006]. Автор приходит к интересному выводу: именно события октября 1962 г. в значительной мере повлияли на эволюцию взглядов Ш. де Голля, который довольно быстро превратился из «солдата холодной войны» в сторонника разрядки и налаживания контактов с СССР. Действительно, в период с 1962 по 1969 г. Париж совершил радикальный поворот в своей внешней политике. Достаточно вспомнить триумфальный визит де Голля в Советский Союз и выход Франции из военной структуры НАТО.

Но если связь между Карибским кризисом и французской внешней политикой 1960-х гг. подвергалась научному анализу, то работы о влиянии этого сюжета на ФРГ на данный момент практически полностью отсутствуют. Причем касается это не только российской, но и зарубежной историографии, в том числе немецкой. Среди исследователей господствует точка зрения, согласной которой действия Боннской республики во главе с канцлером К. Аденауэром диктовались логикой холодной войны и сводились к встраиванию в фарватер международной стратегии Дж. Кеннеди,

а значит, не нуждаются в специальном изучении. В частности, такое мнение встречается в книге историка Р. Штайнингера «Кубинский кризис 1962 г.: тринадцать дней над атомной пропастью» [Steininger 2011], одной из лучших монографий на немецком языке о событиях вокруг Острова свободы.

Другой популярный подход сводится к детальному изучению взаимосвязи между Карибским и Берлинским кризисами на фоне холодной войны. В этом контексте необходимо упомянуть фундаментальный труд отечественного историка А.М. Филитова «Германский вопрос: от раскола к объединению» [Филитов 1993] и работу немецкого исследователя К. Мюнгера «Кеннеди, Берлинская стена и Кубинский кризис. Западный альянс в период испытаний 1961–1963 гг.» [Münger 2003]. В последней монографии уделяется много внимания «берлинской проблеме», а о влиянии карибского сюжета на внутреннюю и внешнюю политику Бонна написано недостаточно подробно.

Стоит признать, что при изучении взаимосвязи между Карибским и Берлинским кризисами первый неизбежно оказывается в тени второго. С одной стороны, это понятно – возведение стены повлекло за собой зримые последствия для обеих Германий. Оно показало, что разделение двух немецких государств в ближайшие десятилетия едва ли удастся преодолеть, а «политика силы» К. Аденауэра, направленная на восстановление немецкого единства через эскалацию холодной войны, потерпела фиаско. Это, в свою очередь, усилило позиции сторонников разрядки. Однако при рассмотрении Карибского кризиса как производной от Берлинского неизбежно упускается из вида самостоятельное значение этого сюжета для ФРГ, а оно с нашей точки зрения весьма значительно.

В настоящей статье мы попытаемся доказать, что Боннская республика вовсе не была пассивным наблюдателем событий вокруг Острова свободы – она принимала в них деятельное участие, играя на противоречиях в американском истеблишменте и пытаясь воспользоваться ими в своих интересах. Такая активность отчасти объясняется уже тем обстоятельством, что во время конфронтации вокруг Кубы именно Западный Берлин мог подвергнуться сокрушительному удару со стороны СССР.

Другой наш тезис состоит в том, что события вокруг Кубы – наряду с Берлинским кризисом – работали на усиление поляризации внутри западногерманской политической элиты. Прежде всего они способствовали обострению борьбы между «партией холодной войны» и «партией разрядки». Причем усиление этого конфликта в публичной сфере имело серьезные последствия для ФРГ. Так, Карибский кризис ускорил закат эры К. Аденауэра и способствовал

пересмотру Бонном подходов к восточной политике – тенденция, которая в полной мере реализовалась в 1970-е гг. во время правления В. Брандта.

Наконец, мы покажем, что события осени 1962 г. стали важным фактором в формировании «послевоенного консенсуса» в западногерманском обществе, осознавшем необходимость дистанцирования от двух сверхдержав, ценность демократизации и преодоления нацистского прошлого. То есть без обращения к этому сюжету невозможно до конца понять корни современной политической культуры ФРГ.

По-новому взглянуть на роль Карибского кризиса в послевоенной истории Западной Германии нам помог анализ широкого круга источников, опубликованных сравнительно недавно – в 2012 г.

Во-первых, это стенограммы переговоров между канцлером К. Аденауэром и представителями США во время острой фазы конфликта вокруг Кубы, обнародованные Центром Вильсона¹. Они показывают, что во время диалогов с президентом Дж. Кеннеди, его спецпосланником Д. Ачесоном, американским послом в Бонне У. Дулингом лидер ФРГ не просто демонстрировал лояльность своему старшему союзнику, а пытался убедить его в необходимости более жестких действий в отношении Гаваны и Москвы.

Другая группа источников – это акты немецкой разведки BND за 1960–1962 гг., опубликованные тоже в 2012 г.² Их анализ позволяет сделать вывод, что западногерманская спецслужба выступала в роли силы, заинтересованной в победе сторонников жесткой линии в Вашингтоне и дальнейшей эскалации холодной войны. В своих докладах, отчетах и аналитических записках сотрудники немецкой разведки критиковали администрацию Дж. Кеннеди за нерешительность, рекомендовали силовое решение «кубинского вопроса» и фактически упрекали США в поражении по итогам Карибского кризиса.

Кроме того, для понимания общественных настроений и позиции различных групп внутри западногерманской элиты важен анализ журналистских материалов как в проправительственной

¹Cold War International History Project Bulletin. 2012. Iss. 17/18. P. 622–638. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/CWHIP_Bulletin_17-18_Cuban_Missile_Crisis_v2_COMPLETE.pdf (дата обращения 30 января 2023).

²Der Bundesnachrichtendienst und die Kuba-Krise / Hrsg vom Bundesnachrichtendienst; Verantwortlicher Hrsg. B. Hechelhammer. Berlin, 2012. URL: <https://multimedia.gsb.bund.de/BND/Importer-Downloads/mfg3bnd.pdf> (дата обращения 30 января 2023).

консервативной прессе (газетах концерна Акселя Шпрингера), так и в оппозиционных леволиберальных медиа (прежде всего в издании *Der Spiegel*). Он позволяет выявить, как те или иные политические круги пытались отстаивать свою позицию в медийном пространстве.

Но чтобы в полной мере оценить масштаб перемен, произошедших в ФРГ под влиянием Карибского кризиса, необходимо сначала обрисовать вкратце международный контекст, в котором Федеративная Республика развивалась в эпоху К. Аденауэра, а затем перейти к анализу источников.

Двойная игра Боннской республики

К осени 1962 г. Западная Германия подошла с неоднозначным балансом побед и поражений во внешней политике.

Так, на *западном направлении* стратегия К. Аденауэра принесла Федеративной республике серьезные успехи. Воспользовавшись холодной войной, Бонн стал ключевым союзником США в борьбе с «коммунистической угрозой», восстановил часть суверенитета и вступил в ключевые западные альянсы – НАТО и Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) [Schwarz 1981]. Не без помощи американцев Германия из лежащей в руинах страны превратилась в экономический локомотив Европы и привлекательную витрину Запада, обращенную на Восток [Görtemaker 1999, SS. 271–328]. При этом сближение К. Аденауэра с Ш. де Голлем привело к появлению франко-германского тандема, что позволило Старому Свету начать строительство «общеευропейского дома» с немцами в роли хозяев.

Однако на *восточном направлении* ФРГ своих целей не достигла. Бонн не смог объединить Германию под своей эгидой, обеспечить дипломатическую изоляцию ГДР и пересмотреть границы по Одеру и Нейсе. Зримым символом провала стратегии Аденауэра стало строительство Берлинской стены в 1961 г., что показало тщетность надежд на скорое воссоединение двух немецких государств [Görtemaker 1999, SS. 360–364].

Главная причина неудачи – тренд на разрядку международной напряженности, который обозначился во второй половине 1950-х гг. и усилился с приходом к власти в США Дж. Кеннеди. Причем эти процессы начались и внутри самой ФРГ – во многом под влиянием Берлинского кризиса, показавшего невозможность объединения Германии на фоне острого межблокового противоборства. Таким образом, к 1962 г. в западногерманской элите сформировались две группы, представители которых по-разному видели дальнейшую стратегию своей страны на мировой арене.

1. Условная «*партия холодной войны*» рассчитывала с опорой на американских «ястребов» остановить разрядку. Она опасалась, что при улучшении отношений между блоками ФРГ лишится статуса прифронтового государства и перестанет получать серьезные преференции от США. В эту группу входили канцлер К. Аденауэр, министр обороны Ф.-Й. Штраус, значительная часть правящего блока ХДС/ХСС, а также видные представители промышленных, медийных и силовых элит (разведка BND).

2. Условная «*партия разрядки*» надеялась с опорой на американских «голубей» адаптировать ФРГ к новому международному тренду на сглаживание противоречий между блоками и за счет посредничества между Западом и Востоком получить козыри в торге с США и усилить позиции Бонна в Восточной Европе. Представителей этой группы было немало среди социал-демократов (В. Брандт и Э. Бар) и в Свободной демократической партии (СвДП), а ее медийным рупором стала леволиберальная пресса – особенно журнал *Der Spiegel* во главе с его издателем Р. Аугштайном [Brinkbäumer 2017].

Разразившийся осенью 1962 г. Карибский кризис «партия холодной войны» восприняла как шанс вернуть «золотые дни» противостояния между Западом и Востоком. Для этого руководство ФРГ повело двойную игру, публично демонстрируя лояльность курсу Дж. Кеннеди, но кулуарно подыгрывая сторонникам жесткой линии в Вашингтоне.

Действительно, если верить официальным заявлениям ведущих западногерманских политиков и публикациям в проправительственной прессе, то Бонн вел себя в соответствии с блоковой дисциплиной и безоговорочно поддерживал президента США [Lier 2009]. Так, 26 октября 1962 г. – за день до «черной субботы» – канцлер ФРГ К. Аденауэр выступил с радиобращением, заверив Вашингтон в своей верности союзническому долгу:

Американцы действовали быстро и эффективно – их президент имел полное право потребовать, чтобы строительство ракетных баз было остановлено, а уже доставленные на Кубу ракеты вывезены обратно. <...> В эти дни, когда всему свободному миру грозит опасность, немецкий народ будет стоять плечом к плечу со своим союзником [Münger 2003, s. 73].

В таком же проамериканском духе были выдержаны и публикации в наиболее тиражных газетах страны – бульварном таблоиде *Bild* и качественном издании *Die Welt*, которые принадлежат проправительственному концерну А. Шпрингера. Например, 29 октября, уже

после завершения острой фазы Карибского кризиса, Bild открылась заголовком «Победа. Москва демонтирует ракеты»³. По мнению автора статьи, итогом противостояния двух сверхдержав вокруг Кубы стал вовсе не компромисс между США и СССР, а безоговорочный триумф Вашингтона и его союзников, включая Бонн⁴.

Впрочем, анализ недавно опубликованных документов показывает, что за ширмой проамериканской риторики верхушка ФРГ вокруг К. Аденауэра умело скрывала свои подлинные интересы. Она исподволь подталкивала Вашингтон к силовому решению кубинской проблемы и тем самым работала на эскалацию холодной войны с СССР.

В качестве примера приведем выдержки из меморандума беседы между лидером ФРГ и спецпосланником президента США Д. Ачесоном⁵, которая состоялась 23 октября 1962 г. Ачесон прибыл в Бонн через день после того, как Дж. Кеннеди объявил Кубе морскую блокаду, пойдя наперекор мнению сторонников жесткой линии и посылая Москве сигнал о готовности к дипломатическому урегулированию. Цель визита американского политика состояла в том, чтобы проинформировать Аденауэра о решении президента США, а также изучить настроения в политическом классе ФРГ.

«Канцлер спросил, обсуждалась ли возможность провоцирования внутренних беспорядков на Кубе с целью свержения кубинского режима», – говорится в меморандуме⁶. Ближе к концу беседы лидер ФРГ поделился своим мнением по поводу возможного решения международного кризиса:

Канцлер выразил сомнение в том, что Хрущев упакует ракеты и самолеты и заберет их назад. Нынешняя угроза невыносима для Соединенных Штатов. К сожалению, действия русских будут иметь негативный эффект в других частях света. Он также не ждет положительного результата от действий Организации Объединенных Наций, поскольку Хрущева не впечатляют резолюции ООН. Поэтому он <Аденауэр> связывает свои надежды с максимально жесткой блокадой и внутренними беспорядками <на Кубе>⁷.

³Bild. 1962. Nr. 253. 29. Oktober. S. 1.

⁴Ibid. S. 1–2.

⁵Cold War International History Project Bulletin. 2012. Iss. 17/18. P. 624–625. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/CWHIP_Bulletin_17-18_Cuban_Missile_Crisis_v2_COMPLETE.pdf (дата обращения 30 января 2023).

⁶Ibid. P. 624.

⁷Ibid.

В конце же переговоров с Д. Ачесоном лидер ФРГ и вовсе выразил надежду на то, что «дело не дойдет до войны на бумаге»⁸. Тем самым он завуалированно раскритиковал президента США за нерешительность и намекнул на желательность более радикальных решений, направленных на смену кубинского режима.

Другой интересный документ – меморандум переговоров между канцлером ФРГ К. Аденауэром и американским послом в Бонне У. Доулингом⁹. Встреча состоялась 28 октября, когда Дж. Кеннеди еще колебался между дипломатическим и силовым решением кубинской проблемы. Приведем весьма красноречивый отрывок:

Он <Доулинг> спросил канцлера, выступает ли тот за бомбардировки ракетных баз на Кубе, за вторжение или против любого вида военных действий. Канцлер снова повторил, что он за уничтожение советских ракетных баз. Поэтому он согласен на оба вида военного вмешательства – как на бомбардировки, так и на вторжение¹⁰.

Наконец, на истинные намерения верхушки ФРГ проливает свет доклад президента западногерманской разведки BND Р. Гелена, который он направил 29 октября 1962 г. руководителю канцелярии Аденауэра Г. Глобке. В нем глава спецслужбы подвел итог острой фазе Карибского кризиса и фактически раскритиковал своего старшего союзника.

1. Американцы упустили момент, когда они могли вмешаться, склонив на свою сторону мировую общественность, и все из-за нерешительности американского руководства.

2. Из-за незнания советско-русского менталитета и образа действий у американского президента сложилось впечатление, что последнее предложение Хрущева – это настоящая уступка.

3. Американцы, видимо, не осознают, что для Советов сохранение Кубы как коммунистического плацдарма для проникновения в западное полушарие более важно, чем сохранение Кубы как ракетной базы¹¹.

Отсюда Гелен, который еще в 1960–1961 гг. настоятельно рекомендовал американскому руководству нанести превентивный удар

⁸ Ibid. P. 625.

⁹ Ibid. P. 633–634.

¹⁰ Ibid. P. 634.

¹¹ Der Bundesnachrichtendienst und die Kuba-Krise // Hrsg vom Bundesnachrichtendienst; Verantwortlicher Hrsg. B. Hechelhammer. Berlin, 2012. S. 20. URL: <https://multimedia.gsb.bund.de/BND/Importer-Downloads/mfg3bnd.pdf> (дата обращения 30 января 2023).

по Острову свободы [Gehlen 1980, S. 135], делает вывод: «Внешне американцы выиграли первый раунд сражения за Кубу, но на самом деле они его проиграли»¹². И такая позиция главы BND вполне объяснима, учитывая историю появления западногерманской разведки. Еще в 1945 г. генерал-лейтенант вермахта Р. Гелен, опасаясь возможного преследования со стороны союзников, добровольно передал американским спецслужбам агентурную сеть абвера в СССР и Восточной Европе. Именно тогда, на старте холодной войны, стал складываться альянс между ястребами в американской элите и бывшими нацистами, которые предоставили США свои наработки в борьбе с «большевистской угрозой» [Breitman 2010; Nöhne, Zolling 1972]. Поэтому неудивительно, что сотрудники BND в 1962 г. были заинтересованы в продолжении советско-американского противостояния.

Карибский кризис и «дело журнала Der Spiegel»: взаимосвязь

Впрочем, столкновение двух сверхдержав вокруг Острова свободы привело и к активизации «партии разрядки» внутри ФРГ, чье соперничество с «партией холодной войны» стало все чаще выходить в публичную сферу. В этой связи стоит обратить особое внимание на материалы в леволиберальном журнале Der Spiegel, чей издатель Р. Аугштайн к началу 1960-х гг. вошел в число наиболее влиятельных фигур в истеблишменте ФРГ.

В ходе Карибского кризиса еженедельник отстаивал тезисы, которые заметно контрастировали с западными нарративами времен холодной войны. Прежде всего их можно встретить в статье «Мировая политика в ковбойском стиле», которую под псевдонимом Йенс Даниэль опубликовал сам Аугштайн в номере, вышедшем 31 октября по итогам острой фазы советско-американского противостояния¹³. Выделим наиболее важные тезисы:

– *Москва и Вашингтон должны руководствоваться императивом недопущения ядерной войны и учитывать интересы друг друга.* «Конечно, нельзя ожидать от США, что они будут безучастно наблюдать, как Куба становится ракетным плацдармом СССР – как нельзя ожидать от Москвы, что она будет спокойно ждать, как Федеративная Республика с ее значительными территориальными

¹² Ibid.

¹³ Der Spiegel. 1962. Nr. 44. 31. Oktober. S. 20.

претензиями становится атомной державой. Но и мир имеет полное право надеяться, что он в результате эффекта неожиданности не будет взорван»¹⁴, – аргументирует Аугштайн;

– *США пошли на односторонние действия в ущерб интересам Европы.* «Ошеломленным союзникам Америки ничего другого не оставалось, кроме как проявить лояльность к играм Кеннеди с блокадой, хотя с британцами, французами и другими членами НАТО или с латиноамериканскими республиками никто не посоветовался, что вообще-то отвечало бы духу договоров о союзничестве»¹⁵, – пишет анонимный автор *Der Spiegel* в статье «Научились бояться».

– *Вашингтон проводит политику двойных стандартов в отношениях с СССР.* «Разговоры о “злых” наступательных ракетах Советов и “добрых” оборонительных ракетах НАТО в Турции и Италии есть не что иное, как смесь моралистского экстремизма и пропагандистского фарисейства, – отмечает издатель *Der Spiegel* в упоминавшейся выше статье «Мировая политика в ковбойском стиле». <...> Если кольцо ракет средней дальности появляется вдоль границ Советского Союза, почему тогда не может появиться ракетная база вблизи Соединенных Штатов?»¹⁶;

– *Стратегия СССР во время Карибского кризиса отличается большей ответственностью, чем поведение США.* «Хрущев, несмотря на всю свою пропагандистскую шумиху, до сих пор неизменно придерживался этого принципа, обязательного для мировой ядерной державы, в Венгрии, в Суэце, в Берлине и даже теперь на Кубе. Он избежал “разборок”, решающей конфронтации, которая, по мнению американцев, явно была целью нынешних действий Кеннеди»¹⁷, – утверждает Аугштайн.

Таким образом, издатель *Der Spiegel* в ходе острой фазы Карибского кризиса решительно выступил на стороне «партии разрядки». Ведь критика Аугштайна была направлена не только против США, но и опосредованно против верхушки ФРГ во главе с Аденауэром. И его аргументы звучали весьма убедительно с точки зрения немецкой общественности, поскольку в момент выхода статьи он находился в тюрьме как главный фигурант «дела журнала *Der Spiegel*», которое развивалось параллельно с Карибским кризисом отнюдь не случайно.

Напомним вкратце основные вехи крупнейшего медиаскандала в истории ФРГ [Doerry 2013; Schoenbaum 2002; Schöps 1983].

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. S. 94–96.

¹⁶ Ibid. S. 20.

¹⁷ Ibid.

Поводом к нему послужила статья военного обозревателя К. Алерса «Условно готовы к обороне»¹⁸, вышедшая 10 октября 1962 г., накануне острой фазы противостояния вокруг Острова свободы. Повествуя о сентябрьских учениях НАТО Fallex 62, журналист поделился неутешительной информацией: немецкая армия заняла лишь второе место с конца во время маневров. Это означало, что в случае начала полномасштабной войны ФРГ проиграла бы за считанные часы войскам Организации Варшавского договора. Ответственность же за провал расследователь Der Spiegel возложил на министра обороны Ф.-Й. Штрауса, который, восстановив в 1950-е гг. немецкую армию, энергично выступал за предоставление бундесверу ядерного оружия.

26 октября – в самый разгар Карибского кризиса, когда журналисты сдавали в печать посвященный ему номер – полиция провела обыски и фактически оккупировала офисы издания. После этого Р. Аугштайн, К. Алерс, шеф-редактор К. Якоби и ряд других сотрудников журнала были арестованы по подозрению в разглашении государственной тайны. Эти действия властей происходили с ведома Ф.-Й. Штрауса и самого К. Аденауэра; последний впоследствии посетовал в бундестаге на «бездну предательства в стране» [Görtemaker 1999, S. 385].

В немецкой историографии «дело журнала Der Spiegel» принято рассматривать отдельно от Карибского кризиса, хотя большинство авторов признают, что последний послужил для него фоном [Doerger 2013; Schoenbaum 2002; Schöps 1983]. Но как обе конфликтные ситуации связаны друг с другом политически, исследователи пишут мимоходом – чаще всего мнения на сей счет можно встретить в публицистике. Например, довольно любопытную версию в 2012 г. высказал в интервью газете Die Welt бывший шеф-редактор Der Spiegel К. Якоби. По его словам, расследование журнала получило такой резонанс, потому что попало в контекст нарастающей конфронтации между блоками. «Возможно, расчет <властей> состоял в том, что испуганная общественность в этой ситуации просто не обратит внимание на удар против журнала»¹⁹, – предположил он.

На наш взгляд, взаимосвязь между Карибским кризисом и «делом журнала Der Spiegel» следует рассматривать именно в контексте борьбы между сторонниками двух полярных стратегий в международной стратегии Бонна. Скорее всего, осенью 1962 г. лидеры

¹⁸ Der Spiegel. 1962. Nr. 41. 10. Oktober. S. 32–53.

¹⁹ Die Welt. 2012. 23. Oktober. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article110116401/Natuerlich-war-meine-Zelle-klein-das-Bett-hart.html> (дата обращения 30 января 2023).

«партии холодной войны» попыталась параллельно решить две основные задачи:

- в ходе Карибского кризиса подыграть «ястребам» в американском руководстве, способствуя разжиганию конфликта между США и СССР;
- с помощью «дела журнала *Der Spiegel*» нанести удар по ключевым фигурам в «партии разрядки» внутри Германии, выставив их действия как «предательство» на фоне ядерного кризиса, когда всему западному миру необходимо сплотиться перед лицом СССР.

По сути, «западногерманские реваншисты», как их называла советская пресса, предприняли отчаянную попытку обернуть вспять главный международный тренд и сорвать усиление сторонников разрядки как на мировой арене, так и внутри ФРГ. Вот только ставка Аденауэра на обострение холодной войны оказалась битой. На международной сцене противостояние сверхдержав закончилось компромиссом между Хрущевым и Кеннеди и дальнейшим сближением между блоками. Символом сотрудничества между ведущими мировыми игроками стал Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах между США, СССР и Великобританией (1963 г.).

Что же касается ситуации внутри ФРГ, то «партия разрядки» смогла быстро мобилизовать общественность и перехватить инициативу в конфликте со своими соперниками. Крупные города Западной Германии захлестнули шумные демонстрации с участием студентов, требовавших покончить с диктатурой и вернуть свободу слова. Восемь министров от СвДП подали в отставку. В итоге канцлер смог восстановить коалицию лишь после того, как отказался приглашать Штрауса в новое правительство и пообещал сам уйти в отставку осенью 1963 г. Таким образом, «дело журнала *Der Spiegel*», по меткому выражению историка Т. Мюндеманна, стало «последней главой в истории эры Аденауэра» [Mündemann 1988, S. 51].

После ухода основателя ФРГ Западная Германия на протяжении всех 1960-х гг. пыталась встроиться в общемировой тренд на разрядку международной напряженности. Однако в полной мере это удалось ей лишь в 1969 г. с приходом к власти коалиции СДПГ – СвДП во главе с В. Брандтом [Creuzberger 2009; Grau 2005; Niedhart 2019]. Провозгласив новую восточную политику, он в 1970-е гг. занялся наведением мостов между двумя блоками: признал ГДР и подписал серию договоров со странами соцлагеря – СССР, Польшей, Чехословакией и т. д. Этот курс позволил Бонну с помощью «мягкой силы» решить важнейшие задачи – получить

новые козыри в торге с Вашингтоном, начать политическое, экономическое и культурное проникновение в страны соцлагеря и снискать симпатии граждан ГДР, заложив основу для будущего объединения Германии. С тех пор осторожное лавирование между Западом и Востоком остается краеугольным камнем международной стратегии ФРГ – при безусловном сохранении союза с США.

Кристаллизация «движения 1968 года» и изменение политической культуры ФРГ

Карибский кризис и «дело журнала *Der Spiegel*» оказали влияние отнюдь не только на международную стратегию Бонна. Не менее важна и немногим лучше изучена роль обоих кризисов в смене общественных настроений в ФРГ и вызревании «движения 1968 года» – серии молодежных леворадикальных протестов, которые способствовали трансформации немецкой политической культуры во второй половине XX в.

На самом деле эти перемены обозначились еще как минимум на рубеже 1950–1960-х гг. К тому времени Федеративная Республика стала для ее консервативных апологетов примером успешного государства, пожинавшего плоды экономического чуда Л. Эрхарда, интеграции в систему евроатлантических союзов и всеобъемлющей демократизации по западным лекалам. Однако леволиберальные критики ФРГ воспринимали Германию К. Аденауэра скорее как продукт холодной войны, которая с подачи США позволила немцам сохранить авторитарные практики и стереотипы мышления, в экстремальной форме проявившиеся во времена третьего рейха. И постепенно их точка зрения завоевывала все большую популярность в германском обществе – в первую очередь у представителей молодого послевоенного поколения [Schildt 2000, SS. 148–166].

Действительно, поводов для недовольства к началу 1960-х гг. накопилось немало. Все более острую критику вызывали диктаторские замашки престарелого канцлера, его стремление взять под контроль медиа за счет создания проправительственного телеканала, недостаточная переработка недавнего «коричневого» прошлого и засилье нацистов в высших эшелонах власти. В частности, статс-секретарем К. Аденауэра был Г. Глобке, официальный комментатор расовых законов при А. Гитлере. В условиях холодной войны в ФРГ утвердилась доктрина «свободного Запада», призванного к экзистенциальной борьбе с «тоталитарным Востоком» [Schildt 1999, SS. 24–39]. Причем при распространении этого нарратива отчасти использовались пропагандистские клише, разработанные

еще в 1930-е гг. ведомством Й. Геббельса. И указанные тенденции во многом освящались авторитетом Вашингтона как лидера «свободного мира».

На этом фоне уже в 1950-е гг. в Западной Германии начались первые протесты с активным участием молодежи. Возрождение армии, вступление в НАТО и разговоры министра обороны Ф.-Й. Штрауса о необходимости предоставления бундесверу тактического ядерного оружия и желательности превентивных ударов по странам Варшавского договора вызвали к жизни мощное антивоенное движение, которое выводило десятки тысяч человек на улицы мегаполисов. А нападения правых радикалов на Кельнскую синагогу в 1959 г. спровоцировали волну возмущения в связи с «непреодоленным коричневым прошлым». С критикой К. Аденауэра стали активнее выступать представители творческой интеллигенции (в первую очередь писатели из «Группы 47») и леволиберальная пресса, прежде всего журнал *Der Spiegel* и газета *Die Zeit*, чьи тиражи росли в это время высокими темпами [Frei 2008; Koenen 2001].

Впрочем, протесты против авторитарных, милитаристских и «реставрационных» тенденций в ФРГ долгое время носили локальный характер и мало влияли на расстановку сил в политическом истеблишменте Боннской республики. Требовалась яркая вспышка, одно или несколько громких событий, способных придать ускорение социально-политическим процессам, которые набирали обороты в недрах западногерманского общества. И таким катализатором осенью 1962 г. как раз и стали Карибский кризис и «дело журнала *Der Spiegel*». Они во многом задали политико-идеологический вектор протестной волне 1960-х гг. и определили социальный портрет ее участников.

Катализирующую роль указанных событий необходимо подробно рассматривать в нескольких плоскостях – формат статьи позволяет нам тезисно обозначить лишь наиболее важные из них.

1. Роль главного мотора уличных протестов осени 1962 г. сыграла западногерманская молодежь, прежде всего студенты. Самые массовые демонстрации в поддержку журналистов *Der Spiegel* прошли в Западном Берлине, Франкфурте, Гамбурге и Мюнхене – городах, которые через несколько лет станут центрами мощных леворадикальных волнений [Jung 2016, SS. 48–59]. Именно учащиеся немецких вузов оказались в роли идеологического и организационного авангарда «движения 1968 года». Как и в других странах Запада, протестная волна в ФРГ была отчасти обусловлена конфликтом поколений: немецкая молодежь восставала против буржуазной морали, авторитарных стереотипов поведения и материалистических ценностей своих отцов и дедов. Однако в Гер-

мании дополнительную остроту этому конфликту придал фактор недостаточной «проработки» нацистского прошлого: молодые немцы требовали от своих родителей подробного отчета в своих действиях во времена третьего рейха, а от политических элит – решительного разрыва с наследием гитлеризма. Эти идеи радикализировались на пике «движения 1968 года», вплоть до объявления Боннской республики «фашистским государством», а немецкой культуры – носителем тоталитарного вируса [Kraushaar 2000; Kundnani 2009; Оу, Schneider 2013]. Сегодня именно протесты «новых левых» большинство исследователей рассматривают как важную веху на пути к актуальной «исторической политике» ФРГ, которую одни считают фундаментом для немецкой демократии, а другие – причиной утверждения «комплекса вины».

2. Протестная активность осени 1962 г., в отличие от антивоенных демонстраций второй половины 1950-х гг., привела к конкретным политическим результатам. Впервые в послевоенной истории Германии под давлением общественности рухнуло правительство и ушли в отставку политики, казавшиеся непотопляемыми, – сначала министр обороны Ф.-Й. Штраус, а затем и сам К. Аденауэр. Благодаря этому «новые левые» осознали, что массовое участие граждан в политике может в скором времени привести к серьезным переменам [Kraushaar 2000]. И это во многом произошло в 1969 г., когда новый канцлер Вилли Брандт провозгласил более энергичные реформы, т. е. именно протесты в защиту журналистов *Der Spiegel* и чуть позже «движение 1968 года» сыграли ключевую роль в становлении гражданского общества и, как следствие, демократизации политической культуры ФРГ во второй половине XX в. [Frei 2008, SS. 219–233].

3. Карибский кризис значительно повлиял на изменение образа Америки в глазах немцев. Причем эти изменения прежде всего затронули именно молодежь. Если представители старшего поколения продолжали воспринимать США как «оплот свободы» и защитника от «красной угрозы», то более молодые немцы стали видеть в них державу-агрессора, которая несет равную с СССР ответственность за эскалацию холодной войны – вплоть до возможного обмена ядерными ударами. Эти установки ярко проявились во время «движения 1968 года», участники которого отличались неоднозначным отношением к Соединенным Штатам. С одной стороны, они поддерживали контакт с американскими «новыми левыми» и импортировали из-за океана формы протеста (сидячие забастовки, хепенинги и т. д.), а с другой стороны, яростно боролись против войны во Вьетнаме и клеймили США как «агрессивного империалиста» [Koenen 2001]. С конца 1960-х гг. в немецком

обществе, особенно среди крайне левых, периодически наблюдаются всплески антиамериканизма. В частности, это проявилось в 2000-е гг. во время Иракской войны и в гораздо меньшей степени в 2010–2020-е гг. на фоне событий на Украине. Впрочем, к ревизии союза с Вашингтоном эти локальные вспышки пока не приводят.

4. Под впечатлением от Карибского кризиса в германском обществе – не без влияния леволиберальной прессы – стала набирать популярность точка зрения, согласно которой человечеству во избежание большой войны необходимо преодолеть «блоковое мышление» и отказаться от дихотомии «свободный мир» vs. «реальный социализм». Участники «движения 1968 года» эти идеи подхватили и в значительной степени радикализировали. В равной мере критикуя США и СССР, они отождествляли себя с бунтующими сверстниками по обе стороны железного занавеса и с героями национально-освободительной борьбы в странах третьего мира – от Ф. Кастро до Хо Ши Мина. Такой интернационализм «поколения 1968 года» существенно повлиял на эволюцию немецкой политической культуры во второй половине XX века [Kraushaar 2008, SS. 76–80]. Сегодня элиты ФРГ чужаются любых напоминаний о доктрине «особого германского пути» и позиционируют свою страну как одного из лидеров глобализации – поддерживают наднациональный проект Евросоюза, выступают за делегирование суверенитета международным организациям, строят мультикультурное общество и продвигают «культуру гостеприимства» (Willkommenskultur) по отношению к беженцам. Впрочем, эти идеи в 2010-е – начале 2020-х гг. подвергаются растущей критике на фоне целого букета кризисов, охвативших Германию и другие страны ЕС.

Заключение

Таким образом, Карибский кризис стал для Западной Германии не просто драматическим эпизодом в истории противостояния двух сверхдержав, за которым она пассивно наблюдала со стороны. В событиях вокруг Кубы Бонн активно преследовал свои интересы, которые, несмотря на логику холодной войны, не во всем совпадали с интересами его старшего союзника – Вашингтона.

Анализ опубликованных в 2012 г. документов показал, что во время острой фазы Карибского кризиса руководство ФРГ вело двойную игру по отношению к США. С одной стороны, немецкие политики и медиа публично одобряли каждый шаг президента Дж. Кеннеди – вплоть до компромисса с Н.С. Хрущевым. С другой

стороны, канцлер Аденауэр исподволь поддерживал американских ястребов в пику главе Белого дома и подталкивал Соединенные Штаты к силовому решению «кубинской проблемы», включая бомбардировки Острова свободы и насильственное свержение Ф. Кастро. Бонн стремился не допустить сближения между Москвой и Вашингтоном и работал на разжигание холодной войны, что неудивительно: эта стратегия в 1950-е гг. позволила ФРГ усилить свои международные позиции – частично вернуть суверенитет, стать ключевым союзником США и захватить экономическое лидерство в Европе.

Впрочем, на фоне Карибского кризиса в истеблишменте Западной Германии активизировалась борьба между двумя группами, каждая из которых по-своему видела дальнейшую стратегию страны на мировой арене. Помимо «партии холодной войны» во главе с канцлером Аденауэром в немецкой элите активизировалась и «партия разрядки». Последняя надеялась адаптировать внешнюю политику ФРГ к тренду на снижение напряженности между США и СССР и извлечь для нее максимум выгоды для Боннской республики.

Важным эпизодом в противостоянии этих элитных групп стало «дело журнала *Der Spiegel*», развивавшееся в октябре 1962 г. параллельно с Карибским кризисом. В ходе крупнейшего в истории Западной Германии медиаскандала «партия холодной войны» попыталась нанести удар по видным представителям «партии разрядки» и не дать им усилить свои позиции. Однако действия «ястребов» лишь привели к росту влияния условных «голубей», правительственному кризису и завершению эры Аденауэра в 1963 г. На протяжении 1960-х гг. Бонн осторожно менял свою международную стратегию и в итоге выработал «новую восточную политику». В 1970-е гг. ее осуществил В. Брандт, повысив международный авторитет ФРГ за счет наведения мостов между Западом и Востоком и успешного проникновения в страны соцлагеря с помощью «мягкой силы».

Наконец, Карибский кризис и «дело журнала *Der Spiegel*» следует рассматривать как пролог к «движению 1968 года», который способствовал определенной демократизации политической культуры ФРГ. Ведь экстремистские идеи «новых левых» вскоре стали уделом маргиналов и террористов вроде участников «Фракции Красная Армия» (RAF), а опыт низовой гражданской активности и политического участия вдохнул жизнь в формально демократические институты Западной Германии. Левoliberalная идеология, стремление ФРГ к продвижению глобализации, критическое отношение немцев к нацистскому прошлому – по крайней мере, на уровне имиджа и политической риторики – стали плодами

социокультурной трансформации 1960-х гг., которая происходила в том числе под впечатлением от Карибского кризиса.

Впрочем, насколько эти достижения оказались позитивными, прочными и необратимыми в долгосрочной перспективе – отдельный дискуссионный вопрос, который выходит за рамки нашей статьи.

Литература

- Горовцев 1996 – *Горовцев Д.Е.* Эволюция советско-американских отношений и Карибский кризис 1962 года. М.: МАДИ, 1996. 156 с.
- Корсакова 2006 – *Корсакова Н.Л.* Французская дипломатия и Кубинский кризис. М.: РОССПЭН, 2006. 277 с.
- Ладыгин, Лота 2012 – *Ладыгин Ф.И., Лота В.И.* Карибский кризис: секретная хроника опасной конфронтации. М.: Кучково поле, 2012. 143 с.
- Микоян 2006 – *Микоян С.А.* Анатомия Карибского кризиса. М.: Academia, 2006. 1071 с.
- Филитов 1993 – *Филитов А.М.* Германский вопрос: от раскола к объединению. М.: Международные отношения, 1993. 240 с.
- Язов 2015 – *Язов Д.Т.* Карибский кризис: 50 лет спустя. М.: Центрполиграфмаш, 2015. 446 с.
- Breitman 2010 – *Breitman R.* Hitler's shadow. Nazi war criminals, U.S. Intelligence, and the Cold War. Washington D.C.: Military Bookshop, 2010. 106 p.
- Brinkbäumer 2017 – *Brinkbäumer K.* Der Spiegel: 1947–2017. München: Spiegel-Verlag, 2017. 761 S.
- Creuzberger 2009 – *Creuzberger S.* Westintegration und Neue Ostpolitik: die Außenpolitik der Bonner Republik. Berlin: Be.bra Verlag, 2009. 192 S.
- Doerry 2013 – *Doerry M.* Die Spiegel-Affäre: ein Skandal und seine Folgen. München: Deutsche Verlagsanstalt, 2013. 465 S.
- Frei 2008 – *Frei N.* 1968. Jugendrevolte und globaler Protest. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008. 298 S.
- Gehlen 1980 – *Gehlen R.* Verschlussache. Mainz: Hase und Koehler, 1980. 168 S.
- Görtemaker 1999 – *Görtemaker M.* Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Von der Gründung bis zur Gegenwart. München: C.H. Beck, 1999. 915 S.
- Grau 2005 – *Grau A.* Gegen den Strom: die Reaktion der CDU/CSU-Opposition auf die Ost- und Deutschlandpolitik der sozial-liberalen Koalition 1969–1973. Düsseldorf: Droste Verlag, 2005. 556 S.
- Höhne, Zolling 1972 – *Höhne H., Zolling H.* Network. The general was a spy. The truth about general Gehlen and his spy ring. Michigan: Secker and Warburg, 1972. 350 p.
- Jung 2016 – *Jung D.S.* Der Kampf gegen das Presse-Imperium. Die Anti-Springer-Kampagne der 68er Bewegung. Bielefeld: Transcript Verlag, 2016. 376 S.

- Koenen 2001 – *Koenen G.* Das Rote Jahrzehnt: unsere kleine deutsche Kulturrevolution, 1967–1977. Köln: Kippenheuer & Witsch, 2001. 553 S.
- Kraushaar 2000 – *Kraushaar W.* 1968 als Mythos, Chiffre und Zäsur. Hamburg: Hamburger Edition, 2000. 369 S.
- Kraushaar 2008 – *Kraushaar W.* Achtundsechzig, Eine Bilanz. Berlin: Propyläen, 2008. 332 S.
- Kundnani 2009 – *Kundnani H.* Utopia or Auschwitz. Germany's 1968 generation and the Holocaust. N.Y.: Columbia University Press, 2009. 374 p.
- Lier 2009 – *Lier B.* Die Kuba-Krise im Spiegel der deutschen Presse: die Berichterstattung in “Die Welt”, “Süddeutsche Zeitung”, “Frankfurter Allgemeine Zeitung”, “Der Spiegel” und “Die Zeit”. Bonn: Bouvier Verlag, 2009. 243 S.
- Mündemann 1988 – *Mündemann T.* Die 68er – und was aus ihnen geworden ist. München: Heyne, 1988. 243 S.
- Münger 2003 – *Münger C.* Kennedy, die Berliner Mauer und die Kubakrise. Die westliche Allianz in der Zerreißprobe 1961–1963. Paderborn: Ferdinand Schöningh Verlag, 2003. 404 S.
- Niedhart 2019 – *Niedhart G.* Durch den Eisernen Vorhang: die Ära Brandt und das Ende des Kalten Krieges. Darmstadt: WBG Theiss, 2019. 306 S.
- Oy, Schneider 2013 – *Oy G., Schneider C.* Die Schärfe der Konkretion. 1968 und der Nationalsozialismus in der bundesdeutschen Historiografie. Münster: Westfälisches Dampfboot, 2013. 252 S.
- Schoenbaum 2002 – *Schoenbaum D.* Die Affäre um den Spiegel – Ein Abgrund von Landesverrat. Berlin: Parthas, 2002. 254 S.
- Schöps 1983 – *Schöps J.* Die Spiegel-Affäre des Franz Josef Strauss. Reinbek: Rowohlt, 1983. 223 S.
- Schwarz 1981 – *Schwarz H.-P.* Die Ära Adenauer. Die Gründerjahre der Republik. Stuttgart: Deutsche Verlags-Anstalt / F.A. Brockhaus, 1981. 541 S.
- Steininger 2011 – *Steininger R.* Die Kubakrise 1962: Dreizehn Tage am atomaren Abgrund. München: Lau Verlag & Handel, 2011. 176 S.
- Schildt 2000 – *Dynamische Zeiten: die 60er in den beiden deutschen Gesellschaften* / Hrsg. A Schildt. Hamburg: Christians Verlag, 2000. 831 S.
- Schildt 1999 – *Schildt A.* Zwischen Abendland und Amerika. Studien zur westdeutschen Ideenlandschaft der 50er Jahre. München: R. Oldenbourg Verlag, 1999. 242 S.

References

- Breitman, R. (2010), *Hitler's shadow. Nazi war criminals, U.S. Intelligence, and the Cold War*, Military Bookshop, Washington D.C., USA.
- Brinkbäumer, K. (2017), *Der Spiegel: 1947–2017*, Spiegel-Verlag, Munich, Germany.
- Creuzberger, S. (2009), *Westintegration und Neue Ostpolitik: die Außenpolitik der Bonner Republik*, Be.bra Verlag, Berlin, Germany.
- Doerry, M. (2013), *Die Spiegel-Affäre: ein Skandal und seine Folgen*, Deutsche Verlagsanstalt, Munich, Germany.

- Filitov, A.M. (1993), *Germanskii vopros: ot raskola k obyedeniyu* [The German question. From separation to unification], Mezhdunarodniye otnosheniya, Moscow, Russia.
- Frei, N. (2008), *1968. Jugendrevolte und globaler Protest*, Deutscher Taschenbuch Verlag, Munich, Germany.
- Gehlen, R. (1980), *Verschlußsache*, Hase und Koehler, Mainz, Germany.
- Gorovtsev, D.E. (1996), *Evolutsiya sovetsko-amerikanskikh otnoshenii i Karibskii krizis* [The evolution of Soviet-American relations and the 1962 Cuban Missile crisis], MADI, Moscow, Russia.
- Görtemaker, M. (1999), *Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Von der Gründung bis zur Gegenwart*, C.H. Beck, Munich, Germany.
- Grau, A. (2005), *Gegen den Strom: die Reaktion der CDU/CSU-Opposition auf die Ost- und Deutschlandpolitik der sozial-liberalen Koalition 1969–1973*, Droste Verlag, Düsseldorf, Germany.
- Höhne, H. and Zolling, H. (1972), *Network. The general was a spy. The truth about general Gehlen and his spy ring*, Secker and Warburg, Michigan, USA.
- Jung DS. (2016), *Der Kampf gegen das Presse-Imperium. Die Anti-Springer-Kampagne der 68er Bewegung*, Transcript Verlag, Bielefeld, Germany.
- Koenen, G. (2001), *Das Rote Jahrzehnt: unsere kleine deutsche Kulturrevolution, 1967–1977*, Kippenheuer & Witsch, Cologne, Germany.
- Korsakova, N.L. (2006), *Frantsuzskaya diplomatiya i Kubinskii krizis* [French diplomacy and the Cuban Missile crisis], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Kraushaar, W. (2000), *1968 als Mythos, Chiffre und Zäsur*, Hamburger Edition, Hamburg, Germany.
- Kraushaar, W. (2008), *Achtundsechzig, Eine Bilanz*, Propyläen, Berlin, Germany.
- Kundnani, H. (2009), *Utopia or Auschwitz. Germany's 1968 generation and the Holocaust*, Columbia University Press, New York, USA.
- Ladigin, F.I. and Lota, V.I. (2012), *Karibskii krizis: sekretnaya khronika opasnoi konfrontatsii* [The Cuban Missile crisis. A secret chronicle of a dangerous confrontation], Kuchkovo pole, Moscow, Russia.
- Lier, B. (2009), *Die Kuba-Krise im Spiegel der deutschen Presse: die Berichterstattung in "Die Welt", "Süddeutsche Zeitung", "Frankfurter Allgemeine Zeitung", "Der Spiegel" und "Die Welt"*, Bouvier Verlag, Bonn, Germany.
- Mikoyan, S.A. (2006), *Anatomiya Karibskogo krizisa* [The Anatomy of the Cuban Missile Crisis], Academia, Moscow, Russia.
- Mündemann, T. (1998), *Die 68er – und was aus ihnen geworden ist*, Heyne, Munich, Germany.
- Münger, C. (2019), *Kennedy, die Berliner Mauer und die Kubakrise. Die westliche Allianz in der Zerreißprobe 1961–1963*, Ferdinand Schöningh Verlag, Paderborn, Germany.
- Niedhart, G. (2019), *Durch den Eisernen Vorhang: die Ära Brandt und das Ende des Kalten Krieges*, WBG Theiss, Darmstadt, Germany.
- Oy, G. und Schneider, C. (2013), *Die Schärfe der Konkretion. 1968 und der Nationalsozialismus in der bundesdeutschen Historiografie*, Westfälisches Dampfboot, Münster, Germany.

- Schildt, A. (1999), *Zwischen Abendland und Amerika. Studien zur westdeutschen Ideenlandschaft der 50er Jahre*, R. Oldenbourg Verlag, Munich, Germany.
- Schildt, A (ed.) (2000), *Dynamische Zeiten: die 60er in den beiden deutschen Gesellschaften*, Christians Verlag, Hamburg, Germany.
- Schoenbaum, D. (2002), *Die Affäre um den Spiegel – Ein Abgrund von Landesverrat*, Parthas, Berlin, Germany.
- Schöps, J. (1981), *Die Spiegel-Affäre des Franz Josef Strauss*, Rowohlt, Reinbek, Germany.
- Schwarz, H.-P. (1981), *Die Ära Adenauer. Die Gründerjahre der Republik*, Deutsche Verlags-Anstalt/F. A. Brockhaus, Stuttgart, Germany.
- Steininger, R. (2011), *Die Kubakrise 1962: Dreizehn Tage am atomaren Abgrund*, Lau Verlag & Handel, Munich, Germany.
- Yazov, D.T. (2015), *Karibskii krizis: 50 let spustya* [The Cuban Missile crisis. 50 years later], Tsentrpoligrafmash, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михаил В. Тюркин, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия; 190068, Россия, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 123; mtyurkin@hse.ru

Information about the author

Mikhail V. Tyurkin, HSE University, Saint Petersburg, Russia; bld. 123, Griboyedov Canal Emb., Saint Petersburg, Russia, 190068; mtyurkin@hse.ru

Отражение Карибского кризиса в видеоиграх: на примере Call of Duty: Black Ops

Сергей И. Белов

*Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, Россия, belov2006s@yandex.ru*

Аннотация. Целью исследования является оценка специфики мемориального позиционирования Карибского кризиса и связанных с ним событий в видеоиграх США. Работа проведена на основе обращения к кейсу видеоигры Call of Duty: Black Ops. Методология исследования построена на комбинации дескриптивного анализа и кейс-стади. Автор приходит к выводу, что мемориальный режим игры Call of Duty: Black Ops предполагает контекстуально, что действия Соединенных Штатов накануне и в период Карибского кризиса предстают рационально и морально обоснованными, в то время как Советский Союз и власти Кубы выступали в качестве источника значимых рисков и угроз и для Америки, и для самого народа Кубы. При этом противозаконные де факто действия властей США фактически легитимируются за счет фонового нарратива, преимущественно выраженного вне текстовой формы, посредством деятельностного подхода и формирования контекста восприятия. Создатели игры, по сути, воспроизводят мемориальный нарратив, традиционный для описания Карибского кризиса в американской массовой культуре, который, помимо прочего, предполагает легитимацию ряда праворадикальных политических группировок из Латинской Америки.

Ключевые слова: Карибский кризис, видеоигры, Россия, США, Куба

Для цитирования: Белов С.И. Отражение Карибского кризиса в видеоиграх: на примере Call of Duty: Black Ops // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 105–116. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-105-116

Reflection of the Caribbean crisis in video games.
On the example of *Call of Duty: Black Ops*

Sergei I. Belov

*Herzen State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
belov2006s@yandex.ru*

Abstract. The aim of the study is to assess the specifics of the memorial positioning of the Caribbean crisis and the related events in the US video games. The work was carried out on the basis of an appeal to the case of the video game *Call of Duty: Black Ops*. The research methodology is based on a combination of the descriptive analysis and case studies. The author comes to the conclusion that the *Call of Duty: Black Ops* memorial mode contextually assumes that the actions of the United States on the eve and during the Caribbean crisis appear rational and morally justified, while the Soviet Union and the Cuban authorities acted as a source of significant risks and threats both to America and to the Cuban people themselves. At the same time, the illegal de facto actions of the US authorities are actually legitimized due to the background narrative, mainly expressed outside the textual form, through the activity approach and the formation of the context of perception. The creators of the game essentially reproduce the memorial narrative that is traditional for describing the Cuban Missile Crisis in American popular culture, which, among other things, involves the legitimization of a number of right-wing political groups from Latin America.

Keywords: Caribbean crisis, video games, Russia, USA, Cuba

For citation: Belov, S.I. (2023), "Reflection of the Caribbean crisis in video games. On the example of *Call of Duty: Black Ops*", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 105–116, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-105-116

Введение

На сегодняшний день видеоигры являются одним из наиболее активно развивающихся форматов массовой культуры. В долгосрочной перспективе они должны стать неотъемлемой частью повседневного досуга широких масс населения, что превращает их в крайне перспективный ресурс для решения задач в области символической политики, политики памяти и популярной геополитики. Уже сейчас видеоигры используются в данном качестве. Однако опыт их применения в роли средства политического по-

позиционирования концептуализирован на научном уровне лишь в фрагментарной форме.

Наглядным примером в данном случае может служить формирование посредством современных видеоигр мемориальных режимов относительно одного из ключевых событий «холодной войны» – Карибского кризиса.

Об этом напрямую свидетельствует лакунарность степени научной разработанности указанной темы.

Непосредственно Карибский кризис и его изучение в рамках парадигм истории и политологии нашли широкое отражение в научной литературе [Дергачева 2019; Кокошин 2012; Микоян 2006; Самарин 2013; Васильев 2018; Боголюбова, Николаева 2012; Дергачева, Чернышов 2020; Якубкина 2018].

Однако позиционирование соответствующих событий в символическом пространстве исследуется преимущественно в контексте изучения традиционных форматов массовой культуры [Скорик, Бочан 2012; Василенко 2021]. В то же время интересующая нас тема лишь фрагментарно отображается в работах, посвященных использованию видеоигр в качестве инструмента символической и мемориальной политики [Верч 2019; Вульфович 2018; Кострова, Маркухова 2019].

Целью представленного исследования является оценка специфики позиционирования Карибского кризиса и связанных с ним событий в видеоиграх.

В качестве конкретного исследовательского кейса избрана видеоигра Call of Duty: Black Ops (США). Данная видеоигра была официально куплена 31 млн геймеров по всему миру, что является одним из лучших показателей данной линейки игр.

Теоретические основы изучения видеоигр как инструмента мемориальной политики

Как было отмечено еще Э. Дюркгеймом, конвенциональная система представлений о коллективном прошлом представляет собой один из главных факторов обеспечения стабильности макро-социальных групп. Представления относительно общности происхождения и преемственности к предшествующим поколениям позволяют обеспечить выработку групповой идентичности, транслировать модель ценностей и норм поведения и посредством этого регулировать деятельность и само социальное восприятие представителей данной корпорации. При этом обязательным условием эффективности образа общего прошлого является мемориальный

конформизм, достигаемый посредством сакрализации ключевых его элементов. За счет этого сомнения в доминирующей версии событий прошлого автоматически осуждаются большинством членов группы [Дюркгейм 1991, с. 72–75].

Данный тезис получил развитие в работах М. Хальбвакса, сумевшего подтвердить на эмпирическом материале, что социальная память обладает избирательным характером. Ее характеризует схематичность: она включает в себя достаточно ограниченный набор ключевых фактов, реконструируемых с низкой степенью детализации и достоверности, но в то же время насыщаемых допущениями в виде эмоционально заряженных символов. Конформизм социальной памяти достигается путем создания «исторического канона» в виде мемориальных дискурсивных рамок, в соответствии с которыми члены сообщества адаптируют индивидуальные представления о прошлом. Базовым элементом мемориальных рамок является «фигура памяти» – символ, в рамках которого отображается представление сообщества об одном из ключевых событий прошлого. Именно вокруг фигур памяти выстраивается мемориальный канон социальной корпорации. Им свойственна такая характеристика, как сакральность, что придает фигурам памяти назидательный и регулирующий характер. При этом исследователь подчеркивал, что по мере отдаления от момента современности пропорционально сокращается роль современников и очевидцев тех или иных событий в создании соответствующих образов прошлого. Напротив, заметно возрастает влияние на представления о прошлом специалистов в области культуры [Хальбвакс 2007, с. 152–185].

Во многом сходной позиции придерживался П. Нора. В рамках своей концепции культурной памяти он отмечал, что сообщества перерабатывают присутствующие в нем представления о прошлом, придавая им форму универсального мифа, сущность которого характеризуют конъюнктурность, иррациональность, эмоциональная насыщенность, сакральность и ориентация на регулярную актуализацию. При этом в качестве базового носителя мифологизированной социальной памяти выступают именно символы. Концепция П. Нора подразумевала оппозицию между понятиями «память» и «история». Для памяти, считал философ, характерна постоянная изменчивость, полнота, сакральность и перманентная актуальность. История же, полагал П. Нора, представляет собой изобилующую пробелами модель прошлого, лишенную актуальности и не связанную с обществами предшествующих эпох. Она рациональна и, как следствие, лишена элемента сакральности. В качестве носителей памяти являются символы, история же воплощается посредством процессов, а также отно-

шений между субъектами и объектами¹. Ценностно-мифологический характер социальной памяти, относящийся к событиям, уходящим достаточно далеко за горизонт современности, отмечал и Я. Ассман [Ассман 2004, с. 104–107].

Обобщив творческое наследие предшественников и коллег, А. Ассман пришла к выводу о наличии у социальной памяти особой функции, которую исследовательница обозначила как «пластичную власть». Данным термином описывается механизм, дающий возможность производить отбор событий, определяемых в качестве сакральных или, напротив, ничтожных либо подлежащих забвению, для социальной группы. Посредством работы этого механизма формируется временной режим культуры (или мемориальный режим), генерирующий когнитивные схемы для осмысления и оценки событий прошлого [Ассман 2012, с. 16–31].

Данная теория, с одной стороны, подтверждается выводами П. Бурдые относительно использования элитами и контрэлитами механизмов символической власти: их применение сводится на практике к борьбе за доминирование в сфере производства способов оценки и осмысления социальной действительности, обретения монополии в сфере интерпретации [Бурдые 2007, с. 64–86]. С другой стороны, концепция пластичной власти и пластичной памяти подтверждается данными исследований Ю.М. Лотмана. Он считал, что любые символы имеют врожденную тенденцию к актуализации в соответствии с контекстом текущей конъюнктуры социально-экономического развития, поскольку трансформация культурного контекста корректирует модель восприятия и систему ценностей носителей. Условное «комментирование символа» закономерно изменяет заложенные в первоисточнике смыслы [Лотман 1992, с. 200–202].

Соответственно, социальная память обладает мифологизированным и инструментальным характером, генерируется во многом в процессе конструирования, а ее главным структурным элементом является эмоционально насыщенный символ. Одним из главных ресурсов генерации социальной памяти является массовая культура.

При этом мифологизированный характер социальной памяти также предопределяет определенные ее характеристики. Она носит преимущественно непротиворечивый, упрощенный и во многом иррациональный характер, поскольку эти качества обеспечивают максимальную доступность ретромифа для широкой аудитории. Уязвимость исторического мифа для рациональной критики

¹ *Нора П.* Проблематика мест памяти // Франция – память. URL: <http://es-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения 21 ноября 2022).

компенсируется при этом воздействием эмоционального характера и сакрализацией доминирующих трактовок событий прошлого [Edelman 1967, pp. 217–228].

Все это позволяет утверждать, что видеоигры, во-первых, могут выступать в качестве одного из значимых каналов трансляции образа прошлого. Во-вторых, широкое использование в них разнообразных клише, в том числе заимствованных из иных произведений массовой культуры, не способствует восприятию контента в ироническом либо в целом критическом ключе. Для представителей целевой аудитории исторического мифа даже иррациональная трактовка событий может представляться правдоподобной. Таким образом, игровой контент, вне зависимости от его исторической достоверности и обилия культурных тропов, представляет собой значимый ресурс формирования мемориальных рамок.

Анализ игрового контента

События, тематически связанные с Карибским кризисом, освещаются в рамках франшизы Call of Duty преимущественно в самостоятельной видеоигре Call of Duty: Black Ops. Для нее характерна следующая специфика позиционирования соответствующих исторических событий.

Во-первых, представители властей коммунистической Кубы позиционируются в игре в качестве «внутренних оккупантов». Соответствующий эффект достигается посредством прямого и косвенного описания насилия в отношении местных жителей. В первом случае можно привести в качестве примера то, что сразу после появления в баре (первая локация в рамках миссии в Гаване) вооруженные полицейские начинают домогаться находившуюся в заведении девушку. Во втором случае наглядным примером может служить упоминание персонажем по имени Карлос факта того, что Фидель Кастро проживает на реквизированной у него вилле. Также следует отметить, что в операции по ликвидации Кастро активно участвуют местные жители, выступающие в роли условного «сопротивления».

Во-вторых, наблюдается дегуманизация как правящего режима (персонализированного в лице его лидера), так и его сторонников. Это наглядно демонстрирует одна из финальных сцен в рамках операции по ликвидации Кастро. Сначала кубинский лидер пытается использовать в качестве живого щита находившуюся с ним проститутку. Затем, после убийства главы Кубы, находившаяся прежде

в заложниках проститутка хватается оружие и пытается отомстить за Кастро. После ее ликвидации один из персонажей произносит реплику следующего содержания: «Вот так с*ка! Он прикрывается людьми, а она его защищает». В ответ на это игровой персонаж заявляет: «Сторонники Кастро и есть фанатики, готовые умереть за него». Указанный гиперфанатизм лишает в глазах игрока сторонников Кастро человечности, не давая геймеру возможности отождествить себя с ними и взглянуть на происходящее с их позиции. Фактически создатели игры лишают сторонников кубинских властей рационального и ценностного обоснования собственных действий, благодаря чему сторонники Кастро выступают в качестве «творцов зла ради самого зла».

В-третьих, уже на момент вторжения в Залив Свиней кубинский режим показан в качестве союзника СССР. Советский Союз показан в игре в сугубо негативном виде. Достаточно упомянуть лишь то, что, согласно легенде игры, власти СССР активно создают и испытывают биологическое оружие при помощи военных преступников из Германии. Советская космическая программа равным образом является результатом тайного использования «нацистских ученых». При этом в роли первого представителя советской стороны, встреченного игроком на Кубе, выступает генерал Никита Драгович. Он, следует подчеркнуть, является военным преступником, чья миссия включает в себя испытание боевых отравляющих газов в различных «горячих точках». Демонстрация Кастро и Драговича в качестве партнеров позволяет отождествить как сами эти фигуры, так и сами их морально-этические качества.

Следует отметить и то, что Драгович прибывает на Кубу на корабле «Русалка», который используется как для активации «спящих агентов» в США, так и для испытания биологического оружия. Последнее автоматически превращает Кастро и «красную Кубу» в близкого союзника экзистенциальных врагов Соединенных Штатов.

Заключение

Таким образом, игра Call of Duty: Black Ops задает мемориальные рамки, в которых действия США накануне и в период Карибского кризиса предстают рационально и морально обоснованными, в то время как СССР и власти Кубы выступают в качестве источника значимых рисков и угроз и для Америки, и для народа Кубы. Роль Соединенных Штатов и режима Батисты в формировании предпосылок для возникновения кризиса остается нераскрытой.

При этом противозаконные де-факто действия властей США фактически легитимируются за счет создания соответствующего контекста.

Необходимо отметить, что в данном случае речь идет отнюдь не о построении оригинального исторического мифа. В данном случае создатели игры лишь воспроизводят содержание двух источников мемориального нарратива относительно Карибского кризиса. Во-первых, речь идет о воспроизводстве дискурсивных рамок, традиционных для описания Карибского кризиса в американской массовой культуре в целом, в рамках которой США в данном конфликте позиционируются как жертва, а противники Кастро – как национально ориентированные приверженцы демократических ценностей.

Во-вторых, мемориальный режим Соединенных Штатов предполагает в том числе легитимацию ряда праворадикальных политических группировок из Латинской Америки. В том числе американские власти проявляют высокую активность в рамках создания позитивных представлений о деятельности организации «Объединенные революционные организации» (*Coordinación de Organizaciones Revolucionarias Unidas*), действовавшей в 1970–1990-х гг. CORU объединила различные террористические группировки кубинских эмигрантов, ранее сложившиеся в США. Организация активно поддерживалась ЦРУ, хотя ФБР признала ее террористической. Только за первый год своего существования боевики CORU совершили 25 терактов в 14 странах Латинской Америки и Европы. Самым масштабным преступлением организации стал взрыв кубинского авиалайнера с 73 пассажирами на борту 6 октября 1976 г. Ее боевики также принимали активное участие в подготовке боевиков контра в Никарагуа и проведении операции «Кондор», направленной на ликвидацию левых активистов и сочувствующих им лиц по всей Латинской Америке. При этом в массовой культуре США вокруг них и более поздних аналогичных структур формировался позитивный образ. В качестве наглядного примера в данном случае можно привести фильм «Плохие парни 2» (2003 г.) (образ реально существующей террористической группы «Альфа 66»). Таким образом, позитивный образ кубинских повстанцев в игре во многом легитимизирует действующие в США группы кубинских радикалов, прежде пытавшихся вооруженным путем свергнуть власти острова.

Соответственно, рассматриваемый американский игровой проект ориентирован скорее на реанимацию и поддержание образа врага (в том числе современного, через актуализацию конфликтов прошлого).

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00305, <https://rscf.ru/project/22-18-00305/>, «Образы врага в массовой культуре холодной войны: содержание, современная рецепция и использование в символической политике России и США».

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Science Foundation under Grant № 22-18-00305, <https://rscf.ru/en/project/22-18-00305/>, “The images of enemy in Cold War popular culture: their content, contemporary reception and usage in Russian and U.S. symbolic politics”.

Литература

- Ассман 2004 – *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
- Ассман 2012 – *Ассман А.* Трансформации нового режима времени // Новое литературное обозрение. 2012. № 4 (116). С. 16–31.
- Боголюбова, Николаева 2012 – *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В.* Карибский кризис в зеркале искусства // История в подробностях. 2012. № 10 (28). С. 84–89.
- Бурдые 2007 – *Бурдые П.* Социальное пространство и символическая власть // Социология социального пространства. СПб.: Алетейя, 2007. С. 64–86.
- Василенко 2021 – *Василенко Д.В.* «Хороший, плохой, злой»: образы американского «Другого» в российском антитеррористическом кинодискурсе XXI в. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2021. № 4. С. 72–86.
- Васильев 2018 – *Васильев П.А.* Представление Кубы и Карибского кризиса в советских газетах // Студенческий. 2018. № 13–1 (33). С. 44–48.
- Верч 2019 – *Верч Т.* Нескончаемая война с отголосками и призраками: коллективная память, национальная идентичность и новый фронт американских фильмов и видеоигр // Историческая экспертиза. 2019. № 4 (21). С. 25–41.
- Вульфович 2018 – *Вульфович А.П.* Образ России в западных видеоиграх // МНСК–2018: Политология: Материалы 56-й Международной научной студенческой конференции. Новосибирск, 2018. С. 18–19.
- Дергачева 2019 – *Дергачева В.Е.* Карибский кризис в оценке советской и российской историографии // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2019. № 35. С. 45–49.

- Дергачева, Чернышов 2020 – *Дергачева В.Е., Чернышов Ю.Г.* Карибский кризис в политике памяти СССР (России) и США: сравнительная характеристика // Известия Алтайского государственного университета. 2020. № 6 (116). С. 22–28.
- Дюркгейм 1991 – *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда: Метод социологии. М.: Наука, 1991. 572 с.
- Кокошин 2012 – *Кокошин А.А.* Размышления о Карибском кризисе в контексте проблемы стратегической стабильности. М., 2012. 31 с.
- Кострова, Маркухова 2019 – *Кострова С.В., Маркухова Я.О.* Русские персонажи в нарративах компьютерных игр // Культура и технологии: электронный мультимедийный журнал. 2019. Т. 4. № 4. С. 204–213. URL: <http://cat.ifmo.ru/gc/2019/v4-i4/221> (дата обращения 1 февраля 2023).
- Лотман 1992 – *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Таллин: Александра, 1992. С. 200–202.
- Микоян 2006 – *Микоян С.А.* Анатомия Карибского кризиса. М.: Academia, 2006. 1071 с.
- Самарин 2013 – *Самарин Я.В.* Особенности подхода Соединенных Штатов к глобальным кризисам: (на примере мировых войн и Карибского кризиса) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 2. С. 182–196.
- Скорик, Бочан 2012 – *Скорик А.П., Бочан С.А.* Карибский кризис в представлениях российской молодежи // История в подробностях. 2012. № 10 (28). С. 90–93.
- Хальбвакс, 2007 – *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 346 с.
- Якубкина 2018 – *Якубкина М.В.* Проблемы интерпретации событий Карибского кризиса 1962 года в историческом дискурсе // Вестник современных исследований. 2018. № 8.1 (23). С. 45–47.
- Edelman 1967 – *Edelman M.* Myths, metaphors and political conformity // *Psychiatry*. 1967. Vol. 30. No. 3. P. 217–228.

References

- Assmann, A. (2012), “Transformations of the modern time regime”, *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, vol. 116, no. 4, pp. 16–31.
- Assmann, J. (2004), *Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural memory. Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of Antiquity], *Yazyki slavyanskoi kul'tury*, Moscow, Russia.
- Bogolyubova, N.M. and Nikolaeva, Yu.V. (2012), “Caribbean crisis in the mirror of art”, *Istoriya v podrobnostyakh*, vol. 28, no. 10, pp. 84–89.
- Bourdieu, P. (2007), “Social space and symbolic power”, in *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space], *Aleteiya*, Saint Petersburg, Russia, pp. 64–86.

- Dergacheva, V.E. (2019), "The Caribbean crisis in the assessment of Soviet and Russian historiography", *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovaniy*, no. 35, pp. 45–49.
- Dergacheva, V.E. and Chernyshov, Yu.G. (2020), "The Caribbean crisis in the politics of memory of the USSR (Russia) and the USA. Comparative characteristics", *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 116, no. 6, pp. 22–28.
- Durkheim, E. (1991), *O razdelenii obshchestvennogo truda: Metod sotsiologii* [On the division of social labor. Method of sociology], Nauka, Moscow, USSR.
- Edelman, M. (1967), "Myths, metaphors and political conformity", *Psichiatr*, vol. 30, no. 3, pp. 217–228.
- Halbwachs, M. (2007), *Sotsial'nye ramki pamyati* [The social framework of memory], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia.
- Kokoshin, A.A. (2012), *Razmyshleniya o Karibskom krizise v kontekste problemy strategicheskoi stabil'nosti* [Reflections on the Caribbean crisis in the context of the problem of strategic stability], Moscow, Russia.
- Kostrova, S.V. and Markukhova, Ya.O. (2019), "Russian characters in the narratives of computer games", *Kul'tura i tekhnologii: elektronnyi mul'timediiyni zhurnal*, vol. 4, no. 4, pp. 204–213, available at: <http://cat.ifmo.ru/ru/2019/v4-i4/221> (Accessed 1 Feb. 2023).
- Lotman, Yu.M. (1992), "Memory in cultural illumination", in Lotman, Yu.M. *Izbrannye stat'i* [Selected articles], Aleksandra, Tallinn, Estonia, pp. 200–202.
- Mikoyan, S.A. (2006), *Anatomiya Karibskogo krizisa* [Anatomy of the Caribbean crisis], Academia, Moscow, Russia.
- Samarin, Ya.V. (2013), "Features of the United States approach to global crises (on the example of World Wars and the Caribbean crisis)", *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*, vol. 9, no. 2, pp. 182–196.
- Skorik, A.P. and Bochan, S.A. (2012), "The Caribbean crisis in the perceptions of Russian youth", *Istoriya v podrobnostyakh*, vol. 28, no. 10, pp. 90–93.
- Vasilenko, D.V. (2021), " 'The Good, the Bad and the Evil'. The images of American 'Other' in Russian anti-terror cinema of the 21st century", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 72–86.
- Vasiliev, P.A. (2018), "Representation of Cuba and the Caribbean crisis in Soviet newspapers", *Studencheskii*, vol. 33, no. 13–1, pp. 44–48.
- Vulfovich, A.P. (2018), "The image of Russia in Western video games", in *MNSK–2018: Politologiya: Materialy 56-I Mezhdunarodnoi nauchnoi studencheskoi konferentsii* [MNSK–2018: Political Science. Proceedings of the 56th International Scientific Student Conference, Novosibirsk, Russia, pp. 18–19.
- Werch, T. (2019), "An endless war with echoes and ghosts. Collective memory, national identity, and the new frontier of American movies and video games", *Istoricheskaya ekspertiza*, vol. 21, no. 4, pp. 25–41.
- Yakubkina, M.V. (2018), "Problems of interpreting the events of the Caribbean crisis of 1962 in historical discourse", *Vestnik sovremennykh issledovaniy*, vol. 23, no. 8.1, pp. 45–47.

Информация об авторе

Сергей И. Белов, доктор политических наук, кандидат исторических наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Россия, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48;

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; belov2006s@yandex.ru

Information about the author

Sergei I. Belov, Dr. of Sci. (Political Studies), Cand. of Sci. (History), Herzen State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia; bld. 48, Moika Emb., Saint Petersburg, Russia, 191186;

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; belov2006s@yandex.ru.

Книжная полка

УДК 327(73+410+470)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-117-125

Товарищи по оружию: история союзничества СССР, США и Великобритании

Рецензия на книги И.В. Быстровой:
Поцелуй через океан: «Большая тройка»
в свете личных контактов (1941–1945)
(М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.),

Ленд-лиз для СССР: экономика, техника, люди
(1941–1945 гг.) (М.: Кучково поле, 2019. 480 с.),
Британский союзник:

организация военно-экономических поставок
в СССР в 1941–1945 гг. (М.: Весь мир, 2022. 576 с.)

Виктория И. Журавлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, zhuravlevavic@mail.ru*

Для цитирования: Журавлева В.И. Товарищи по оружию: история союзничества СССР, США и Великобритании. [Рец.]: Быстрова И.В.: Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945) (М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.), Ленд-лиз для СССР: экономика, техника, люди (1941–1945 гг.) (М.: Кучково поле, 2019. 480 с.), Британский союзник: организация военно-экономических поставок в СССР в 1941–1945 гг. (М.: Весь мир, 2022. 576 с.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 117–125. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-117-125

© Журавлева В.И., 2023

Comrades-in-arms.
The story of Soviet-American-British alliance

Book Review: Bystrova I.V.:
Potselui cherez okean: “Bol’shaya troika”
v svete lichnykh kontaktov (1941–1945)
[Kiss across the ocean. The “Big Three” in the light
of personal contacts (1941–1945)]
(M.: ROSSPEN, 2011. 438 s.),
Lend-liz dlya SSSR: ekonomika, tekhnika, lyudi
(1941–1945 gg.) [Lend-Lease for the USSR.
Economy, technology, people (1941–1945)]
(M.: Kuchkovo pole, 2019. 480 s.),
Britanskii soyuznik: organizatsiya voenno-ekonomicheskikh
postavok v SSSR v 1941–1945 gg.
[British ally. Organization of military-economic deliveries
to the USSR in 1941–1945] (M.: Ves’ mir, 2022. 576 s.)

Victoria I. Zhuravleva
*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, zhuravlevavic@mail.ru*

For citation: Zhuravleva, V.I. (2023), “Comrades-in-arms. The story of Soviet-American-British alliance. [Book Review]: Bystrova I.V.: Potselui cherez okean: ‘Bol’shaya troika’ v svete lichnykh kontaktov (1941–1945) [Kiss across the ocean. The ‘Big Three’ in the light of personal contacts (1941–1945)] (M.: Kuchkovo pole, 2019. 480 s.), Lend-liz dlya SSSR: ekonomika, tekhnika, lyudi (1941–1945 gg.) [Lend-Lease for the USSR. Economy, technology, people (1941–1945)] (M.: ROSSPEN, 2011. 438 s.), Britanskii soyuznik: organizatsiya voenno-ekonomicheskikh postavok v SSSR v 1941–1945 gg. [British ally. Organization of military-economic deliveries to the USSR in 1941–1945] (M.: Ves’ mir, 2022. 576 s.)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 117–125, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-117-125

В истории международных отношений есть темы, которые подвержены колебаниям национальной и международной конъюнктуры. К таковым относится проблема союзничества СССР с США и Великобританией в период Второй мировой войны. Вот почему в условиях современной конфронтации России и Запада особенно важно появление новых книг, в которых на основе архивных источников честно и профессионально рассказывается история о том,

как Советский Союз, США и Великобритания объединили свои усилия для борьбы со странами Оси, как крепилось взаимопонимание не только между главами государств, политиками и дипломатами, но и между народами трех стран, между теми, кто воевал, и теми, кто ковал победу в тылу.

Это история не только о создании Великого союза, но и о причинах его распада в силу идеологических противоречий, разницы политических культур и различного видения послевоенного устройства мира. И она поучительна для нас сегодняшних, поскольку повествует не просто о процессах, но и о людях, объединявших свои усилия в борьбе с общим врагом, стремившихся возникший Великий союз сохранить и веривших в то, что это возможно.

Об этом, например, рассказывается в книге С.Н. Плохия, опубликованной в 2019 г. на английском языке [Plokyh 2019] и вышедшей в переводе на русский язык в 2022 г. В фокусе его внимания оказалась деятельность трех баз ВВС США в Полтавской области, с которых в 1944–1945 гг. проводились челночные бомбардировки стран Третьего Рейха (операция «Фрэнтик»). На основе расклеточенных архивных материалов КГБ УССР (контрразведки «Смерш») и американских военных хроник исследователь стремится показать роль политики, идеологии и культуры в отношениях союзников в годы Второй мировой войны, а также усилия тех, кто тщетно стремился уберечь возникшее межгосударственное и международное партнерство [Плохий 2022].

Иначе расставляет акценты И.В. Быстрова, рисуя объемную и разноплановую историю того, как СССР, США и Великобритания были товарищами по оружию. Три ее книги – «Поцелуй через океан» [Быстрова 2011], «Ленд-лиз для СССР» [Быстрова 2019] и «Британский союзник» [Быстрова 2022] – могут читаться как отдельные. Однако они взаимно дополняют друг друга и во многом пересекаются, представляя в своем роде трилогию.

Начнем с того, что военное партнерство трех стран рассматривается автором на двух уровнях. Во-первых, на межгосударственном уровне с особым акцентом на роли лидеров стран – Ф.Д. Рузвельта, И.В. Сталина, У. Черчилля, а во-вторых, на уровне личных контактов между людьми, гражданскими и военными, на фронте и в тылу.

Последние две книги насыщены статистическими данными. Объемы поставок и масштабы программы ленд-лиза представлены в цифрах, почерпнутых из архивных источников. Речь идет прежде всего о материалах Российского государственного архива экономики (РГАЭ). Такой подход позволяет понять реальное значение ленд-лиза для общей победы антигитлеровской коалиции.

Безусловно, Советский Союз в основном сам производил «оружие победы». Поставки по ленд-лизу военной техники составляли в среднем менее $\frac{1}{5}$ части того, что поступало на фронт. Но данная статистика нуждается в уточнении по отдельным видам вооружений с учетом передачи технологических ноу-хау, которыми американцы и англичане щедро делились с русскими.

Нельзя игнорировать тот факт, что для советской экономики, перестраивавшейся на военный лад и демонстрировавшей сокращение производства в некоторых отраслях от 30 до 70%, поставки по ленд-лизу отдельных товаров, например метизов, становились жизненно важными. Ведь без этого не могли работать танковые, авиационные и другие оборонные предприятия, до начала 1942 г. покрывавшие свои потребности за счет американских поставок. Многие ленд-лизовские модели авиатехники не имели отечественных аналогов. Наряду с самолетами СССР получил сотни тонн авиационных запчастей, специального аэродромного оборудования, аппаратуры, несколько тысяч американских радиостанций для установки на истребителях советского производства. Эти поставки позволили заполнить «бреши» в советском производстве (особенно в первые годы войны). Вплоть до 1944 г. СССР зависел от американских технологий по переработке нефти в бензин, поскольку импортные самолеты и автотехника использовали высокооктановое горючее. Его советское производство было налажено лишь к концу войны на основе переданных американцами технологий. Важнейшую роль в укреплении обороноспособности СССР имел военно-транспортный ленд-лиз, составлявший более половины от объема советского производства. Многие виды автомобилей, как, например, амфибии и тяжелые тягачи с прицепами, до поставок по ленд-лизу вообще отсутствовали в Советском Союзе. В последние два года войны вчетверо возросли поставки для военно-морского флота. В итоге у советских моряков появились многочисленные торпедные катера и тральщики модели «АМ», позволявшие уничтожать магнитные мины. Особое значение имели поставки радиолокаторов и железнодорожного оборудования. А медицинский, вещевой и продуктовый ленд-лиз спасал жизни советских людей на фронте и в тылу. Достаточно вспомнить о бесценных поставках пенициллина, который вообще отсутствовал в СССР [Журавлева 2021, с. 150–173].

В силу вышесказанного можно лишь приветствовать желание исследовательницы не ограничиваться обобщающими показателями, а детально расписать вклад США и Великобритании в программу ленд-лиза через поставки различных видов военной техники и новейших на тот момент технологий, через динамику ввоза и потерь

по США, Великобритании и Канаде. Такой профессиональный аргументированный разговор – лучшее средство против пропагандистских искажений реалий тех слагаемых победы, без которых было бы невозможно общее опьяняющее ощущение счастья, пережитое советскими людьми, американцами и англичанами в 1945 г.

Новаторство исследования Быстровой заключается в том, что история переговоров и организации поставок по ленд-лизу преломляется сквозь призму межличностных отношений лидеров трех стран. В «Большой тройке» Сталин и Черчилль были в своем роде союзниками-антагонистами, занимая крайние фланги взаимодействия, а Рузвельт, в свою очередь, выступал в роли связующего центрального звена. В книге «Ленд-лиз для СССР» Быстрова делает акцент на взаимоотношениях советского лидера с Рузвельтом, а в работе «Британский союзник» – с Черчиллем, наглядно демонстрируя, что последний, несмотря на сложность и изменчивую динамику взаимоотношений со Сталиным, свой антикоммунизм и антибольшевизм, стал последовательным сторонником оказания военной помощи Советскому Союзу, приступив к осуществлению этого плана ранее Рузвельта. Именно Черчилль «цементировал» «Большую тройку», неутомимо плавая и летая во все концы света.

Важным вкладом исследовательницы в историографию стало прописывание важной роли Великобритании в поставках по ленд-лизу. На фоне обширной историографии по проблеме ленд-лиза британский вклад мало изучался в СССР и США, хотя вышло немало работ, посвященных самому Черчиллю. Что же касается постсоветской историографии, то в монографиях по истории ленд-лиза британский вклад упоминался лишь в ряду общих поставок союзников и предметно не изучался.

Исследовательница убедительно показывает, что в период действия Первого протокола, пока США еще не развернули в полную мощь свою военную экономику и перестраивали ее после нападения Японии на Перл-Харбор, именно Великобритания делала все возможное, чтобы восполнять потери СССР в самолетах, танках, алюминии и других стратегических товарах. Многие из них стали поставляться в СССР, начиная с так называемого «нулевого» конвоя «Дервиш», который пришел в Архангельск 31 августа 1941 г. Именно тогда в Россию прибыли первые двести американских истребителей «Томагавк» из британской доли поставок.

Заслуживает особого внимания прописанная в последней книге трилогии и подтвержденная источниками идея о том, что созданный по инициативе Черчилля в начале войны личный механизм оперативного решения вопросов между лидерами трех стран сыграл ключевую роль в организации поставок СССР. Весь первый

и самый тяжелый год Великой Отечественной войны Великобритания выполняла лидирующую роль в его снабжении. За транспортировку поставок также отвечали англичане, которые использовали уже накопленный опыт проводки конвоев через Атлантику. Можно согласиться с автором, что первый протокол по праву считается «британским», поскольку он свидетельствовал об определяющем вкладе англичан в организацию помощи СССР в первый год войны на советско-германском фронте. Черчилль щедрой рукой передавал Сталину львиную долю поставок, обоснованно полагая, что, если падут Советы, падет и Британия. И именно он стал инициатором осуществленной в августе–сентябре 1941 г. совместной советско-британской операции по оккупации Ирана, что позволило создать так называемый «персидский коридор» для поставок по ленд-лизу, ставший самым долгим, но и самым безопасным маршрутом.

В целом британские поставки были сравнимы по объемам и стоимости с американскими на протяжении первых двух протоколов, а с Третьего протокола основная доля шла уже из США, о чем подробно рассказывается во второй книге исследовательницы. При этом общая стоимость поставок за все годы войны демонстрирует бесспорное лидерство Соединенных Штатов – 11,3 млрд долларов (85,7%), в то время как на долю Великобритании приходится всего лишь 1,7 млрд долларов (12,8%).

Книги Быстровой отличает спокойный и профессиональный разговор об очень болезненных аспектах изучаемой проблематики: почему сокращались поставки в самые критические для СССР моменты; по какой причине не выполнялись условия протоколов; чем мотивировались отсрочки в открытии второго фронта. Следуя принципу академической эмпатии и отказываясь от простых объяснительных моделей, автор со ссылкой на источники проводит многофакторный анализ позиции СССР, США и Великобритании и показывает, что каждая из сторон руководствовалась своими национальными интересами и придерживалась своей тактики ведения войны, что союзничество в рамках антигитлеровской коалиции оказалось делом крайне сложным, требовавшим постоянного поиска компромиссов и преодоления взаимного недоверия.

Центральная для трилогии проблематика личных контактов представлена на основе архивных материалов российского, американского и британского происхождения. Речь идет, конечно, о лидерах государств, о представителях военного и политического истеблишмента, о дипломатах трех стран. Однако этот личностный аспект на высшем уровне дополняется рассказом о контактах между простыми людьми. Данный сюжет стал центральным для книги «Поцелуй через океан», главы которой посвящены описанию лич-

ностного измерения военно-дипломатических отношений, многочисленных контактов советских, британских, американских летчиков, моряков, местных жителей на маршрутах доставки ленд-лиза – северном, тихоокеанском, южном, на трассе «Аляска–Сибирь».

Не упускается из виду и история операции «Фрэнтик», изобиловавшая трагическими изломами, идеологической напряженностью и конфликтами, что стало объектом пристального внимания в книге Плохия. Однако в отличие от него Быстрова вписывает эту историю в общую панораму масштабных и разнообразных советско-американо-британских межличностных отношений, не микшируя их негативных аспектов, но и не сосредотачиваясь только на них.

При всех бесспорных достоинствах книгам Быстровой присущи и определенные недоработки. Во-первых, в тексте отсутствует то, что принято называть «историографической интригой», т. е. заочный диалог с авторами, писавшими по избранной теме. Сосредоточившись на изучении архивных материалов (что в высшей степени похвально), исследовательница порой упускает из виду американские и британские историографические горизонты. Во-вторых, требует более тщательной проработки имагологическая составляющая текста, прежде всего в книге «Поцелуй через океан». В СССР, с одной стороны, в США и Великобритании, с другой, существовали долгосрочные тренды взаимных репрезентаций, действовали факторы, определявшие доминирование одних образов и маргинализацию других, обуславливавшие отказ от дихотомического видения в пользу их полифонии или обратный процесс. Восприятие на межличностном уровне сопрягалось с общими изменениями в имагологическом климате. Скажем, в советско-американских отношениях это было связано с тиражированием продукции Голливуда в СССР, с изменением отношения к американскому джазу, с прекращением имиджевого противостояния в карикатуристике и кинематографе. И, наконец, остается сожалеть, что первая и последняя книги полностью лишены иллюстративного материала. В этом смысле можно только приветствовать наличие в «Ленд-лизе для СССР» отлично подобранных фотографий.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что в своих работах Быстрова акцентирует внимание на коалиционном характере Второй мировой войны, победить в которой в одиночку было невозможно. А следовательно, для создания объективной картины исторического прошлого необходимо рассматривать взаимосвязь и взаимовлияние боевых действий на различных театрах, операции по проводке арктических конвоев в СССР, а также соотносить военно-экономические потенциалы двух коалиций.

Представленная вниманию читателя трилогия наглядно демонстрирует, что у русских, британцев и американцев есть общее прошлое, которым они могут по праву гордиться и которое важно не придавать забвению, как бы ни менялся климат международных отношений. Книги И.В. Быстровой будут интересны не только историкам, преподавателям и студентам, но и политикам, журналистам и общественным деятелям, а также всем тем в России, кто хотел бы сформировать разноплановое знание о ее прошлом.

Это особенно важно сегодня, когда страна переживает труднейший в своей постсоветской истории период.

Литература

- Быстрова 2011 – *Быстрова И.В.* Поцелуй через океан: «Большая тройка» в свете личных контактов (1941–1945). М.: РОССПЭН, 2011. 438 с.
- Быстрова 2019 – *Быстрова И.В.* Ленд-лиз для СССР: Экономика, техника, люди (1941–1945 гг.). М.: Кучково поле, 2019. 480 с.
- Быстрова 2022 – *Быстрова И.В.* Британский союзник: организация военно-экономических поставок в СССР в 1941–1945 гг. М.: Весь мир, 2022. 576 с.
- Журавлева 2021 – *Журавлева В.И.* Общее прошлое русских и американцев. М.: РГГУ, 2021. 618 с.
- Плохий 2022 – *Плохий С.Н.* Забытые бастарды Восточного фронта: Американские летчики в СССР и распад антигитлеровской коалиции. М.: Corpus, 2022. 400 с.
- Plokhly 2019 – *Plokhly S.* Forgotten bastards of the Eastern front. American airmen behind the Soviet lines and the collapse of the Grand Alliance. N.Y.: Oxford University Press, 2019. 360 p.

References

- Bystrova, I.V. (2011), *Potselui cherez okean: “Bol’shaya troika” v svete lichnykh kontaktov (1941–1945)* [Kiss across the ocean. The “Big Three” in the light of personal contacts (1941–1945)], ROSSPEN, Moscow, Russia.
- Bystrova, I.V. (2019), *Lend-liz dlya SSSR: ekonomika, tekhnika, lyudi (1941–1945 gg.)* [Lend-Lease for the USSR. Economy, technology, people (1941–1945)], Kuchkovo Pole, Moscow, Russia.
- Bystrova, I.V. (2022), *Britanskii soyuznik: organizatsiya voenno-ekonomicheskikh postavok v SSSR v 1941–1945 gg.* [British ally. Organization of military-economic deliveries to the USSR in 1941–1945], Ves’ mir, Moscow, Russia.
- Plokhly, S. (2019), *Forgotten bastards of the Eastern front. American airmen behind the Soviet lines and the collapse of the Grand Alliance*, Oxford University Press, New York, USA.

Plokhy, S.N. (2022), *Zabytye bastardy Vostochnogo fronta: Amerikanskije letchiki v SSSR i raspad antigitlerovskoi koalitsii* [Forgotten bastards of the Eastern front. American airmen behind the Soviet lines and the collapse of the Grand Alliance], Corpus, Moscow, Russia.

Zhuravleva, V.I. (2021), *Obshchee proshloe russkikh i amerikantsev* [The common past of Russians and Americans], RGGU, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Виктория И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; zhuravlevavic@mail.ru

Information about the author

Victoria I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; zhuravlevavic@mail.ru

УДК 378.4(73)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-126-133

Американские колледжи:
история и современность

Рецензия на книгу: *Кубышкин А.И.*
Город и Мантия: Американский университет
в структуре гражданского общества.
СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 280 с.

Илья А. Соков

*Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия, sokov@volsu.ru*

Для цитирования: Соков И.А. Американские колледжи: история и современность. [Рец.]: *Кубышкин А.И.* Город и Мантия: Американский университет в структуре гражданского общества. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 280 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 126–133. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-126-133

American colleges. Past and present

Book review: *Kubyshkin A.I.*
Gorod i Mantiya: Amerikanskii universitet
v strukture grazhdanskogo obshchestva
[Town and Gown. The American university
in the structure of civil society].

Saint Petersburg: the Publishing House
of A.I. Herzen State Pedagogical University, 2021. 280 p.

Ilya A. Sokov

Volgograd State University, Volgograd, Russia, sokov@volsu.ru

For citation: Sokov, I.A. (2023), "American colleges. Past and present. [Book review]: *Kubyshkin A.I.* Gorod i Mantiya: Amerikanskii universitet v strukture grazhdanskogo obshchestva [Town and Gown. The American university in the structure of civil society. Saint Petersburg: the Publishing House of A.I. Herzen State Pedagogical University, 2021. 280 p.", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 2, pp. 126–133, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-126-133

© Соков И.А., 2023

Сначала несколько слов об авторе рецензируемой монографии.

Александр Иванович Кубышкин – родоначальник научных исследований стран Североамериканского континента в Волгоградском государственной университете с 1995 по 2009 г. В этом университете он создал исследовательский центр «Американа» и школу американистов, многие из которых продолжают трудиться как в ВолГУ, так и в ведущих вузах России, институтах РАН и за рубежом. Его многолетний интерес к проблемам университетского образования в России, США и Канаде реализовался в многочисленных публикациях волгоградского периода и за 2009–2022 гг. уже в качестве профессора Санкт-Петербургского государственного университета.

Новая монография «Город и Мантия» – это успешный проект его научных интересов. Четверть века, как пишет сам автор монографии в предисловии, непосредственного знакомства «с более 100 университетами и колледжами в Соединенных Штатах и Канаде ...в качестве приглашенного профессора и стипендиата программ У. Фулбрайта, Дж. Кеннана в ведущих университетах США и в скромных региональных колледжах» [Кубышкин 2021, с. 16–17] позволили хорошо изучить современную структуру высшего образования в Америке, понять основные аспекты развития и совершенствования модели американского университета, узнать и оценить проблемы взаимоотношений университетов со структурами гражданского общества.

Научная значимость монографии заключается в возможности ее использования в качестве дополнительного учебного источника по образовательным курсам: «Зарубежное регионоведение», «Новейшая история США», «Комплексная характеристика стран Североамериканского региона», «История и культура стран Северной Америки» и другим элективным курсам российских университетов.

Монография состоит из шести глав, введения, раздела «Вместо заключения» и значительного списка источников и литературы (22 страницы) по теме исследования на русском и английском языках. Предисловие написано на русском языке Блэром А. Рублом, почетным научным сотрудником Международного центра ученых им. Вудро Вильсона, Вашингтон, округ Колумбия.

Американские колледжи и университеты в колониальную эпоху и первые годы независимости (глава 1) – это исторический экскурс начального этапа развития высшего образования в Америке, когда «смысл выражения “Город и Мантия” (Town and Gown) в Америке заключался не только в противопоставлении (как это было в истории европейских средневековых университетов), но и во взаимозависимости города и колледжа» [Кубышкин 2021, с. 30].

Другими словами, в триаде город – церковь – колледж, как утверждает автор, в становлении американских университетов церковь играла второстепенную роль, хотя «за исключением Гарварда все колониальные колледжи в Америке возглавлялись священнослужителями» [Кубышкин 2021, с. 30]. В дальнейшем, особенно при создании “Land Grant Colleges”, развитие «высшего образования в понимании местных и федеральных властей должно быть подчинено прежде всего нуждам региональных общин» [Кубышкин 2021, с. 50]. Именно возможностями и нуждами региональных общин объясняется появление двух моделей кампусов.

Современный этап развития американского высшего образования (глава 2), по мысли автора, определяют две тенденции: «сохранение своего лидирующего положения в мире в условиях глобализации» и проведение «глубокой трансформации» университетской модели [Кубышкин 2021, с. 76] в условиях «перманентного кризиса современного американского университета» [Кубышкин 2021, с. 77].

Кризис многосоставной и включает: кризис численности, кризис финансирования, кризис функциональной пригодности университетских программ и кризис так называемой новой первоочередности с его дилеммой, обозначенной Дж. Перкинсом: в чем ценность университета [Кубышкин 2021, с. 87].

Между тем автор монографии убежден, что дискуссия о преодолении кризиса американского высшего образования «сосредоточилась вокруг идеи целесообразности сохранения традиции классического персонифицированного образования, основанного на диалоге учителя и ученика и дополненной мощным современным инструментарием для создания системы непрерывного образования на протяжении всей человеческой жизни» [Кубышкин 2021, с. 89]. (От себя можно добавить: важно, чтобы диалог с учеником проводил не представитель ЛГБТ или других подобных маргинальных меньшинств, защиту которых гипертрофированно в США вывели на государственный уровень.)

Проблемы социальной и общественной активности обитателей американских кампусов анализируются в главе 3. Автор отмечает существенные изменения за прошедшие 50–60 лет как в студенческом политическом активизме, так и новой политкорректности, которая, по существу, приводит «к выхолащиванию содержания и художественной значимости в гуманитарных трудах» [Кубышкин 2021, с. 128]. Кроме того, распространение в академической среде «внутренней цензуры при всех благих намерениях энтузиастов тотального вербального, смыслового и поведенческого контроля неизбежно приводит к обострению как межличностных конфликтов (а их в кампусах насчитывают десятками, если не сотнями),

так и переоценке базовых принципов образования и социальной и культурной практики» [Кубышкин 2021, с. 128].

Что же касается контекста «город и мантия», то «меняется и отношение общества к высшему образованию, которое теперь рассматривается как преимущественно частное, а не общественное благо. Стоимость полученных знаний оплачивается потребителем (студентом), и, таким образом, обучение окончательно приобретает характер еще одной торговой трансакции, а научное исследование исключительно как продукт, а не деятельность, связанная с постижением научной истины» [Кубышкин 2021, с. 123].

В главе 4 автором рассматриваются «наиболее существенные компоненты американской университетской системы и их соответствие нынешним запросам американского общества» [Кубышкин 2021, с. 154].

Можно согласиться с автором монографии, что определяющим фактором американского высшего образования является его сравнительная доступность за счет возможности учебного кредита сроком до 30 лет, при условии, что в США «именно уровень образования определяет (последующую. – *И. С.*) стоимость трудовой деятельности» [Кубышкин 2021, с. 156] и систем поддержки учащихся на национальном уровне (Пелл грант) и уровне штатов «по дополнительным программам помощи получения высшего образования» [Кубышкин 2021, с. 157].

Безусловной отличительной чертой современной американской университетской системы является наличие возможности для получения высшего образования взрослым. Как утверждает автор монографии: «Почти 1800 вузов в США (практически половина из всех ныне действующих) предлагают разнообразные учебные программы для взрослых» [Кубышкин 2021, с. 158] на льготной или бесплатной основе в зависимости от американского штата на курсах до 4 недель и на платной в общественных 4-годичных колледжах.

Что касается условий поступления и дальнейшего процесса обучения в американских колледжах, описанных в монографии (Кубышкин 2021, с. 162–170), то многое из этого уже перенято российской системой высшего образования, но почему-то в России принято называть ее «Болонской системой», к которой в российском научном сообществе сейчас много критических вопросов.

С этим согласен и автор монографии: «...опыт реформ также доказывает, что автоматическое внедрение американских учебных технологий в России в большинстве случаев не работает в силу слишком значительных различий в мотивации, психологии, социальном и материальном положении студентов и преподавателей.

Во многом поэтому американская и российская университетские модели не взаимозаменяемы» [Кубышкин 2021, с. 172]. От себя добавим, что российское послевузовское образование (аспирантура и докторантура) еще больше имеет различий с американской системой Ph.D.

Автор монографии указывает, что «уровень подготовки многих выпускников американских колледжей продолжает вызывать вопросы» [Кубышкин 2021, с. 172]. В этой связи уровень подготовки американских и российских выпускников в целом больше сравнился, особенно это заметно в региональных вузах. Конечно же, объяснять это только переходом на «Болонскую систему» было бы упрощенчеством.

Глава 5 монографии посвящена преподавателям высшей школы США. Их деятельность значительно отличается от подобной в российских университетах: большей горизонтальной мобильностью в начале карьеры и вертикальной мобильностью с получением постоянной должности (*tenure*), имея определенные достижения в науке и преподавании. Но безотносительно стажа, подчеркивает автор монографии, «каждый американский профессор, как правило, имеет отдельный офис и нередко отдельное рабочее место в библиотеке, компьютер, телефон, множительную технику и факс, право получить бесплатную копию любой книги по специальности и т. д.» [Кубышкин 2021, с. 188].

Довольно большую выдержку (на четыре страницы) Александр Иванович приводит из книги Захария Карабелла о собирательном образе «американского профессора». Между тем эта книга заслуживает того, чтобы ее прочел каждый, кто интересуется успехами и проблемами университетского образования США [Karabell 1999].

В этой же главе автор делает подробный обзор заработной платы и других привилегий (бонусов) в американских колледжах. Интересно отметить, что в США контракт с преподавателем заключается на 9–10 месяцев, так как «в летние месяцы, когда занятия проводятся в рамках так называемых летних программ (*Summer schools*) – плата назначается дополнительно» [Кубышкин 2021, с. 201]. Перенятая же от американцев норма в российских вузах по заключению ежегодных контрактов несет в себе другой посыл, а с учетом нехватки ППС, особенно в региональных университетах, – по существу, не работает.

К этому можно добавить, что если проблема соперничества, которую в США именуют «крысиными бегами» (*rat race*), российскому преподавателю университета еще не грозит, то американский лозунг «Публикуйся или умри» (*Publish or Perish*) уже везде привязан к требованиям эффективного контракта.

Благодушный раздел главы 5 монографии «Свой среди чужих...»: или Российский профессор в интерьере американского университета» с позиций сегодняшнего дня вызывает больше недоверия и сочувствия к тем, кто в одночасье может стать «вражеским иностранцем», если помнить историю XX в.

В главе 6 автор монографии анализирует «взаимосвязь формирования интеллектуальной элиты с одним из важнейших общественных институтов США – университетом, их взаимовлияние, а также практические результаты взаимодействия интеллектуальной элиты с деятельностью и функциональной направленностью американского университета», хотя как читатель я ожидал, что последняя глава будет посвящена «обратной связи» – интеллектуального воздействия колледжа, особенно колледжей свободных искусств, на общественное сознание, по известному лозунгу – «сайте разумное, доброе, вечное», перечень инициатив по улучшению самого американского общества.

Конечно же, можно принимать или не принимать утверждение, что «Соединенные Штаты – страна, в целом, с сильными антиинтеллектуальными традициями, а глубокие культурные европейские традиции так и не пустили здесь прочных корней» [Кубышкин 2021, с. 201], но хотелось бы знать позицию, если не действия американского кампуса и профессуры, на «войну с памятниками» прошлой истории США, реакцию на проблему “anchor baby” и Black Lives Matter, на пресловутую политкорректность, которая тоже, по сути, расистская.

Судите сами, если в Америке говорят: президенты Рональд Рейган и Джо Байден – американцы ирландского происхождения, то Барак Обама – президент-афроамериканец.

Затем хотелось бы понять, как «университетское ученое братство» относится к разделению понятия «гендер» на биологическое и социальное в американском обществе?

Почему противостояние двух основных политических партий в США не только может парализовать работу американского правительства, но и вызывает грубые нарушения либеральной демократии?

Поэтому, на взгляд рецензента, глава 2 монографии является не только центральной, но и самой сильной, так как не только определяет глубинные причины кризиса в американском образовании, но и помогает понять степень снижения влияния университетской среды на состояние американского общества в целом.

Из краткой характеристики американского университета «эпохи Трампа», президентский период которого вряд ли можно именовать «эпохой», и автор монографии коснулся ее только в

финале, следует логический вывод, что американская система университетского образования, в том числе, конечно же, и колледжей «свободных искусств», обращена «вовнутрь себя» на воспроизводство высококлассных специалистов-профессионалов и вряд ли способна содействовать разрешению общественных и политических проблем самого американского общества.

Особо хочется отметить безусловную удачу монографии – дорожные «живые заметки» автора о его пребывании в г. Гриннелл штата Айовы как письма в Россию. Хотя, мне как рецензенту, получившему в подарок опубликованную монографию от Александра Ивановича 25 октября 2021 г. (а написана она была, судя по предисловию, в конце 2018 г.), в январе 2023 г. «живые заметки» кажутся посланием из зазеркалья – настолько мир изменился с тех пор. Невольно я задаюсь вопросом: как там сейчас в Гриннелле, по-прежнему для русского профессора может «утро начинаться с чашки свежего кофе и свежего номера “Нью-Йорк Таймс”, затем полтора часа диалога с умными и заинтересованными студентами, потом консультации и встречи – они еще только начались и впереди предстоит много любопытного»? [Кубышкин 2021, с. 23].

Рецензент, как и автор, считает, что «время покажет, насколько новая университетская интеллектуальная элита будет способна адекватно ответить на внутривнутриполитические и социальные вызовы, с которыми Соединенные Штаты столкнулись в эпоху кризиса неолиберального глобалистского проекта» [Кубышкин 2021, с. 246].

Литература

- Кубышкин 2021 – *Кубышкин А.И.* Город и Мантия: Американский университет в структуре гражданского общества. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 280 с.
Karabell 1999 – *Karabell Z.* What's college for? The struggle to define American higher education. N.Y.: Basic Books, 1999. 320 p.

References

- Karabell, Z. (1999), *What's college for? The struggle to define American higher education*, Basic Books, New York, USA.
Kubyskhin, A.I. (2021), *Gorod i Mantiya: Amerikanskii universitet v strukture grazhdanskogo obshchestva* [Town and Gown. The American university in the structure of civil society], RGPU imeni A.I. Gertsena, Saint Petersburg, Russia.

Информация об авторе

Илья А. Соков, доктор исторических наук, доцент, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия; 400062, Россия, Волгоград, Университетский пр-т, д. 100; sokov@volsu.ru

Information about the author

Ilya A. Sokov, Dr. of Sci. (History), associate professor, Volgograd State University, Volgograd, Russia; bld. 100, Universitetsky Av., Volgograd, 400062, Russia; sokov@volsu.ru

УДК 327.54

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-134-139

60 лет Карибскому кризису:
уроки истории для современности:
Обзор международной конференции
(РГГУ, Москва, 20–21 октября 2022 г.)

Антон С. Панов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, panov.a@rggu.ru*

Для цитирования: Панов А.С. 60 лет Карибскому кризису: уроки истории для современности: Обзор международной конференции (РГГУ, Москва, 20–21 октября 2022 г.) // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 134–139. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-134-139

60 years of the Cuban Missile crisis.
History lessons for the present.
Overview of the International Conference
(RGGU, Moscow, October 20–21, 2022)

Anton S. Panov

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, panov.a@rggu.ru*

For citation: Panov, A.S. (2023), “60 years of the Cuban Missile crisis. History lessons for the present. Overview of the International Conference (RGGU, Moscow, October 20–21, 2022)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 134–139, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-134-139

Советско-американский Карибский кризис 1962 г., начавшийся с установки СССР ядерных ракет на Кубе, неизменно привлекал пристальное внимание специалистов-международников, регионоведов и историков. Его значение сложно переоценить: именно он по праву считается самым острым моментом холодной войны,

© Панов А.С., 2023

грозившим превратить ее в поистине горячую. Осознание близости ядерного апокалипсиса и невозможности победить в глобальном противостоянии постепенно привело конкурирующие сверхдержавы – США и Советский Союз – и стоящие за ними военно-политические блоки к разрядке международной напряженности и урегулированию главных противоречий.

Являясь одним из самых хорошо изученных эпизодов холодной войны, Карибский кризис, тем не менее, до сих пор привлекает внимание как специалистов, так и широкой общественности. Уточнение отдельных фактов, рассмотрение всего кризиса в более широких политических и имагологических контекстах, возвращение к его наследию в рамках междисциплинарных гуманитарных исследований, – всему этому и была посвящена конференция «60 лет Карибскому кризису: уроки истории для современности», которая состоялась 20–21 октября 2022 г. в Российском государственном гуманитарном университете.

Международное мероприятие было организовано РГГУ в сотрудничестве с Институтом всеобщей истории Российской академии наук. В нем приняли участие как российские исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Перми, так и зарубежные специалисты из Великобритании, Израиля и Индии.

Форум открывали ректор РГГУ А.Б. Безбородов, академик и научный руководитель Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьян, а также последний посол США в СССР Дж. Мэтлок.

В своем выступлении А.Б. Безбородов приветствовал участников конференции и отметил важность изучения Карибского кризиса и его наследия в современную эпоху, которую некоторые специалисты называют «холодной войной 2.0». В свою очередь, А.О. Чубарьян также привлек внимание к актуальности исследования опыта ракетного кризиса 1962 г. сегодня, спустя 60 лет после его окончания. По мнению президента ИВИ РАН, уроки, которые он может дать, уникальны. В этом с ним оказался полностью солидарен Дж. Мэтлок. В своем видеообращении он попытался осмыслить дипломатические рецепты, не позволившие Карибскому кризису привести к ядерному конфликту, а холодной войне перерасти в горячую. Как подчеркнул дипломат, ключом к урегулированию противоречий как в 1962 г., так и во второй половине 1980-х гг. стала готовность идти на компромиссы во имя мира и процветания человечества, несмотря на все сложности идеологической и геополитической обстановки¹.

¹Приветственное обращение Джека Мэтлока, посла США в СССР (1987–1991). URL: https://vk.com/video-213882520_456239028 (дата обращения 10 февраля 2023).

В пленарном заседании были представлены доклады О.В. Павленко (РГГУ), В.Л. Хейфеца и Л.С. Хейфеца (СПбГУ), А.М. Филитова (ИВИ РАН), В.И. Есина (НИУ ВШЭ), В.С. Христофорова (РГГУ), обозначившие важнейшие тематические тренды конференции.

Так, О.В. Павленко обратила внимание на линии дипломатических контактов между СССР и США во время Карибского кризиса, которые не только не прерывались, но и сыграли ключевую роль в его урегулировании. А.М. Филитов вписал события октября 1962 г. в более широкий контекст биполярного противостояния с особым акцентом на ситуацию в Германии, где параллельно разворачивался Берлинский кризис. По его мнению, без учета этого фактора невозможно понять реальный международный контекст. В.Л. Хейфеца и Л.С. Хейфеца сосредоточили внимание на позиции Кубы, назвав эту тему обделенной вниманием в мировой историографии. Свидетельства американских и советских участников событий оказались объектом анализа в выступлениях В.С. Христофорова о советских военных, отправившихся на «остров Свободы» в рамках операции «Анадырь». Одним из них был В.И. Есин, генерал-полковник в отставке, командовавший в период Карибского кризиса размещенным на Кубе 514-м ракетным полком 51-й ракетной дивизии. Его воспоминания о тех событиях стали настоящей жемчужиной пленарного заседания.

В рамках конференции работали три междисциплинарные секции, объединившие историков, политологов, культурологов и специалистов по международным отношениям.

Первая секция – «*Образы Карибского кризиса в прошлом и настоящем*» (ведущая – В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой американских исследований РГГУ, инициатор и ответственная за организацию конференции) – была посвящена имагологии Карибского кризиса в исторической перспективе. Опираясь на анализ советской и американской карикатуристике, комиксов и сказок, музыкальных и кинематографических текстов, современных видеоигр, участники наметили новое направление в изучении этого критического в истории холодной войны момента. То же можно сказать и о проблематике, связанной с интерпретацией Карибского кризиса профессионалами-американистами в Советском Союзе и простыми американками, представленной участниками первой секции, которую с полным основанием можно назвать новаторской.

Спикеры второй секции – «*Карибский кризис в международных и национальных контекстах*» (ведущий – А.Н. Комаров, доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований

РГГУ) – обратились к международно-дипломатическим сюжетам, связанным с Карибским кризисом. События октября 1962 г. оказались вписаны в масштабный контекст мировой политики, резонируя в разных частях света с локальными национальными дискурсами и приобретая таким образом новые смыслы. В фокусе внимания докладчиков оказались Ближний Восток, американо-канадские отношения, политическая субъектность ФРГ, транзит итальянских коммунистов к еврокоммунизму, рост антисоветских настроений в Норвегии.

Участники последней секции – *«Карибский кризис в историографическом дискурсе»* (ведущий – О.А. Хлопов, кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований РГГУ) – обратились к историографическому дискурсу, совместив два подхода: сравнительный анализ национальных историографических традиций (англо-, испано- и русскоязычной) и уточнение методологии исследования на основе методов Digital Humanities, которые позволяют понять не только того, *что* исследуется специалистами, но и *кого* из них коллеги считают наиболее авторитетными.

Форум завершился итоговым круглым столом *«Уроки Карибского кризиса для современных международных отношений»* (ведущая – О.В. Павленко, первый проректор – проректор по научной работе РГГУ, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и внешней политики). В ходе дискуссии наметились две линии при оценке влияния Карибского кризиса на современность.

Во-первых, глобальная, представленная членом-корреспондентом РАН, директором Института США и Канады РАН В.Н. Гарбузовым и членом-корреспондентом РАН, директором Института Европы РАН А.А. Громько, что связано с существованием новых биполярностей в международных отношениях – американо-китайской и американо-российской, – использованием прокси-сил мировыми державами, их легитимирующей любую конфронтацию идеологической заряженностью, имеющей, несомненно, разрушительный характер, а также апелляцией к ядерной угрозе как последнему аргументу в споре. Во-вторых, региональная и локальная, связывающая отношения конкретных стран в 1960-е гг. и сегодня. Региональное осмысление Карибского кризиса на Кубе, в государствах латиноамериканского континента и Индии, которое было представлено в выступлениях Д.В. Разумовского (директор Института Латинской Америки РАН), М.А.-М. Кодзоева (ИЛА РАН, РГГУ) и С.Р. Гахира (Университет Рэйвеншоу, Индия), открывает совершенно иное измерение академической рефлексии о его уроках. Оно связано с полицентричностью мира, осознанием

его многомерности и невозможностью вписать региональные и страновые интересы в прокрустово ложе строгих бинарных оппозиций: Запад – Восток, капитализм – коммунизм, США – Китай или США – СССР/Россия.

Важнейшим итогом конференции стала актуализация проблемы эмпатии, поскольку способность слушать и слышать Другого есть залог конструктивного переговорного процесса и путь к выходу из международного кризиса. Как продемонстрировали лидеры США и СССР в начале 1960-х гг., нежелание принимать в расчет чужую позицию может привести мир на грань ядерной катастрофы. Нам повезло, что здравомыслие и благоразумие в итоге восторжествовали. Именно это позволяет сегодня с высоты исторического опыта рассуждать о наследии Карибского кризиса. Именно это и является главным его уроком для современности.

Международная конференция стала знаковым научным мероприятием, привлечшим внимание ведущих исследователей и специалистов. Однако она вызвала серьезный интерес и в студенческой среде. Студенты факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения РГГУ с программ по американским и международным исследованиям настолько активно задавали вопросы и комментировали выступления докладчиков, что господин Мэтлок решил посетить Дискуссионный клуб по американистике ФМОПиЗР РГГУ. Заседание Клуба под названием «Уроки холодной войны для современных российско-американских отношений» с его участием состоялось 8 декабря 2022 г.²

В заключение хотелось бы сказать слова особой благодарности в адрес администрации университета и, прежде всего, ректора РГГУ А.Б. Безбородова и первого проректора – проректор по научной работе РГГУ О.В. Павленко, без помощи и поддержки которых этот международный форум не смог бы состояться.

Научные итоги конференции «60 лет Карибскому кризису: уроки истории для современности» будут подводиться весь 2023 год. Статьи докладчиков войдут в два выпуска Вестника РГГУ серии «Политология. История. Международные отношения», один из которых вы уже держите в своих руках, а также в тематический номер журнала «Новый исторический вестник».

²Отчет о заседании см.: URL: <https://www.rsuh.ru/education/fmopzr/news/detail.php?ID=881497> (дата обращения 10 марта 2023).

Информация об авторе

Антон С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; panov.a@rggu.ru

Information about the author

Anton S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; panov.a@rggu.ru

УДК 327

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-140-145

Rethinking the postgraduate international and Latin American studies in South America

Ignacio Liendo

*Universidad Nacional de Córdoba,
Córdoba, Argentina, ignacio.liendo@gmail.com*

For citation: Liendo, I. (2023), “Rethinking the postgraduate international and Latin American studies in South America”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 140–145, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-140-145

Переосмысление последипломных международных и латиноамериканских исследований в Южной Америке

Игнасио Лиендо

*Национальный университет Кордовы, Кордова, Аргентина,
ignacio.liendo@gmail.com*

Для цитирования: Liendo I. Rethinking the postgraduate international and Latin American studies in South America // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 2. С. 140–145. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-2-140-145

Comte maintained that, in order to study a science field, one had to know its history, tracing its origins. “You don’t know a science if you don’t know its history”.

For this reason, it is important to highlight that -just as Political Science can trace its origins back to Plato and Aristotle-, International Studies, and most specifically, International Relations, can trace its own back to Thucydides and Polybius and then, to the old masters of Geopolitics: Ratzel, Mahan, Kjellén, MacKinder, and Haushofer.

Without a doubt, despite its limitations, Geopolitics can be considered the modern source from which International Relations as a discipline and the most powerful states drank to outline the great strategic lines of action of their respective foreign policies.

© Liendo I., 2023

However, this important fact is usually avoided since Geopolitics was transformed, after 1945, into a kind of “cursed discipline”, despite the fact that all the great powers, after World War II, have continued, to a large extent, basing their hegemonic policies in cases of indisputable geopolitical nature.

According to Gullo, it is also important to highlight -because it is a fact totally unknown by European, North American and Latin American academics-, that International Relations can also trace its origins in the thought of some of the most important men of the so-called Latin American Generation of 1900, comprised of, among others, the Uruguayan José Enrique Rodó, the Mexican José Vasconcelos, and the Argentines Manuel Ugarte and José Ingenieros. Intellectual sons of the Generation of 1900 are, among others, the Peruvian politician and intellectual Víctor Raúl Haya de la Torre and the Uruguayan thinker Alberto Methol Ferré, author of the Theory of Continental States and a remarkable influence on the geopolitical thought of Pope Francis.

Once the origins of International Relations have been determined, it should be specified that this field was born, as an academic discipline, mainly in Europe (and incipiently in the United States), as a consequence of the terrible trauma that the First World War had caused in European society and, in substance, due to the need of the English elite to reflect on how to stop the notorious decline of British power after the Great War. It is precisely then, at the end of the First World War, those International Relations were born as an autonomous scientific discipline.

The first Chair of International Relations was created in Wales in 1919. Shortly after, Oxford and the London School of Economics created their respective Chairs of International Relations. The three British Chairs – and by the then newly created “Royal Institute of International Affairs” – pursued the same common purpose: to understand the changes that were taking place in the international system and to know, consequently, what Great Britain had to do to recover and maintain its power, in the new international scenario.

On the other hand, the need to form political-diplomatic cadres for the recently created League of Nations – imagined by most liberal politicians and intellectuals as the embryo of a future world government – led to the creation, in the city of Geneva, of the first University Institute fully devoted to the study of International Relations: the University Institute of Advanced Studies founded in 1927 in Switzerland on the initiative of the rector of the University of Geneva. It is important to note that this Institute was born politically sponsored by President Wilson, in close institutional relationship with the League of Nations and financed by the Rockefeller Foundation, as well as the Council on Foreign Relations in New York City.

The first body of professors of the Institute believed that they were founding, at that time, with the creation of international organizations, the formation of a cosmopolitan international civil service and the establishment of free trade at the world level, those conditions that would finally make possible, and the establishment of a lasting global peace. Free trade was, for most of the Institute's professors, the best possible tool to guarantee world peace. This liberal thought permeated academia and politics throughout the world.

It is interesting to point out the creation in the Argentinian Republic, more precisely in the city of Rosario, on August 17, 1920, of the Degree in Diplomacy at the Faculty of Economic, Commercial and Political Sciences of the National University of Rosario. It was also the University of Rosario – from 1927, – the first one in Latin America to award a PhD in Diplomacy, organizing the first Graduation Ceremony, on September 21, 1932. It is politically relevant to note that the Bachelor of Diplomacy and the PhD in Diplomacy were created in the city of Rosario and not in Buenos Aires, capital city of Argentina.

The outbreak of the Second World War froze the development of International Relations in Europe. But then, crossing the Atlantic, as soon as the war ended, the discipline will have a second birth in the United States, so dazzling – due to the degree of development and depth reached in its study – that will make us forget its European origins. That is why it is usually considered, following Stanley Hoffmann, International Relations as an American social science.

When the study of International Relations was reborn in the United States, it will acquire characteristics that will accompany nowadays:

The exaggerated emphasis placed on studies that deal only with the present.

The deficient knowledge of Universal History.

The lack of sufficient studies on the relationship between the strong and the weak.

The strictly North American perspective.

This caused, in turn, seven consequences, in the rest of the world:

That the North American theoretical production reigned absolutely in the international academic universe and that, by logical consequence, in most of the world's universities. As a result, International Relations were analyzed through the use of theories produced in the high institutes of excellence from United States.

That the texts that are used, in the majority of International Relations careers in all the Universities of the world, especially in the matter of International Relations Theory, with few exceptions, are those of the great North American or European scholars living in the United States, who wrote their major works since the mid-twentieth century.

That the United States became a great “Mecca’ for those who sought to train – and specialize – in the study of International Relations.

That foreign students who returned to their respective countries of origin -after having trained and specialized in North American Universities- brought with them the peculiar American way of conceiving the study of International Relations, a conception according to which studying International Relations is almost a synonym of studying Theory of International Relations.

That there was a thoughtless follow-up, by academics residing outside the United States, of the debates and categories in vogue produced in the prestigious North American universities.

That English became the lingua franca of International Relations.

That Latin American Studies followed these specialization guidelines, with a strong bias in the economy and democratization processes, from a North American perspective, and far from the national interest of the States and South American Integration.

On the other hand – according to Hoffmann – another problem of International Relations essentially linked to the fact of the second birth of the discipline in the United States – which leads to a real deficiency in the understanding of the international system, – refers to the lack of enough studies on the functioning of the international hierarchy, or if preferred, on the nature of the relations between the weak and the strong. This fact naturally led to the fact that the question about “how and under what conditions the weak have been able to counteract their inferiority” has not been at the center of the scientific research. This has not allowed the development of autonomous Latin American Studies.

Unlike what happens in other parts of the world, for the majority of American researchers and professors working in this field, the specificity of the work of experts in International Relations is “to produce knowledge for State consumption”.

In other words, for American academics, “the social usefulness of International Relations studies lies in producing knowledge that can be offered to State institutions, so that the political leaders can make the most convenient decisions for the State’s interests”. That is why, unlike most countries, in the United States “the academic world is part of the State and works to provide it with knowledge that can strengthen it”.

In the United States, there is no kind of modesty among academics in working for State institutions, including intelligence and espionage agencies. “Serving the Department of State, the CIA or any other security, intelligence or espionage agency is not a reason for fear or disdain among the American academics”, but a source of pride.

That is why it is essential to understand – as Hoffmann also points out – that when the experts in International Relations in Mexico, in

Buenos Aires, in Rio de Janeiro, in Berlin or in Beijing, reflect and follow, more or less slavishly and with some delay, the North American “fashions” – that is, the debates and the categories of analysis in vogue – they reflect, and also serve the political interest of the United States. In turn, they are increasing American soft power, given the strong connection between the academic world and the world of power in the US, which places to the brightest academics and researchers not merely in the “corridors” of power but also in the “kitchen” of power.

Finally, it is important to highlight, paradoxically, as a problem for the study of International Relations, the fact that English has become the lingua franca of the discipline. The British professor Arthur John Richard Groom, in his book “Contemporary International Relations; A Guide to Theory”, affirms that English is not only the lingua franca of International Relations: Due to the foundations of the discipline rest on a mortar of Anglo-Saxon mold, the predominance of the English language in International Relations as a discipline of study, is an irreversible and inevitable fact.

As Gonçalves and Valente point out, “The most notorious symptom of the presence of North American cultural elements in International Relations is the presentation of the evolution of this discipline through paradigmatic debates”. Indeed, the stages of progress in International Relations are exhaustively exposed by all the theoretical studies of the discipline, constituting an authentic ‘mantra’ always present in the numerous manuals written by Anglo-Saxon academics. For many, the knowledge of these stages or the basic content of each one of the paradigms come to be considered as a distinctive sign of inclusion in the academic area of International Relations. Those who claim to be recognized as academics in the area and reveal a lack of knowledge about the order of evolution of these paradigms (or are unable to cite the names of the most outstanding North American scholars in each of these stages and their respective works) “have their reputation as scholars of International Relations placed in doubt”.

It is important to note that, in Latin America, intellectuals such as Raúl Scalabrini Ortiz, Arturo Jauretche, José Hernández Arregui, Felipe Herrera, Raúl Prebisch, Jorge Abelardo Ramos, Alberto Methol Ferré, or Andrés Soliz tried to observe and analyze the international reality with their own points of view. Rada, Aldo Ferrer, Paulo Schilling, Fernando Henrique Cardoso and Enzo Faletto, and more specifically, from International Relations as a discipline of study, Juan Carlos Puig, Bruno Boloña, Luiz Alberto Moniz Bandeira, Helio Jaguaribe and Amado Cervo tried to carry out the same task.

The brief historical account that we have made about the origins of International Relations as a discipline of study proves that Interna-

tional Relations were born as a reflection carried out first, by the British and then by the North American power, in order to achieve certain political purposes, far from the promotion of the national interests of South America's nations and their integration. Latin American Studies are affected by this dynamic.

This irrefutable verification demonstrates the deep need of carrying out an always "situated reflection" to develop from there International Studies and Latin American Studies in view of the national interest and focused on the new realities of the multipolar world with a special attention on Eurasia and the BRICS.

Information about the author

Ignacio Liendo, Doctor en Estudios de América Latina Contemporánea, professor, Universidad Nacional de Córdoba, Córdoba, Argentina; 153, Av. Vélez Sarsfield, Córdoba, Argentina, X5000JJJ; ignacio.liendo@gmail.com

Информация об авторе

Игнасио Лиендо, доктор современных латиноамериканских исследований, профессор, Национальный университет Кордовы, Кордова, Аргентина; X5000JJJ, Аргентина, Кордова, пр-кт Велес Сарсфилд, д. 153; ignacio.liendo@gmail.com

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка

Н.В. Москвина

Подписано в печать 31.05.2023.

Формат 60×90^{1/16}.

Уч.-изд. л. 9,0. Усл. печ. л. 9,1.

Тираж 1050 экз. Заказ № 1750

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru